

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 5

*Виктор Иванович Соболев
(1948-1999)*

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБУН «Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН»
Национально-культурная автономия
сибирских татар г. Тобольска
Центр по изучению историко-культурного
наследия сибирских татар**

Сибирский сборник

Выпуск 5

Тобольск 2020

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)
С34

Редакколлегия: *З. А. Тычинских*, кандидат исторических наук (главный редактор), *Н. П. Турова*, *Е. П. Загваздин*

Рецензенты: *Д. М. Исхаков*, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Туган жир» / «Родной край»; *Р. Г. Буканова*, доктор исторических наук, профессор Уфимского юридического института МВД РФ; *С. Р. Муратова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания ТПИ имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

С34 **Сибирский сборник** : сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 5. – Тобольск : ИП Жмуров С. В., 2020. – 232 с. : ил.

ISBN 978-5-6043047-8-5

В 5 выпуске «Сибирского сборника» представлены статьи исследователей России, Украины, Азербайджана по различным проблемам истории, археологии, этнологии и лингвистики, в той или иной степени связанных с сибирской тюркологией. Сборник посвящен памяти известного археолога и историка, доктора исторических наук Виктора Ивановича Соболева.

Сборник предназначен для исследователей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек и всех интересующихся историей Западной Сибири.

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)

ISBN 978-5-6043047-8-5

© Тобольская комплексная станция
УрО РАН, 2020
© Оформление. ИП Жмуров С. В.,
2020

**ВИКТОР ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВ И ЕГО ВКЛАД
В ИСТОРИЮ, АРХЕОЛОГИЮ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЮ СИБИРИ**

С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов

*Россия, Омск, Омская лаборатория археологии,
этнографии и музееведения Института археологии
и этнографии СО РАН, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

Приведены сведения о научной и научно-организационной деятельности Виктора Ивановича Соболева – доктора исторических наук, профессора, академика Академии педагогических и социальных наук, члена-корреспондента Российской академии естественных наук, работавшего в последние годы жизни в Новосибирском государственном педагогическом университете в должности первого проректора. Содержатся данные о его исследованиях по истории, археологии и этноархеологии Сибири. Научно-организационная работа В. И. Соболева раскрывается через его тесное сотрудничество с омскими учеными, которые, в свою очередь, организовали после кончины исследователя подготовку и издание монографии по истории сибирских ханств XIV–XVI веков.

Ключевые слова: В. И. Соболев, история, археология, этноархеология, организационная деятельность, конференции, сибирские ханства.

**VIKTOR IVANOVICH SOBOLEV AND HIS
CONTRIBUTION TO THE HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOARCHEOLOGY OF SIBERIA**

Information is given on the scientific and scientific-organizational activities of Viktor Ivanovich Sobolev – doctor of historical sciences, professor, academician of the Academy of Pedagogical Social

Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, who worked at the Novosibirsk State Pedagogical University, in the last years of his life as the first vice-rector. It contains data on his research on the history, archeology and ethno-archeology of Siberia. Scientific and organizational work V. I. Sobolev is revealed through his close cooperation with Omsk scholars, who, in turn, organized the preparation and publication of his monograph on the history of Siberian khanates of the XIV–XVI centuries after his death.

Keywords: V. I. Sobolev, history, archeology, ethnoarchaeology, organizational activities, conferences, Siberian Khanates.

Виктор Иванович Соболев (1948–1999) заслуженно считается одной из знаковых фигур сибиреведческого научного сообщества, настолько существенен его вклад в науку, организацию научных исследований и в поддержку работы ученых разных городов Сибири. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук (Россия), член-корреспондент Российской академии естественных наук, первый проректор крупнейшего в Сибири Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), руководитель учебно-методического центра «СибАрх» (Сибирский археолог), его имя и сегодня остается в ряду выдающихся ученых и крупных организаторов в сферах науки и образования. В. И. Соболеву посвящено уже немало публикаций [1; 9, с. 9–11; 10, с. 3–7; 11, с. 2–15; 21, с. 55–56; 69–70; 73–74; 20, с. 5–7]. А в 2008 г. к 60-летию со дня рождения В. И. Соболева в Новосибирске по инициативе директора Института истории гуманитарного и социального образования НГПУ Олега Николаевича Катионова вышла книга «Соболев Виктор Иванович: коллега, учитель, товарищ, друг» [13], в которой статьи и воспоминания о нем опубликовали В. И. Молодин, В. В. Бобров, П. В. Лепин, Е. И. Соловьева, О. Н. Катионов, З. П. Горьковская, Л. И. Дремова, О. Н. Сидорчук, К. Л. Русина, В. Г. Беженарь, В. А. Табунычиков. Не остались в стороне и мы, омские коллеги и друзья Виктора Ивановича, посвятив его памяти несколько статей [6, с. 13–8; 7, с. 22–24; 18, с. 2].

В данной статье, прежде всего, будут приведены сведения

о сотрудничестве В. И. Соболева с археолого-этнографическим сообществом омских вузов, научных учреждений, музеев и архивов, оценки результативности такого взаимодействия, о подготовке его основного труда по истории сибирских ханств.

Но сначала о его научном вкладе.

В. И. Соболев как историк и археолог сформировался в новосибирской археологической научной школе, обучаясь и затем работая в НГПУ. Его учителями были выдающиеся новосибирские ученые Вячеслав Иванович Молодин и Татьяна Николаевна Троицкая и кемеровский археолог Анатолий Иванович Мартынов. В 1983 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Барабинские татары XIV – начала XVII вв. н. э. (по археологическим материалам)» и в 1995 г. докторскую диссертацию «История Сибирских ханств (по археологическим материалам)».

Список трудов В. И. Соболева включает 72 наименования, и среди них 10 монографий (включая коллективные) и учебных пособий. В нем есть статьи об изучении памятников эпохи бронзы и раннего железа. Но главный и очень существенный в археологии вклад ученого – это изучение позднесредневековых памятников Западной Сибири. А в синтезе этих материалов с письменными источниками – выход на проведение исследования истории государств и населения данного региона. В. В. Бобров и В. И. Молодин следующим образом оценили эту деятельность В. И. Соболева: «В западно-сибирской археологии немного специалистов, которые ведут исследования на стыке письменной истории и этнографии. По существу, только в последнее время археолого-этнографическое направление получило широкое развитие. В 70-е – 80-е годы исследователь был в редком числе тех, кто продолжал отечественную традицию синтеза археологии и этнографии, развитию которой в Сибири положили начало работы А. П. Окладникова, А. П. Дульзона, В. Н. Чернецова. Скрупулезно год за годом В. И. Соболев изучал архивные документы, планомерно вел сбор материалов в музеях страны и фондах научных и учебных учреждений, интенсивно проводил полевые исследования. Его изыскания были посвящены истории Сибирских ханств как до присоединения Сибири к Русскому государству,

так и в последующий период» [10, с. 5].

В. И. Соболев никогда не закрывался в научной работе. Наоборот, он стремился привлечь внимание разных ученых к его научным результатам, не стеснялся обращаться за помощью и с просьбами критически оценить его труды. Одному из авторов этой статьи – Н. А. Томилову довелось вместе с В. И. Соболевым то в его квартире, то в квартире его родителей часами читать его кандидатскую и докторскую диссертации. Ему было очень важно мнение этнографов-тюрковедов.

А вообще-то нас с В. И. Соболевым связывали и совместные опыты на начальном этапе организации и проведения этноархеологических исследований культуры населения юга Западной Сибири путем конструирования и изучения социокультурных этнографо-археологических комплексов (ЭАК) [2; 19, с. 3–14; 20, с. 75–84] в конце 1970-х – 1990-х гг. Тогда Виктор Иванович и омский этнограф Владимир Борисович Богомолов предприняли попытку интегрировать археологические и этнографические материалы по орнаменту барабинских татар – одной из этнических групп сибирских татар. Разрабатываемую омскими учеными теорию этнографо-археологических комплексов (далее – ЭАК) и первые результаты конструирования ЭАК по одному компоненту культуры – по орнаменту мы решили доложить на V Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании «Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири», которое проходило в Томске в 1981 г.

Предварительно В. Б. Богомолов и Н. А. Томилов обсудили тему ЭАК с нашим археологом и историком Владимиром Ивановичем Матющенко и предложили ему дать оценку теории и методике ЭАК в наши тезисы доклада. Тот поддержал наши разработки по ЭАК, но не принял наше предложение («Это Ваши идеи, Вы их и докладывайте сами»), предложил сделать нам вступительный доклад. Так и были представлены на томском совещании три доклада: В. И. Матющенко «О соотношении археологических и этнографических материалов в исторических исследованиях», В. Б. Богомолова и Н. А. Томилова «Теоретические и методоло-

гические аспекты археолого-этнографических исследований», В. Б. Богомолова и В. И. Соболева «Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар» [8, с. 123–132]. Так В. И. Соболев и стал как бы членом нашей небольшой группы, помогая нам в 1990-е гг. проводить научные форумы по этноархеологии и печатая сборники научных трудов.

Историческая тематика в трудах В. И. Соболева довольно разнообразна. Прежде всего, конечно, эта история государственных образований (ханств) Сибири, а также история хозяйственных занятий населения, экономики, торговли, этническая история татар Западной Сибири, история городов названного региона, ислама в Сибири, история искусства древнего и средневекового населения, история Новосибирской области и отдельно её Куйбышевского района, города Бердска и его округа и др.

В. И. Соболевым опубликованы статьи источниковедческого содержания, статьи по историографии средневекового и нового времени, истории населения и государств Западной Сибири, а также по истории археологической науки, в том числе статья о его учителе В. И. Молодине, рецензия на учебник А. И. Мартынова «Археология» и др. [17, с. 18–24].

Помимо археологических, этнографических и исторических сюжетов заметное место в публикациях В. И. Соболева занимают работы в области образования. Это учебные пособия «История Древнего мира» (в соавторстве с А. В. Эдаковым, И. С. Свенцицкой и Л. Н. Глушкинской (Москва, 1986), «Наш край в древности и средневековье» (в соавторстве с Т. Н. Троицкой, Новосибирск, 1996), «Материалы к курсу «Этнология» (Новосибирск, 1997), а также статьи по методике преподавания, об интегрированных моделях обучения, о региональной модели управленческих кадров образования и др.

Активная организационная деятельность В. И. Соболева в образовании, науке и сфере общественной работы, особенно в период его работы с 1983 г. деканом исторического факультета, с 1988 г. проректором по учебной работе и с 1995 г. первым проректором НГПУ, также нашла отражение в его публикациях

по вопросам охраны археологического и в целом природного и историко-культурного наследия, социализации молодежи через познание истории мировой культуры и, в том числе, древнего искусства, оценки Западной Сибири как региона культурных взаимодействий, освещения перспектив этнокультурного выживания тюркских народов Западной Сибири, о роли связи вуза и сельской школы в жизни российского общества [17, с. 21–24].

Особенно ярко и значимо научно-организационная деятельность В. И. Соболева в общероссийском масштабе проявилась в работе созданного им после защиты докторской диссертации учебно-методического центра «СибАрх» (Сибирский археолог). Наши именитые ученые Владимир Васильевич Бобров и Вячеслав Иванович Молодин оценили эту работу следующими словами: «В тесном сотрудничестве с исследователями Института археологии и этнографии СО РАН «СибАрх» проводил систематические охранные работы в зонах планируемого строительства. Более того, В. И. Соболеву удалось организовать эти работы не только в Новосибирской области, но по отдельным проблемам провести исследования в Сибири, на Дальнем Востоке и даже в европейской части страны» [10, с. 6].

Переходя к теме о сотрудничестве В. И. Соболева с омским научным сообществом приведем еще одно высказывание двух вышеназванных ученых. Они так писали об обстановке в кабинете первого проректора НГПУ В. И. Соболева: «И все же в этом кабинете вас ожидает нечто особенное. Здесь встречаешь подкупающую простоту в обращении, внимательное и дружелюбное расположение к посетителю, отменную реакцию на проблему или возникающий вопрос... Попав сюда, через минуту понимаешь, что здесь царит уверенность и профессионализм» [11, с. 2].

Так и наше сотрудничество с В. И. Соболевым началось с того, что он выполнил нашу просьбу помочь в обеспечении наших полевых работ фотооборудованием через Новосибирскую базу посылторга. 29 ноября 1976 г. он писал нам: «Многоуважаемый Николай Аркадьевич! На днях решился вопрос, о котором мы договаривались. Фотоаппараты на базе есть «Зенит»,

«Зоркий» и ФЭД. Есть и фотоэкспонометры типа «Ленинград» да и всё другое (фотоувеличители и глянцеватели). Но все упирается в два момента: 1. На организацию база ничего не высылает. Нужно конкретно указать кого-либо. 2. Сказали, что много фотоувеличителей бьются в дороге, а затем приходят назад. Но это можно было бы решить, лучше упаковать и всё... Сегодня отправил в сборник статью, к сожалению, не ту, что планировал, обстоятельства оказались выше. Поэтому и задержал так долго. По барабінцам статью, которую планировал сейчас, дам в следующий сборник. Что нового у Вас? Получили или нет гитару. Её отправили еще до 7 ноября. Передавайте дома привет. До свидания, жду ответа. С уважением Соболев» [23, с. 123–124].

Вот так и начались у нас с Виктором Ивановичем общие дела и дружеские отношения. Получили мы и гитару (она была и дома, и в экспедиции необходима), и фотооборудование в хорошо упакованном виде, и статью, которая была опубликована в нашем сборнике в 1978 г. [15, с. 91–96]. Конечно, он был связан множеством дел не только с ОмГУ и Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, но и с вузовскими и научными учреждениями многих регионов Сибири, поддерживал дружеские и деловые отношения с большой группой российских ученых.

В Омске В. И. Соболев бывал фактически ежегодно, работал здесь с археологическими коллекциями музеев и вузов, с материалами архивов. В 1988 г. по инициативе и под руководством Виктора Ивановича совместно с археологами Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького была проведена продолжительная разведочная экспедиция от Омска до районного центра Усть-Ишима, участники которой осмотрели и зафиксировали много археологических памятников эпохи сибирских ханств.

В. И. Соболев участвовал во многих конференциях и семинарах, проводившихся в Омске, некоторые из них помогал организовывать и частично финансировать, в том числе через центр «СибАрх». Впервые у нас он выступил в ноябре 1979 г. на Все-

союзной научной конференции «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий» с докладом в соавторстве с Е. И. Сидоровым «Тюркский памятник Чулынкуль». В ноябре 1984 г. на второй такой же конференции по этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий был заслушан его доклад «К вопросу об этническом формировании барабинских татар». В ноябре 1992 г. на такой же, третьей по счету, но уже в ранге всероссийской, конференции он докладывал некоторые результаты своей работы над докторской диссертацией по теме «Этнические процессы и их отражение в экономической, социальной и политической истории (по материалам сибирских ханств)». Собирался Виктор Иванович участвовать в четвертой такой же конференции, которая прошла в Омске уже как международная в начале ноября 1998 г., но так и не смог приехать.

Кроме этой конференции в июне 1994 г. В. И. Соболев участвовал в Омске в работе Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)» и выступил с фундаментальным докладом «Распространение ислама в Сибири». 15–16 ноября 1995 г. он принял активное участие в работе III Всероссийского научно-го семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко, выступил с докладом «Археолого-этнографические реконструкции (исходные направления)», участвовал в прениях. Тогда он оказал помощь в издании материалов этого семинара и вошел в состав редакционной коллегии этих сборников, а НГПУ был включен в состав основных организаторов семинара вместе с ОмГУ, Омским филиалом ОИИФФ СО РАН и Сибирским филиалом Российского института культурологии (РИК). И, по предложению В. И. Соболева, было решено следующий семинар провести в Новосибирске на базе НГПУ.

С особой теплотой вспоминается помощь В. И. Соболева в организации этих ежегодных семинаров по этноархеологии. Не последнюю роль сыграло здесь и то, что научные интересы Вик-

тора Ивановича совпадали с тематикой этих семинаров. Поэтому не случайно наш первый выездной семинар – IV Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» был проведен в Новосибирске.

Виктор Иванович возглавил работу оргкомитета этого семинара в качестве его сопредседателя (совместно с председателем оргкомитета и руководителем семинара Н. А. Томиловым). Надо сказать, работалось с ним удивительно легко. Несмотря на загруженность административной работой, Виктор Иванович всегда быстро и четко решал организационные вопросы. Его отличительными чертами были обязательность и деловитость. Именно благодаря Виктору Ивановичу, который собрал на этом семинаре крупнейших ученых-сибиреведов, первый опыт проведения выездных семинаров, ставших впоследствии одной из наших традиций, оказался удачным. После семинара в Новосибирске Виктор Иванович продолжал оказывать нам финансовую и организационную помощь в проведении подобных мероприятий в Уфе (1997 г.) и Санкт-Петербурге (1998 г.), оставаясь в составе оргкомитета этого ежегодного научного форума, ставшего с 1998 г. Международным научным семинаром.

К семинару в Новосибирске был выпущен в свет сборник материалов в двух частях. Ответственными редакторами этого издания стали В. И. Соболев, С. Н. Корусенко и Н. А. Томилов, членами редколлегии – В. И. Матющенко, А. Г. Селезнев, С. Ф. Татауров и С. С. Тихонов [6, с. 15]. В состав оргкомитета семинара вошли также заместители председателя оргкомитета В. С. Елагин (Новосибирск) и А. Г. Селезнев (Омск), ученые секретари С. Н. Корусенко и С. Ф. Татауров (Омск), члены оргкомитета член-корреспондент РАН В. И. Молодин, профессора, доктора исторических наук В. О. Бернацкий, В. И. Матющенко (Омск), Т. Н. Троицкая, Ю. С. Худяков (Новосибирск), кандидаты исторических наук Б. В. Мельников и С. С. Тихонов (Омск). На том памятном семинаре, который работал 12–13 ноября 1996 г. и в котором участвовали 56 человек, было заслушано 42 доклада ученых из Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Новосибирска,

Омска, Тобольска, Томска и Ханты-Мансийска. В развернувшейся на нем порой весьма острой дискуссии выступили около 20 ученых [5, с. 242–247]. Среди участников семинара были известные ученые, помимо названных выше членов оргкомитета, ректор Новосибирского государственного педагогического университета П. В. Лепин, А. П. Бородовский, А. С. Васютин, А. В. Головнев, Е. М. Данченко, А. В. Жук, В. М. Кимеев, Ю. Ф. Кирюшин, Н. В. Мухина, В. Е. Медведев, И. В. Октябрьская и др. Мы назвали здесь только более двух десятков фамилий, а в своей жизни В. И. Соболев общался с сотнями ученых: именитых, молодых и только начинающих свой путь в науку.

На семинаре в Новосибирске в совместном докладе В. И. Молодина и В. И. Соболева «Изучение позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье: некоторые итоги, проблемы и перспективы» был дан анализ исследований на территории Западной Сибири за последние 20 лет. Особенно успешно, по мнению докладчиков, провели подобные работы ученые Томска, Новосибирска, Омска и Барнаула, что позволило воссоздать целые страницы этнической истории ряда народов Сибири. Докладчики пришли к выводу, что сибирская археология выходит на новый «...уровень исследований, когда некоторые гипотезы и схемы способны, благодаря комплексному изучению, обрести реальную плоть, став по существу историей народов, населяющих эту обширную территорию Западной Сибири» [12, с. 23]. И, как показало прошедшее десятилетие, этот вывод оказался верным – блестящие результаты мирового уровня в изучении этнической и, прежде всего, этнокультурной истории народов Сибири были получены благодаря работам, проводившимся в эти годы под руководством А. П. Деревянко, В. И. Молодина, Н. В. Полосьмак и других сибирских археологов. Новосибирский семинар по этноархеологии сыграл в середине 1990-х гг. значительную роль в развитии этноархеологических исследований, что нашло отражение и в решении семинара.

Значительный вклад В. И. Соболев внес и в организацию IV Международной научной конференции «Россия и Восток:

проблемы взаимодействия», состоявшейся в Омске в мае 1997 г. Он входил в состав оргкомитета этого весьма представительного форума, собравшего около 700 человек, и принял непосредственное участие в его работе. В ходе конференции было заслушано 316 докладов ученых из Великобритании, Германии, Казахстана, Монголии, Польши, США, Франции и 24 городов России, в том числе и доклад В. И. Соболева «Медиевистика Западной Сибири в свете европейской «новой исторической науки» (проблемы и задачи)». Завершая свое выступление, он отметил: «Очевидно, необходимо согласиться, что за решением глобальных проблем, с одной стороны, а с другой – вещественноведческими разработками (первый уровень по А. В. Арциховскому), мы не очень часто выходим на второй. Кроме этого, в стороне остаются некоторые вполне очевидные проблемы, рассматриваемые в последнее время учеными Омского археолого-этнографического центра. А поскольку источниковая база медиевистики Сибири и Европы несопоставима в силу объективных причин, то компенсировать её, в определенной степени, при реконструкции средневековой истории поможет этнография и, прежде всего, в рассмотрении вопросов «истории повседневности», «история ментальности» и т. д.» [16, с. 86].

Тогда же В. И. Соболев стал инициатором проведения следующей конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» в Новосибирском государственном педагогическом университете. Такое решение было принято, и Виктор Иванович развернул бурную деятельность по организации данного международного форума. Конференция прошла в июне 1999 г., но уже без него. Она стала достойным памятником Виктору Ивановичу Соболеву.

С 1996 г. ОмГУ, Омский филиал ИАЭТ СО РАН, Сибирский филиал РИК стали издавать научную серию «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (всего издано 14 томов). В. И. Соболев сразу же был включен в состав редакционной коллегии серии вместе с ее главным редактором Н. А. Томиловым, его заместителем С. С. Тихоновым, ответствен-

ным секретарем серии М. А. Корусенко, а также с выдающимися российскими учеными С. А. Арутюновым, Н. М. Геновой, А. П. Деревянко, Р. Г. Кузеевым, В. И. Матющенко, В. И. Молодиным, Д. Г. Савиновым, А. Г. Селезевым и В. А. Шнирельманом.

А десятый том этой серии включил монографию В. И. Соболева «История сибирских ханств (по археологическим материалам)» [14, с. 19–356]. Работу по подготовке её к изданию осуществляли омские ученые, консультируясь с новосибирскими коллегами. Том открывается «Предисловием», написанным В. И. Молодиным [9, с. 9–11], в котором основательно процензирована монография В. И. Соболева, что избавляет нас от характеристики этого научного труда. В конце «Предисловия» Вячеслав Иванович пишет: «У меня нет никаких сомнений, что работа В. И. Соболева – по существу один из главных итогов его короткой, но яркой жизни – будет востребована как специалистами, работающими в этой области исторической науки, так и студентами, аспирантами, краеведами. Это история нашей Родины, нашей Сибири, и абсолютно прав был Виктор Иванович, подытоживая свой труд такими словами: «Возникнув, государства Западной Сибири просуществовали около 200 лет. На фоне истории человечества – это незначительное время. Но оно является составной частью истории коренных жителей, историей региона, частью истории многонациональной России» [9, с. 11].

Руководитель и фактически основной исполнитель достаточно трудоемкой работы по подготовке рукописи В. И. Соболева к печати Михаил Андреевич Корусенко – заведующий сектором исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН и доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ, в «Предисловии» к монографии рассказывает об этой работе: «После замечательного предисловия Вячеслава Ивановича хочется познакомить читателей с непростой судьбой книги, предлагаемой вашему вниманию. Публикация монографии В. И. Соболева была осложнена тем, что авторскому коллективу, который взял на себя труд по подготовке рукописи, оказались недоступными текстовые вариан-

ты диссертации. Работа велась с ее цифровой копией, любезно предоставленной нашими новосибирскими коллегами. Уже на стадии подготовки проекта для участия в конкурсе РГНФ нам пришлось проделать достаточно серьезную работу по распознаванию графических образов страниц диссертации и переводу их в текстовый формат. В тексте любой диссертации неизбежны ошибки, неточности в справочном аппарате и т. п., большинство из них выявлено на стадии редактирования рукописи благодаря совместным усилиям инициативной группы, подготовившей рукопись сначала для участия в грантовом конкурсе, а затем и к публикации, и кропотливому труду редакторов Сибирской издательской фирмы «Наука». Отдельно хочется сказать об иллюстрациях. Всего в диссертационном сочинении В. И. Соболева содержалось 92 графические и 5 фотоиллюстраций. После консультаций с коллегами В. И. Соболева, прежде всего, конечно, с В. И. Молодиным, было решено снять большинство из них, так как они были полностью или частично опубликованы за время, прошедшее с момента защиты диссертации (о чем сказано и в предисловии). Для публикации оставлены планы памятников, упомянутых В. И. Соболевым в своем анализе, и общая карта их расположения на территории Западной Сибири. Все оставленные рисунки переведены в векторный формат М. Ю. Здором, его же усилиями произведено оптическое распознавание цифрового варианта рукописи диссертации» [3, с. 11–12].

В томе с монографией В. И. Соболева после «Предисловия» помещена статья С. Н. Корусенко и Н. А. Томилова о связях этого ученого с омским археолого-этнографическим сообществом [6, с. 13–18].

Презентация монографии В. И. Соболева состоялась на XVI Международном научном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований», который прошел в Новосибирске на базе НГПУ 14–16 октября 2008 г. И главное – это то, что он был посвящен 60-летию со дня рождения В. И. Соболева, а также 120-летию со дня рождения С. А. Теплоухова. Председателями оргкомитета симпозиума были ректор НГПУ

А. Д. Герасев, старший научный сотрудник Омского филиала ИАЭТ СО РАН С. С. Тихонов, директор Омского филиала ИАЭТ СО РАН Н. А. Томилов, заместителем председателя заведующий сектором исторического музееведения Омского филиала ИАЭТ СО РАН М. А. Корусенко и ученым секретарем младший научный сотрудник Омского филиала ИАЭТ СО РАН А. Н. Блинова.

Работа симпозиума была превосходно организована благодаря ответственному подходу к ней новосибирских коллег. Вот как об этом в своей статье о симпозиуме написали М. А. Корусенко и С. С. Тихонов: «Прежде всего теплые слова скажем об Олеге Николаевиче Катионове – директоре Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. Без его темперамента и организационного таланта многие вопросы... не были бы разрешены так быстро. Особую признательность хочется высказать... Оксане Николаевне Сидорчук, Игорю Альбертовичу Дуракову... Естественно, симпозиум не мог бы состояться без благосклонного внимания руководства университета – ректора Алексея Дмитриевича Герасева и президента НГПУ Петра Вольдемаровича Лепина» [4, с. 93].

Первое заседание симпозиума было посвящено памяти В. И. Соболева. 14 октября 2008 г. в актовом зале НГПУ собрались участники симпозиума (а пожелали в нем участвовать ученые из 22 городов России от Владивостока до Санкт-Петербурга, из Варшавы (Польша), Еревана (Армения), Киева (Украина), преподаватели, аспиранты и студенты НГПУ, коллеги и друзья Виктора Ивановича, а также его супруга Ирина Анатольевна и дети Анна и Иван. С приветствиями перед собравшимся выступили ректор НГПУ А. Д. Герасев и директор Омского филиала ИАЭТ СО РАН Н. А. Томилов. Затем с докладом о жизни и деятельности В. И. Соболева выступила О. Н. Сидорчук. Доклад был с презентацией и показом кинофильма о 50-летнем юбилее Виктора Ивановича в ноябре 1998 г.

Далее с докладом «О Викторе Ивановиче Соболеве» выступила его первый учитель Т. Н. Троицкая. Текст доклада опубли-

кован в сборнике с материалами симпозиума [22, с. 5–7]. Затем состоялась презентация монографии В. И. Соболева «История сибирских ханств (по археологическим материалам)», которая была издана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (он, кстати, финансировал в те годы почти все наши проекты по развитию этноархеологического направления в российской науке – инициативные научно-исследовательские, издательские и по проведению научных форумов). Здесь же состоялась презентация небольшой книги «Соболев Виктор Иванович: коллега, учитель, товарищ, друг» [13], о которой речь шла выше.

Еще много можно говорить о заслугах В. И. Соболева в научной, образовательной и общественной сферах деятельности, о том, каким искренним патриотом нашей Родины, каким прекрасным семьянином, верным другом, добрым человеком он был. Именно про таких людей говорят: «Он служил своему делу верой и правдой». Виктор Иванович Соболев оставил о себе самые светлые воспоминания в душах всех людей, которые его знали и любили.

Список источников и литературы

1. Виктор Иванович Соболев. Библиография научных трудов / сост. В. В. Бобров. Кемерово, 1998. 27 с.
2. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию. Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / отв. ред. В. И. Молодин. Омск: Издательский дом «Наука», 2003. 72 с.
3. Корусенко М. А. Предисловие // Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. С. 11–12.
4. Корусенко М. А., Тихонов С. С. XVI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований в Новосибирске (14–16 октября 2008 года) // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 4. С. 92–99.

5. Корусенко С. Н., Селезнев А. Г., Татауров С. Ф., Томилов Н. А. III–IV Всероссийские научные семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1998. Т. 3. С. 236–247.

6. Корусенко С. Н., Томилов Н. А. В. И. Соболев и его творческие связи с омским археолого-этнографическим сообществом // Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. С. 13–18.

7. Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Памяти Виктора Ивановича Соболева // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. М.; Омск: Изд-во Омск. гос. педагогическ. ун-та, 1999. С. 22–24.

8. Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1981. 192 с.

9. Молодин В. И. Предисловие // Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. С. 9–11.

10. Молодин В. И., Бобров В. В. Виктор Иванович Соболев: воспоминания о друге // Соболев Виктор Иванович: коллега, учитель, товарищ, друг. Новосибирск: Издание Новосибирск. гос. педагогическ. ун-та, 2008. С. 3–7.

11. Молодин В. И., Бобров В. В. Виктор Иванович Соболев (к 50-летию со дня рождения) // Виктор Иванович Соболев. Библиография научных трудов. Кемерово, 1998. С. 2–15.

12. Молодин В. И., Соболев В. И. Изучение позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье: некоторые итоги, проблемы и перспективы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. 1. С. 19–23.

13. Соболев Виктор Иванович: коллега, учитель, товарищ, друг / сост. и ред. О. Н. Катионов. Новосибирск: Издание Новосибирск. гос. педагогическ. ун-та, 2008. 37 с.

14. Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) / отв. ред. В. И. Молодин, Н. А. Томилов, М. А. Корусенко. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с. (Этнографо-археологические

комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 10).

15. Соболев В. И. Курганы XIII–XIV вв. н. э. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1978. С. 91–96.

16. Соболев В. И. Мединевистика Западной Сибири в свете европейской «новой исторической науки» (проблемы и задачи) // Россия и Восток: Археология и этническая история. Омск: Издание Омск. филиала Объедин. ин-та истории, филологии и философии СО РАН, 1997. С. 84–86.

17. Список опубликованных работ В. И. Соболева // Виктор Иванович Соболев. Библиография научных трудов. Кемерово, 1998. С. 16–24.

18. Томилов Н. А. Памяти академика профессора Виктора Ивановича Соболева // Омский университет: Орган ученого совета Омского государственного университета. 1999, 7 мая. № 15. С. 2.

19. Томилов Н. А. Проблемы этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 3–14.

20. Томилов Н. А. Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 75–84.

21. Троицкая Т. Н. Мое призвание / отв. ред. О. Н. Катионов. Новосибирск: Издание Новосибирск. гос. педагогическ. ун-та, 2010. 88 с.

22. Троицкая Т. Н. О Викторе Ивановиче Соболеве // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Новосибирск; Омск: Издательск. дом «Наука», 2008. С. 5–7.

23. Этнограф, этноархеолог, культуролог... К 65-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / отв. ред. А. В. Ремнев, В. И. Струнин. Омск: Издательск. дом «Наука», 2006. 314 с.

ПЕРСТНИ С ЧЕРНЬЮ С ГОРОДИЩА ТОБОЛ-ТУРА 1

А. А. Адамов

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

Цель статьи – введение в научный оборот серебряных перстней с чернью, обнаруженных в Тобольском Прииртышье, Предуралье и Средней Волге. Предложенная типология, основанная на анализе изображений на щитках, позволяет сравнивать болгарские перстни с изделиями из Предуралья и Западной Сибири. На основе детального анализа сюжетов был сделан вывод о существовании трех ювелирных центров по изготовлению перстней с чернью: болгарского, пермского и тобольского. Перстни, изготовленные мастерами каждого центра, распространялись преимущественно в своем регионе.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, перстни с чернением, Волжская Булгария, Предуралье, Западная Сибирь, ювелирные центры производства.

THE BLACKENED SILVER RINGS FROM THE SETTLEMENT OF TOBOL-TURA 1

The purpose of the article is to introduce to scientific use silver blackened rings found in the Tobolsk-Irtysh region, the Urals and the Middle Volga. The proposed typology, based on the analysis of images on shields, allows us to compare Bulgarian rings with products from the Urals and Western Siberia. Based on a detailed analysis of the stories, it was concluded that there are three jewelry centers for the production of blackened rings: Bulgar, Perm and Tobolsk. Rings made by the masters of each center were distributed mainly in their own region.

Keywords: archeology, the middle ages, blackened rings, Volga Bulgaria, pre-Urals, Western Siberia, jewelry production centers.

Введение

Городище Тобол-Тура 1 расположено в низовьях р. Тобол, на ее правом берегу, в с. Тоболтура Тобольского района Тюменской области. Городище находится практически в центре села, на длинном мысу надпойменной террасы, образованном двумя обширными оврагами, по которым протекают небольшие ручьи. Само название села – «тура» свидетельствует о том, что рядом с ним располагалось весьма приметное городище. Однако в современном рельефе укрепления не прослеживаются, что не позволяло зафиксировать городище при разведочных работах последней трети двадцатого века, маршрут которых проходил по Тоболу. О том, что в селе располагалось именно городище, свидетельствуют данные С. К. Патканова, осмотревшего городище в ноябре 1888 года и писавшего в своем отчете: «несмотря на довольно глубокий снег (до $\frac{3}{4}$ арш.), валы и рвы городка, расположенного между двумя речками, были довольно явственно видны, но ввиду того, что стоял сильный мороз, я не стал производить здесь измерений» [Дело, 1888, с. 22].

К автору сведения о расположенном в селе памятнике поступили от местного краеведа, который сообщил о костяном кочедыке с резным рисунком и бронзовой биякорьковой шумящей подвеске, хранившихся у жителя села и найденных им на своем огороде. Особенностью планиграфии городища являлось то, что мыс, на котором оно расположено, не был застроен жилыми или хозяйственными постройками, но на нем находятся огороды, и каждый год оно подвергается распашке. Поэтому при проведении разведочных работ в 2011–2012 гг., мы сосредоточили свое внимание на сборах подъемного материала из поврежденного многолетней распашкой культурного слоя.

В современных условиях археологу приходится конкурировать с многочисленными искателями, вынимающими практически весь металл из культурного слоя памятника. С городищем Тобол-Тура 1 нам повезло, так как редкие «закопушки» свидетельствовали о том, что памятник на конец 2011 года не привлек серьезного внимания копателей, которые, находя здесь металли-

ческий «мусор», а не монеты, долго на памятнике не задерживались. Правда уже летом 2012 года ситуация изменилась и городище стали регулярно посещать копатели. Но основную часть изделий из металла нам к тому времени удалось собрать, а большую часть из вновь найденных получить в свое распоряжение. В результате этого с городища была получена представительная коллекция глиняных, костяных, железных, медных, бронзовых и серебряных изделий, достаточно полно характеризующих материальную культуру населения Притоболья в XII–XIV вв. Дату памятника подтвердила и найденная автором на пашне осенью 2014 года медная золотоордынская монета середины XIII века.

Характеристика находок

В ряду замечательных находок выделяются восемь перстней с чернью, на анализе которых мы и остановимся.

1. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами, перстень размером 2,2 x 1,7 см с шириной квадратного щитка 1,4 см (рис. 1, 1; 2, 1). Орнамент, выполненный шпичстихелем, представлен трилистником (крином); вписанным в круг с выступами (венец). На боковых гранях щитка гравировка в виде трилистника (крина). В гравированных линиях кое-где сохранилась чернь. Кроме того, перстень, возможно, уже после того как эта чернь отвалилась, вторично бы покрыт чернью, имеющей коричневатый оттенок.

2. Медный (?), пластинчатый широкосрединный с замкнутыми встык концами, перстень размером 2,2 x 2,3 см с прямоугольным щитком 1,3 x 1,5 см (рис. 1, 2; 2, 2). Контуры орнамента и фон нанесены шпичстихелем, в центре щитка два симметрично расположенных растительных побега, соединенные в центре. Между двух нижних побегов угадывается трилистник (крин). На боковых гранях щитка гравированы треугольники, разбитые на два треугольника и ромб (крин). Фон перстня был покрыт чернью, которая, уже после обнаружения, практически полностью обвалилась.

3. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами перстень изогнут, размеры квадратного

щитка 1,5 x 1,5 см (рис. 1, 3; 2, 3). Орнамент представлен двухсторонней плетенкой, каждая сторона имитирует витой шнурок из двух нитей, заключенный в прямоугольную рамку. Рисунок выполнен инструментом, близким к шпичштихелю; им же был выбран и фон в рамках, который затем был заполнен чернью, которая сохранилась частично. Плетенки разделены выбранным желобком. На одной из боковых граней щитка представлен рисунок, напоминающий крин, а на другой – треугольник с зубчатым основанием, разбитый на ромбы. В центрах ромбов углубленная точка, заполненная чернью.

4. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами перстень с поломанным ободком. Размеры прямоугольного щитка 1,4 x 1,6 см (рис. 1, 4; 2, 4). Орнамент, выполненный шпичштихелем, представлен двумя прямоугольными рамками, разделенными одной линией. В рамках – орнамент из г-образных наклонных штрихов и точек (скрученная веревочка?). На боковых гранях щитка из-за потертости плохо читается сердцевидный орнамент (крин?). В углублениях орнамента отдельными точками сохранилось чернение.

5. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами, перстень размером 2,3 x 2,2 см с шириной квадратного щитка 1,8 см (рис. 1, 5; 2, 5). Орнамент, выполненный шпичштихелем, представлен двухсторонней плетенкой, заключенной в рамку. Фон рамок заполнен чернью. Плетенки разделены выбранным позолоченным желобком. На боковых гранях щитка треугольники, разбитые, в свою очередь, на два треугольника и ромб. Линии треугольников заполнены чернью.

6. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами, перстень поломан. Размеры прямоугольного щитка 1,6 x 1,8 см (рис. 1, 6; 2, 6). Орнамент, выполненный шпичштихелем, представлен двумя прямоугольными рамками, разделенными широким желобком. В рамках выбраны короткие наклонные штрихи (скорее всего, имитация скрученной веревочки). На боковых гранях щитка гравировка в виде трилистника (крин). Весь перстень, включая и внутреннюю сторону, покрыт чернью.

7. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами, перстень размером 2,3 x 2,3 см с размером прямоугольного щитка 1,3 x 1,5 см (рис. 1, 7; 2, 7). Орнамент, нанесенный шпигштихелем, представлен косым крестом, выполненным четырьмя сдвоенными линиями, заключенными в квадратную рамку. Крест пересекает окружность. На боковых гранях щитка гравировка в виде трилистника (крин). На фоне между гравированными линиями сохранились небольшие пятнышки черни.

8. Серебряный, пластинчатый широкосрединный с замкнутыми внаклад концами, перстень размером 2,3 x 2,1 см с шириной квадратного щитка 1,8 см (рис. 1, 8; 2, 8). Орнамент представлен косым крестом, выполненным двумя позолоченными желобками. По четырем сторонам креста шпигштихелем нанесены треугольники и точечный орнамент. В самих треугольниках – орнамент из четырех точек. На боковых гранях щитка треугольники, разбитые на два треугольника, и ромб с точечным орнаментом. Нанесенные линии заполнены чернью, которая в основном осыпалась.

Восемь перстней, обнаруженных на одном памятнике, это весомая добавка к аналогичным перстням, выявленным на памятниках других территорий Зауралья, учитывая, что в литературе мы нашли данные только о 14 перстнях: три перстня из Ликинского могильника [Викторова, 2008, с. 61]; пять перстней из Лобвинской пещеры [Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 200, 201]; два перстня из Сайгатинского I могильника [Угорское наследие ..., 1994, с. 152, 153]; перстень, приобретенный С. К. Паткановым у крестьян д. Скрипуновой [Гордиенко, 2009, ил. 11, 4]; перстень из могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, с. 88]; два перстня из городища Перегребное 1 [Морозов, Пархимович, 1985, с. 94]. Причем опубликованы рисунки только 10 перстней.

Аналогии серебряным перстням с чернью, обнаруженным на территории Сибири, часто ищут на Руси [Морозов, Пархимович, 1985, с. 94; Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 200, 201; Викторова, 2008, с. 61], считая их изделиями русских ювелиров, или в несколько смягченном варианте как «изготовленные местными ма-

стерами по привозным русским образцам» [Могильников, 1987, с. 214, 215; Белавин, 2000, с. 179]. Наиболее распространенное мнение, что подобные перстни изготавливались в мастерских Волжской Булгарии [Федорова, 1991, с. 8; Угорское наследие ..., 1994, с. 152, 153; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 183; Белавин, Крыласова, 2008, с. 368, 369]. Выделяя в рамках болгарского центра черного искусства ряд школ, Н. В. Федорова [Федорова, 1991, с. 7] большинство перстней отнесла к школе 3, для декора которой характерен растительный орнамент в виде трилистника, вписанного в медальон треугольной формы [Федорова, 1991, с. 8].

Так откуда же поступали найденные на городище Тобол-Тура 1 перстни? С Руси, Волжской Булгарии, а может быть это изделия местных мастеров?

Пожалуй, первыми отметили явное отличие сибирских перстней от русских изделий А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров. Сравнение перстней с Сайгатинских могильников и городища Перегребное 1, Ликинского могильника с украшениями древнерусского производства они назвали результатом какого-то недоразумения [Зыков, Кокшаров, 1991, с. 183]. Перстни с древнерусских памятников разительно отличаются от сибирских материалом и техникой изготовления, и деталями орнаментации [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 183]. С этим трудно не согласиться, так как все основные признаки русских перстней [Седова, 1981, с. 129–137; Макарова, 1986, с. 39–48; Сумина, 1999] столь не похожи на сибирские изделия. Не выдерживает критики и отнесение перстня из Лобвинской пещеры к Галицкой группе черневых изделий только на основании техники нанесения орнамента – «шагающего» пунсона [Чаиркин, Карачаров, 1999, с. 200].

Так, может быть, серебряные перстни поступали в Сибирь из Волжской Булгарии? Тем более, что ряд исследователей в своих публикациях рассматривали все ювелирные изделия, выполненные с применением техники скани, зерни и чернения, как болгарские [Федорова, 1990, с. 131]. Тезис о том, что ювелирная продукция Волжской Булгарии широко распространялась среди финно-угорских народов Поволжья, Прикамья, Севера и

Зауралья, так как использовалась в качестве торгового эквивалента, сформулировал в свое время Белавин [Белавин, 1992, с. 147]. В последние годы анализу особенностей ювелирных изделий Волжской Булгарии посвящены работы К. А. Руденко [Руденко, 2007; 2010; 2015]. Автор отметил, что изготовление изделий в сканно-зерновой технике было возможным и за пределами Волжской Булгарии. Булгарские изделия, имеющие определенные отличия в технологическом исполнении, формах и стиле, существовали с многочисленными репликами и подражаниями на основе местных традиций за пределами Булгарии, а датировка золотоордынским временем многих изделий в Зауралье и при этом булгарская их атрибуция требуют уточнения либо названия, либо даты [Руденко, 2007, с. 107]. Был высказан К. А. Руденко и тезис о существовании других центров производства ювелирных серебряных изделий в Прикамье и Зауралье [Руденко, 2012, с. 142]. В своей работе, посвященной булгарским черневым перстням, К. А. Руденко выделил несколько хронологических групп [2010, с. 27, 28], определил, что перстни изготавливали ювелиры, работавшие в крупных булгарских городах – Болгаре и Биляре [2010, с. 28], отметил, что сюжеты изображений и техника нанесения рисунка на изделия золотоордынского времени отличаются от булгарских черневых перстней [2010, с. 34].

Пожалуй, без детального сопоставления сюжетов, нанесенных на перстни как собственно Волжской Булгарии, так и Предуралья и Зауралья, скрупулезного выяснения характерных особенностей каждого региона, разобраться с центрами производства, экспортом и импортом перстней невозможно.

Булгарские перстни

Обстоятельная классификация перстней Волжской Булгарии была предложена К. А. Руденко [Руденко, 2010а]. За основу классификации была взята форма щитка. В орнаментации перстней было выделено пять основных сюжетов: с розетками из кринов; с розетками геометрического характера; с раппортом бордюра из лозы; с изображением птиц; с изображением «узла счастья» [Руденко, 2010а, с. 13].

При разработке нашей классификации болгарских перстней мы опирались на 83 изделия. Это 53 перстня, представленные в работе К. А. Руденко, из коллекций Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Национального музея Республики Татарстан и частных коллекций [Руденко, 2010а, табл., с. 39, 40]. Двадцать перстней из коллекции исторического музея, опубликованные А. Кавкой [Кавка, 1928, табл. 1, 1–6]. Десять перстней были случайно найдены на территории Татарстана и Мордовии, с шестью из них мы смогли ознакомиться (рис. 4, 1–6), а фотоснимки четырех были обнаружены на разных сайтах в сети интернет.

В основу нашей классификации положен сюжет, изображенный на щитке перстня. Сама форма щитка нами не учитывалась, дабы не усложнять классификацию. Всего нами было выделено 11 типов сюжетов, встречающихся на черневых перстнях Волжской Булгарии (табл. 1). Тип 1 – трилистник (крин), вписанный в круг с выступами – венец (рис. 3, 1; 4, 1, 7; Руденко, 2010а, рис. 1, 5). 26 перстней – 31,4 %. Тип 2 – с изображением сдвоенных трилистников, симметрично расположенных на плоскости щитка и разделенных пояском из линий, точек, косых насечек (рис. 3, 2; 4, 2; Руденко, 2010а, рис. 1, 29). 30 перстней – 36,2 %. Тип 3 – с изображением птицы (рис. 3, 3; 4, 4; Руденко, 2010а, рис. 1, 1). 8 перстней – 9,6 %. Тип 4 – с рисунком из двух симметрично расположенных растительных побегов соединенных по центру (рис. 3, 4; Руденко, 2010а, рис. 1, 19). 4 перстня – 4,8 %. Тип 5 – из двух разнонаправленных соединенных растительных побегов (рис. 3, 5; 4, 3; Руденко, 2010а, рис. 1, 24). 4 перстня – 4,8 %. Тип 6 – из двух противостоящих кринов (рис. 3, 6; Руденко, 2010а, рис. 1, 17). 3 перстня – 3,6 %. На болгарских перстнях прослеживается упрощение этого сюжета от наиболее реалистического [Руденко, 2010а, рис. 5, 4] к все более схематическим, на которых изображено просто два противостоящих полукольца [Руденко, 2010а, рис. 1, 17; 1, 21]. Тип 7 – с изображением симметрично расположенных S-овидных побегов, разделенных пояском из косых насечек (рис. 3, 7; Руденко, 2010а, рис. 1, 27). 2 перстня – 2,4 %. Тип 8 –

с изображением «цветка» (рис. 3, 8; 4, 5; Руденко, 2010а, рис. 1, 18). 2 перстня – 2,4 %. Тип 9 – с изображением переплетенных линий (рис. 3, 9; Руденко, 2010а, рис. 1, 26). 1 перстень – 1,2 %. Тип 10 – с изображением креста из двух переплетенных овалов (рис. 3, 10; Руденко, 2010а, рис. 1, 25). 1 перстень – 1,2 %. Тип 11 – не орнаментированные щитки. 2 перстня – 2,4 %.

Проведенный анализ показал, что болгарские перстни чаще всего украшались всего пятью сюжетами (типы 1–5), охватывающими 86,8 % изделий. Наибольшее же распространение получили только два сюжета (тип 1 и 2), к которым относится 67,6 % перстней. Щитки болгарских перстней, как правило, шестиугольной, реже овальной формы (последнюю часто трудно разграничить от шестиугольной). Укороченные боковые грани украшались, как правило, рисунком в виде галочки, реже в виде треугольника или разделенного треугольника, единичные экземпляры орнаментированы трилистником. Растительный трилистник претерпел трансформацию в треугольник, что совершенно справедливо отметил К. А. Руденко [Руденко, 2010а, с. 18]. На болгарских перстнях разделение симметричного орнамента происходит орнаментальной лентой из параллельных линий, мелкими ямками, наклонными прямыми или S-овидными знаками. Этими же насечками иногда орнаментированы края щитков. На менее 15 % перстней встречено золочение рисунка [Руденко, 2006, с. 93]. Полностью отсутствуют на перстнях выбранные желобки.

Выявленные черты позволяют атрибутировать и болгарские перстни, обнаруженные на сопредельных территориях. Например, случайно найденный перстень из Мордовии (рис. 4, 6). Шестиугольная форма, укороченные боковые грани, орнамент 4 типа свидетельствуют о его болгарском производстве. Болгарскими являются и ряд перстней, обнаруженных на Золотарёвском поселении (Белорыбкин, 2001, рис. 30, 5, 11, 14).

Предуральские перстни

Серебряные черные перстни из Предуралья опубликованы в ряде работ. В Вымских могильниках обнаружено одиннадцать перстней [Савельева, 1987, рис. 34, 4–15], два – в могильнике

Телячий Брод [Белавин, 2000, рис. 46, 11, 12], десять (рисунки шести опубликованы) – в Плотниковском могильнике [Белавин, 2000, рис. 83, 14; Брюхова, Подосенова, 2015, рис. 1–6], три – на Рождественском городище [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 182, 16, 17; Белавин, 2000, рис. 46, 13], два – на Саламатовском 1 городище [Крыласова, 2011, рис. 1, 6; Моряхина, Сарапулов, 2017, рис. 1, 3; 2, 1], один – на Калининском селище [Моряхина, Сарапулов, 2017, рис. 1, 4].

Исследователями были сформулированы три основные точки зрения о центрах производства перстней. Первая принадлежит Э. А. Савельевой, которая, рассматривая перстни из Вымских могильников, находит им многочисленные аналогии на памятниках Северо-Западной Руси и в Новгородской земле [Савельева, 1987, с. 129]. Вторая – Волжско-Булгарская – была высказана Н. В. Федоровой [Федорова, 1991, с. 8] и поддержана А. М. Белавиным и Н. Б. Крыласовой [Белавин, Крыласова, 2008, с. 368, 369]. Третья принадлежит К. А. Руденко, который отметил, что собственно болгарские перстни, за редким исключением, отличаются от перстней с чернью, найденных в Прикамье [Руденко, 2006, с. 106; 2007, с. 289], и, возможно, их происхождение было разное [Руденко, 2010б, с. 360]. О местном производстве Предуральских перстней писали А. А. Адамов [Адамов, 2014] и ряд пермских археологов [Брюхова и др., 2010, с. 6; Крыласова, Подосенова, 2015, с. 182; Подосенова, 2016, с. 75; Брюхова, Подосенова, 2016, с. 190; Моряхина, Сарапулов, 2017, с. 56].

В нашей классификации мы использовали рисунки восемнадцати перстней, обнаруженных при масштабных археологических исследованиях, проводившихся в Предуралье. Кроме того, в последние годы на различных форумах в интернете появляются цветные фотографии «случайных» находок черненых перстней, а порой и целые коллекции. Нам удалось ознакомиться с коллекцией из двадцати перстней (рис. 4, 14, 15; 5), найденных в Пермском крае. На разных сайтах нами были обнаружены фотографии еще 34 перстней, которые можно связывать с Предуральем. Семьдесят два перстня как раз и позволяют произвести сравнение

с близкими перстнями, обнаруженными на других территориях.

Из 72 перстней 45 экземпляров относятся к семи (из одиннадцати) типам, выделенным нами для коллекции болгарских перстней (табл. 1). Тип 2 – 2 перстня (2,8 %) из могильника Телячий Брод [Белавин, 2000, рис. 46, 11] и Саламатовского 1 городища [Крыласова, 2011, рис. 1, 6]. Тип 3 – 2 перстня (2,8 %). Один из Кичилькосьского I могильника [Савельева, 1987, рис. 34, 12]. Тип 4 – 4 перстня (5,6 %) (рис. 4, 14; 5, 11), один обнаружен в Жигановском могильнике [Савельева, 1987, рис. 34, 4]. Тип 5 – 2 перстня (2,8 %). Один из Рождественского городища [Белавин, 2000, рис. 46, 16]. Тип 6 – 4 перстня (5,6 %) (рис. 5, 2, 10). Тип 9 – 23 перстня (31,8 %) (рис. 5, 9, 12–16). Два найдены в Ыджыдбельском и один в Жигановском могильниках [Савельева, 1987, рис. 34, 6, 7, 9]. Тип 10 – 8 перстней (11,1 %) (рис. 5, 7, 8). Четыре найдены в Вымских могильниках [Савельева, 1987, рис. 34, 5, 13–15] и один на Рождественском городище [Белавин, 2000, рис. 46, 15].

Оставшиеся 27 перстней позволили нам выделить пять сюжетных типов, не имеющих аналогий в Волжской Булгарии (табл. 1).

Тип 12 – орнамент представлен двухсторонней плетенкой, заключенной в прямоугольную рамку. Плетенки разделены выбритым желобком (рис. 3, 12). 7 перстней – 9,7 % (рис. 5, 1), один найден в могильнике Телячий Брод [Белавин, 2000, рис. 46, 12]. Тип 13 – основу орнамента составляет косой крест (рис. 3, 13). 9 перстней – 12,5 % (рис. 4, 15; 5, 17, 18), два известны в Вымских могильниках [Савельева, 1987, рис. 34, 8, 11]. Тип 14 – орнамент представлен четырьмя сильно стилизованными растительными побегами, расходящимися от центра щитка (рис. 3, 14). 8 перстней – 11,1 % (рис. 5, 3–6). Тип 15 – по центру щитка нанесен орнамент, имитирующий витой шнурок из двух нитей (рис. 3, 15). 1 перстень – 1,4 % из Рождественского городища [Белавин, 2000, рис. 46, 13]. Тип 16 – на щиток нанесен косой крест, пересекающий круг (рис. 3, 16). 2 перстня – 2,8 %, один из Плотниковского могильника [Белавин, 2000, рис. 83, 14].

Анализ таблицы показывает различное соотношение рас-

пространенности типов перстней в Волжской Булгарии и в Предуралье (табл. 1). Редко встречающиеся в Предуралье перстни типов 2–6, как можно было бы предположить, являются изделиями болгарских мастеров, попавшими сюда путем обмена. Однако детальный анализ перстней показывает, что болгарскими являются только некоторые. Это, безусловно, оба перстня 2 типа из могильника Телячий Брод [Белавин, 2000, рис. 46, 11] и Саламатовского 1 городища [Крыласова, 2011, рис. 1, 6], которые относятся к наиболее распространенному болгарскому типу и на которых прослеживаются все особенности, характерные для болгарских перстней.

Об одном из двух перстней 3 типа с изображением птицы, из Кичилькосьского I могильника [Савельева, 1987, рис. 34, 12], по схематичному черно-белому рисунку судить сложно, а у другого (фото выявлено на одном из форумов) по краям щитка идут два желобка, которые совершенно не характерны для болгарских перстней. Пожалуй, для двух перстней 4 типа из Предуралья, имеющих шестигранный щиток и укороченные боковые грани, на которые нанесен орнамент в виде «галки» (рис. 4, 14), можно твердо предполагать их болгарское происхождение, так как для Предуралья такая форма перстней не характерна. Еще два перстня 4 типа (рис. 5, 11; Савельева, 1987, рис. 34, 4) с подпрямоугольными щитками выполнены грубее (особенно перстень на рис. 5, 11), с массивными боковыми гранями, что подчеркивает их отличие от болгарских.

Из двух перстней 5 типа один, с шестиугольным щитком (хотя и слабо выраженным), вполне может являться изделием болгарских мастеров. Другой перстень из Рождественского городища [Белавин, 2000, рис. 46, 16], с подпрямоугольным щитком и массивными боковыми гранями, на которые нанесен орнамент в виде крина, демонстрирует особенности другого ювелирного центра.

У трех из четырех перстней 6 типа, практически полностью идентичных (рис. 5, 10), по краям щитка проходит золоченый желобок, который резко отличает их от болгарских. Еще один перстень, с весьма схематичным рисунком на щитке (рис. 5, 2), бли-

зок к болгарским, но отличается от последних тяжеловесностью, массивными боковыми гранями, на которые нанесен крин, что не позволяет отнести его к продукции болгарских мастеров.

Самыми распространенными в Предуралье являются перстни 9 типа с сюжетом в виде плетенки «морской узел». На единственный болгарский перстень 9 типа [Руденко, 2010а, рис. 1, 26] нанесена совсем другая плетенка, чем на основную часть предуральских перстней (рис. 5, 12–16). На это в свое время обратил внимание К. А. Руденко, который писал, что «в вымских могильниках геометрический мотив «узла счастья» становится весьма модифицированным» [Руденко, 2010а, с. 14]. Однако в Пермском крае обнаружен и перстень с орнаментом, близким болгарскому (рис. 5, 9). Орнамент «плетенка» заключен в рамку как и на болгарском перстне [Руденко, 2010, рис. 1, 26]. Вполне соответствуют болгарской традиции и насечки по краю щитка. Однако выбранные желобки, орнаментация боковых граней «тройным узлом» не вписываются в болгарские традиции.

Типичными именно для Предуралья являются и перстни 10 типа с сюжетом в виде креста из, как правило, переплетенных овалов. К тому же на двух перстнях нанесены желобки (рис. 5, 7, 8).

Детальный анализ выявленных нами перстней из Предуралья показал, что подавляющее большинство (69,3 %) перстней (типы 9, 12–16) не имеют прямых аналогий среди болгарских изделий. Не приходится сомневаться, что в Предуралье сложился вполне самостоятельный ювелирный центр по изготовлению серебряных черневых перстней, развивавший самобытные сюжетные орнаментальные традиции (типы 9, 10, 12–14). Изредка в Предуралье изготавливали по привозным образцам изделия, очень похожие на импортные (часть перстней 3–6 типов). Импорт собственно болгарских перстней в Предуралье, вопреки высказанным в литературе мнениям, был небольшим: бесспорно болгарских мы насчитали всего 6 (8,3 %) изделий.

Перстни Предуральского ювелирного центра изготавливались, как правило, мастерами высокой квалификации. Форма щитков прямоугольная, характерны массивные удлиненные боковые

границы и заходящие далеко друг за друга внаклад концы. На щитки 77,6 % перстней нанесены пять основных сюжетов (типы 9, 10, 12–14). Боковые грани орнаментировались разделенными треугольниками, крином, вписанным в сердцевидную розетку или «тройным узлом», «галочки» же, в отличие от классических болгарских, отсутствуют. Предуральские мастера почти на 50 % перстней наносили углубленный желобок. Как правило, он шел по верхнему и нижнему краям щитка. Орнамент на некоторых перстнях дополнялся рядами углубленных точек. Прослеживается и золочение линий орнамента (или желобков), иногда фона. Особенно золочение характерно для типов 9, 13, 14. Из 19 предуральских перстней, просмотренных нами, только на 5 отсутствует золочение (рис. 5, 2, 5, 6, 11). Весьма интересными являются перстни 9 типа (рис. 5, 12–16) с орнаментом в виде «морского узла». Что это? Практическое пособие по связыванию наиболее эффективным способом двух веревок. Именно так выглядит в современных пособиях схема по завязыванию так называемого «плоского узла», который в современном морском деле предназначен для связывания веревок из самых разных материалов. Уникальными и характерными только для Предуралья являются перстни с сюжетом 14 типа (рис. 5, 3–6). Этот тип возник, как нам кажется, из упрощения двух противостоящих друг другу сердцевидных розеток с крином.

Анализ перстней, обнаруженных в Предуралье, позволяет сделать вывод, что здесь сложился ювелирный центр, где работали высококлассные мастера. Центр, скорее всего, находился где-то на севере Пермского края (большинство перстней найдено именно там). Пермский (или Предуральский) ювелирный центр, сложившийся при участии болгарских мастеров, развивал самобытные сюжеты и приемы орнаментации при изготовлении перстней. Производство перстней болгарского типа не прекратилось и в золотоордынскую эпоху (в XIII–XIV вв.).

Сибирские перстни

Для построения классификации сибирских черневых перстней нами использованы 10 опубликованных перстней: 3 из Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 45, а, б, е], 2 из

Сайгатинского I могильника [Угорское наследие ..., 1994, № 277, 278], 2 с городища Перегребное 1 [Морозов, Пархимович, 1985, рис. 3, 13], 1 из могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, табл. 54, 2], 1 из Лобвинской пещеры [Чаиркин, Карачаров, 1999, рис. 10], 1 щиток серебряного перстня, приобретенный С. К. Паткановым в 1888 году у крестьян д. Скрипуновой [Гордиенко, 2009, рис. 11, 4]. Пять перстней из случайных находок в ХМАО (данные из сети интернет). Всего 15 перстней с огромной территории Зауралья. Еще 173 перстня найдены на совсем незначительной территории расположенной близ устья Тобола. Перстни обнаружены на памятниках расположенных по рекам Тоболу и Иртышу в пределах Тобольского и Вагайского районов Тюменской области. Это перстни с городища Тобол-Тура 1 (8 экз.), два перстня, хранящихся в Тобольском музее-заповеднике: один происходит из дореволюционных сборов с городища Искер [Адамов, 2000, рис. 26, 6], другой – из раскопок И. А. Сыркиной на Ивановском городище (рис. 1, 10; 2, 10). Один перстень происходит из сборов с поселения Инжура (рис. 1, 9; 2, 9). Подавляющая часть перстней является случайными находками с разных памятников и хранится в частных коллекциях.

Несмотря на значительное количество сибирских перстней, нами не было выделено ни одного нового сюжета в их орнаментации (табл. 1). Анализ показывает, что ведущими сюжетами для Сибири являются типы 12, 13, 16 (68,1 % от всех перстней).

Сравнение сибирских перстней с перстнями Волжской Булгарии показывает, что из наиболее характерных болгарских типов (типы 1–8) в Сибири известны 5 (типы 1, 2, 4, 7, 8). Посмотрим, насколько их можно считать импортными изделиями.

На перстнях 1 типа, которых в Сибири известно 4 (рис. 4, 8), в том числе и с городища Тобол-Тура 1 (рис. 1, 1; 2, 1), нанесен типичный болгарский сюжет – крин, вписанный в круг с выступами (венец). Однако признать их безоговорочно болгарским импортом мешает то, что среди сибирских нет ни одного с шестигранным щитком, а среди болгарских большинство изделий с шестигранным щитком. Массивные боковые грани также не характерны для болгарских перстней. Ни один перстень по краю не

украшен ни ямочными вдавлениями, ни прямыми или S-видными вдавлениями, что практически обязательно для болгарских.

Шестигранный щиток, укороченные боковые грани и типичный болгарский сюжет сибирского перстня 2 типа (рис. 4, 9) позволяет рассматривать его как болгарский импорт.

Распространение перстней 4 типа и болгарских, предуральских, сибирских практически одинаково. Рассматривая предуральские перстни мы пришли к выводу, что два из четырех являются продукцией местных мастеров. Для сибирских перстней мы можем констатировать, что среди них нет ни одного, выполненного по классическим болгарским канонам. Но их сходство с предуральскими оставляет возможность считать, что это импорт из Предуралья. Однако на одном сибирском перстне на боковые грани нанесена «галочка», которая очень характерна для болгарских перстней, но совершенно отсутствует на изготовленных в Предуралье. Другой важный момент: на сибирских перстнях хорошо прослеживается постепенное упрощение от сюжета с крином между двух растительных побегов, таких перстней три (рис. 4, 10), в том числе и перстень из Сайгатинского I могильника [Угорское наследие ..., 1994, № 277], до перстней, где вместо крина прослеживается выступ – таких перстней четыре (рис. 4, 11), в том числе перстень с горища Тобол-Тура 1 (рис. 1, 2; 2, 2). Заключительный этап упрощения сюжета – крин или выступ полностью отсутствует, а растительные побеги соединены в треугольное основание как на перстне, найденном в Предуралье (рис. 4, 14). Именно сибирские перстни позволили нам объединить вроде бы разные сюжеты (с крином между двух растительных побегов и два растительных побега) в один – четвертый тип. Четыре перстня с «выступами», один перстень с «галочкой» на боковых гранях не позволяют нам считать сибирские перстни 4 типа продукцией предуральских мастеров.

Пять сибирских перстней 6 типа в отличие от большинства болгарских и предуральских весьма схематичны, массивные боковые грани с орнаментом «галка» не позволяют считать

их продукцией ни болгарских, ни предуральских мастеров.

Три перстня 7 типа (из частных коллекций) вполне близки по элементам орнаментации болгарским с изображением симметрично расположенных S-овидных побегов. Их различие в том, что болгарские разделены пояском из косых насечек, а сибирские – выбранным желобком. Желобок встречается на предуральских перстнях, но там перстни 7 типа не встречены.

Три перстня 8 типа (рис. 4, 13) с прямоугольным щитком и массивными боковыми гранями из-за низких художественных особенностей (кривые и нечеткие линии орнамента), и несмотря на то, что на двух перстнях прослеживается орнамент «галочка» на боковых гранях, вряд ли можно отнести к продукции болгарских мастеров. В Предуралье же перстни 8 типа неизвестны.

Сибирские перстни 9 типа (7 экз.), в том числе один из пос. Инжура (рис. 1, 10; 2, 10), два с городища Перегребное 1 [Морозов, Пархимович, 1985, рис. 3, 13], по характеру плетенки вполне аналогичны перстням 9 типа из Предуралья. Однако ряд особенностей их отличает. На предуральских перстнях обязателен желобок по краям перстня (нет только на одном), на сибирских перстнях желобок отсутствует у трех. На одном перстне на боковых гранях нанесена «галочка», а на двух перстнях орнамент плетенка расположен не горизонтально (параллельно дужке), как на всех предуральских перстнях, а вертикально. Поэтому полностью аналогичны предуральским только три из семи сибирских перстней 9 типа.

Перстни 10 типа (16 экз.), в том числе и один из Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 45, б], типичные для Предуралья, в Сибири отличаются низким уровнем мастерства (13 перстней), к тому же на них, на боковые грани, нанесен орнамент «галочка», не встречающийся на перстнях из Предуралья.

Мотив 12 типа был весьма популярен в Сибири (51 экз.), в том числе и 4 перстня с городища Тобол-Тура 1 (рис. 1, 3–6; 2, 3–6), один из Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 45, а], один из Лобвинской пещеры [Чаиркин, Карачаров,

1999, рис. 10]. Высокий процент распространения таких перстней в Сибири (27,1 %) и совсем невысокий в Предуралье (9,9 %), делает маловероятным импорт их из Предуралья, что подтверждается и рядом имеющихся особенностей. На пяти перстнях нанесена имитация плетенки (рис. 1, 4, 6; 2, 4, 6; 4, 12), тогда как в Предуралье она неизвестна. На боковые грани ряда перстней нанесен мотив «галки» (рис. 4, 12), так же неизвестный в Предуралье.

Перстни 13 типа, достаточно часто встречаемые в Сибири (46 экз., 23,4 %), в том числе с городищ Тобол-Тура 1 (рис. 1, 8; 2, 8), Ивановское (рис. 1, 10; 2, 10), Искер [Адамов, 2000, рис. 26, 6], могильника близ с. Скрипунова [Гордиенко, 2009, рис. 11, 4], вряд ли импортированы из Предуралья, где их процент встречаемости в два раза ниже – 12,5 %. Боковые грани ряда перстней украшены мотивом «галки», неизвестной в Предуралье.

Малочисленность перстней 15 типа, как в Предуралье, так и в Сибири, не позволяет судить об их территориальных особенностях.

Перстни 16 типа – один из трех наиболее распространенных в Сибири типов (28 экз. – 14,9 %), в том числе один с городища Тобол-Тура 1 (рис. 1, 7; 2, 7) один из Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 45, е], один из Сайгатинского I могильника [Угорское наследие ..., 1994, № 278], один из могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, табл. 54, 2]. Два перстня 16 типа из Предуралья, один из которых из Плотниковского могильника [Белавин, 2000, рис. 83, 14], отличаются тем, что у них линии креста и круга взаимно переплетены. Тогда как на изделиях из Сибири, или пересечение не показано как у перстня из могильника Усть-Балык [Семенова, 2001, табл. 54, 2], или косой крест наложен поверх круга, как у перстней из Тобол-Туры 1 (рис. 1, 7; 2, 7) и Ликинского могильника [Викторова, 2008, рис. 45, е]. Только один перстень из Сайгатинского I могильника полностью аналогичен Предуральским перстням [Угорское наследие ..., 1994, № 278] и может рассматриваться как импорт из Предуралья.

Таким образом, из огромного количества сибирских перстней только один перстень 2 типа является бесспорным болгар-

ским импортом. Нельзя говорить и о том, что сибирские перстни являются импортом из Предуральского ювелирного центра. Об этом свидетельствует разный процент распространенности орнаментальных типов перстней. Два наиболее характерных приуральских типа – 9 и 10 (42,9 %) в Сибири весьма слабо представлены (12,2 %). Два наиболее распространенных в Сибири типа 12 и 13 (50,5 % всех перстней) известны и в Предуралье, но там процент их распространения – 22,2 %, то есть более чем в два раза ниже, чем в Зауралье. Сибирский тип 16 (14,9 %) в Предуралье представлен единичными экземплярами. В то же время распространенный в Предуралье тип 14 совсем не представлен в Сибири, а сибирский 7 тип, заметно отличающийся от болгарских, не представлен в Предуралье.

Отличают сибирские перстни от предуральских и некоторые особенности орнаментации: присутствие на боковых гранях «галочки», расположение на некоторых перстнях 9 типа вертикальной плетенки, имитация плетенки на перстнях 12 типа, отсутствие переплетения линий косоугольного креста и круга на перстнях 16 типа. Другой характерной особенностью является низкое художественное исполнение многих сибирских перстней (хотя орнамент и наносился с помощью вполне профессионального ювелирного инструмента).

Таким образом, анализ сюжетов и особенностей орнаментации показывает, что в Сибири существовал свой центр по производству серебряных черневых перстней. В свое время К. А. Руденко высказал предположение, что в Зауралье в позднеордынский период формируется свой центр (Тюменско-Сибирский) производства ювелирных изделий [Руденко, 2010б, с. 360]. Огромное количество перстней, обнаруженных на сравнительно небольшой территории прилегающей к устью Тобола, позволяет локализовать этот центр именно здесь и назвать его Тобольским.

Для перстней Тобольского ювелирного центра был характерен разный уровень мастерства. Наряду с высокохудожественными изделиями изготавливались перстни с небрежно нанесенным орнаментом (как бы наспех). Тобольские мастера изготавливали

перстни с прямоугольным щитком и массивными удлиненными боковыми гранями, с заходящими друг за друга внаклад концами. В Сибири мастера развивали три основных сюжета (типы 12, 13, 16), к которым относится 65,4 % перстней. На боковых гранях присутствует мотив «галочки», разделенные треугольники или крин, вписанный в сердцевидную розетку. Изредка линии орнамента золотились, особенно золочение характерно для 13 типа. Тобольские мастера, в отличие от болгарских и предуральских, не дополняли орнамент на перстнях рядами углубленных точек или коротких линий. Тобольские мастера использовали в орнаментации желобок, частью золоченый, который присутствует почти на 35 % перстней.

Заключение

Анализ сюжетов на перстнях с городища Тобол-Тура 1 свидетельствует об их местном производстве. Сравнение серебряных черневых перстней, распространенных на огромных территориях Волжской Булгарии, Предуралья и Зауралья, показывает, что на каждой территории существовали мастерские по производству перстней. Наиболее ранний центр сложился в Волжской Булгарии (просуществовал до начала XIII века). Несколько позднее и, очевидно, под влиянием Булгарского, сложился Предуральский. Не ранее XII века, при непосредственном участии болгарских мастеров, сложился и Тобольский центр, просуществовавший до конца XIV века. Предуральский и Тобольский центры сосуществовали одновременно и не были изолированы друг от друга. Новые сюжеты и орнаментальные приемы, отличные от болгарских, использовались мастерами двух центров. Мастера в основном изготавливали перстни для своего региона. Импорт, насколько можно судить, был совсем небольшим. Мастера каждого региона сохраняли некоторые черты, характерные для болгарского центра. В Сибири сложился вполне своеобразный спрос на типы сюжетов, изображенных на перстнях (типы 12, 13, 16), который, как надо полагать, удовлетворялся местными мастерами. Вместе с тем за Урал поступали как изделия болгарских мастеров, так и, вполне возможно, предуральских (например, тип 9).

Ювелирные мастерские Тобольского центра, как можно

предполагать, не ограничивались только изготовлением перстней. На тех же памятниках, на которых встречаются перстни, собраны многочисленные ювелирные изделия из серебра: подвески, накладки, лунницы, бусины, височные кольца. Если их отличие от собственно болгарских изделий вполне очевидно, то полные аналогии с большинством типов предуральских изделий составят заметные трудности в выделении конкретного центра их производства.

Таблица 1.

Распределение типов перстней по регионам

Тип	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Волжская Булгария	26 31,4	30 36,2	8 9,6	4 4,8	4 4,8	3 3,6	2 2,4	2 2,4	1 1,2	1 1,2	2 2,4					
Предуралье		2 2,8	2 2,8	4 5,6	2 2,8	4 5,6			23 31,8	8 11,1		7 9,7	9 12,5	8 11,1	1 1,4	2 2,8
Сибирь	4 2,1	1 0,5		8 4,3		5 2,7	3 1,6	3 1,6	7 3,7	16 8,5	16 8,5	51 27,1	46 23,4		2 1,1	28 14,9

Числитель – количество, знаменатель – проценты

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
2. Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 44–49.
3. Белавин А. М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X–XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. С. 142–148.
4. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.

5. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2008. 603 с.
6. Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2001. 198 с.
7. Брюхова Н. Г., Лычагина Е. Л., Руденко К. А. Перстни из раскопок Плотниковского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. Пермь: ПГПУ, 2010. С. 4–7.
8. Брюхова Н. Г., Подосёнова Ю. А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3, 2015. С. 304–311.
9. Брюхова Н. Г., Подосёнова Ю. А. Изделия из цветных металлов Плотниковского могильника (по материалам 2011–2013 гг.) // Седьмые Берсовские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 187–193.
10. Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.
11. Гордиенко А. В. Археологические исследования С. К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2009. Вып. 7. С. 80–105.
12. Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе // Архив ИИМК РАН. 1888. № 67. 54 с.
13. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001. 320 с.
14. Кавка А. Перстни Камско-Волжской Болгарии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина. 1928. Т. XXXIV. Вып. 1-2. С. 117–125.
15. Крыласова Н. Б. Украшения Саламатовского 1 городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. Вып. 7. С. 87–90.
16. Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А. Средневековые ювелирные изделия с чернью с территории Пермского Предуралья // IV Се-

верный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2015. С. 180–183.

17. Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

18. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М: Наука, 1987. С. 163–235.

19. Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное – 1 (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 1985. С. 89–99.

20. Моряхина К. В., Сарапулов А. Н. Булгарские перстни с чернью на памятниках Пермского Предуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 52–56.

21. Подосенова Ю. А. Средневековые ювелирные изделия с гравировкой с территории Пермского Предуралья // Средневековая археология Волго-Камья. Казань: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 72–76.

22. Руденко К. А. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. 2006. № 9. С. 91–113.

Руденко К. А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья – к вопросу о болгарском импорте // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург–Сургут: Изд-во Магеллан, 2007. С. 288–289.

23. Руденко К. А. Булгарское черневое искусство: перстни: методическое пособие. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010а. 44 с.

24. Руденко К. А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X-XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010б. С. 357–360.

25. Руденко К. А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 139–144.

26. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

27. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. 200 с.
28. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М: Наука, 1981. 196 с.
29. Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
30. Сумина А.И. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. 1999. Вып. 111. С. 167–189.
31. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Федорова. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
32. Федорова Н. В. Булгарские сканые украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань: 1990. С. 131–141.
33. Федорова Н. В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный метал из среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. С. 5–10.
34. Чаиркин С. Е., Карачаров К. Г. Материалы железного века из Лобвинской пещеры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 195–207.

Рис. 1.
 Перстни из Тобольского Прииртышья.
 1–8 – городище Тобол-Тура 1; 9 – поселение Инжура;
 10 – городище Ивановское.

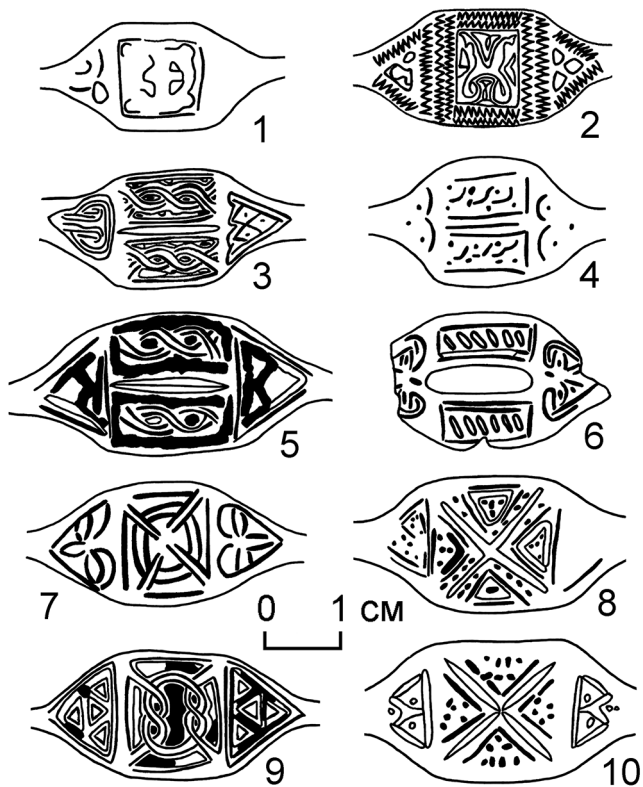

Рис. 2.
 Перстни из Тобольского Приштышья.
 1–8 – городище Тобол-Тура 1; 9 – поселение Инжура;
 10 – городище Ивановское.

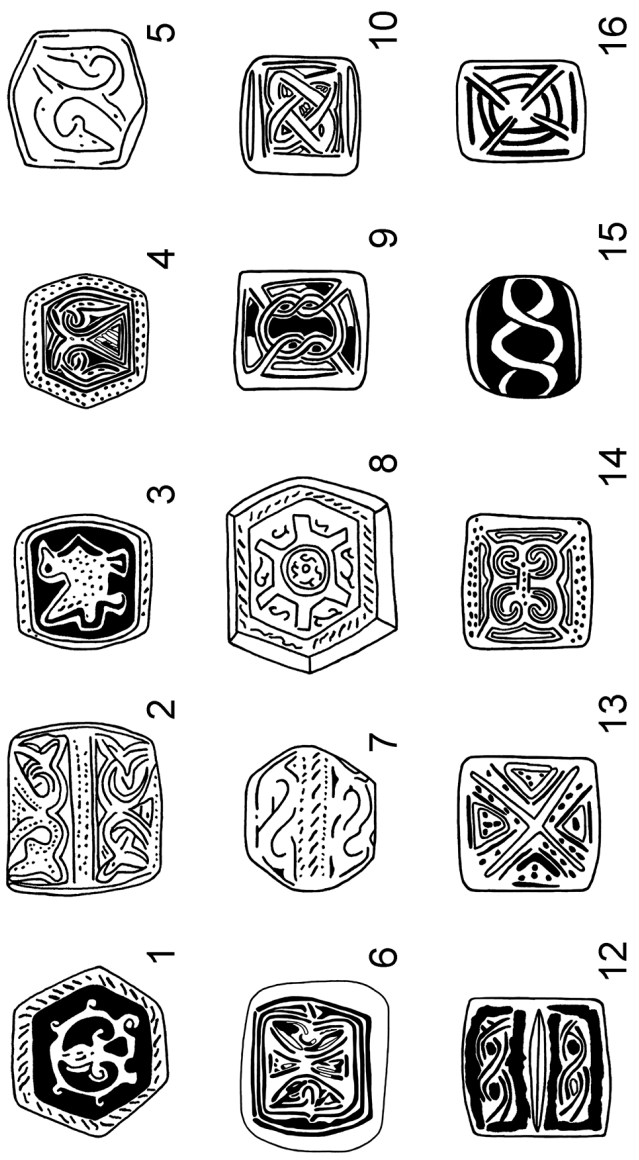

Рис. 3.
 Типы сюжетов на черневых перстнях (номер соответствует номеру типа).

Рис. 4. Серебряные перстни.
 1–4, 7 – Татарстан, район г. Арска; 6 – Мордовия;
 8–13 – Тобольское Прииртышье; 14 – Чердынский район Пермского края;
 15 – Соликамский район Пермского края.

Рис. 5. Перстни из Предуралья.

*1 – Чердынский район, близ с. Искор; 2, 5, 7, 12–16, 18 – Чердынский район;
 3, 4 – Соликамский район; 8 – Пермский край;
 6, 9, 10, 17 – Пермский край (Соликамский, Чердынский район).*

ТРИКСТЕРЫ И ГЕРОИ В ЭПОСЕ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Г. С. Врганесян

Россия, Москва, Центр изучения религий, РГГУ

В фольклоре и эпосе народов Евразии особое место занимают сюжеты, которые можно отнести как к героическому, так и трикстерскому циклам. Они частично рассмотрены в работе автора, однако целесообразно вернуться ещё раз к этой теме в силу ряда причин. Во-первых, это необходимость расширения круга образов, включая фольклорные и эпические тексты коренных народов Северного Урала и Западной Сибири (включая Саяно-Алтай), отсутствующих в указанной работе. Причин этому автор видит по меньшей мере две. Первая – многочисленные широтные и долготные миграции по территории Западной Сибири жителей Передней, Средней и Центральной Азии в течение последних трех-четырёх тысячелетий, вследствие резких изменений климата, неизбежно сопровождающиеся трансформациями календарных мифов. Вторая – это изменение языка коммуникации, и/или основных хозяйственных специализаций. Всё это в совокупности оказало доминирующее влияние на формирование облика календарных мифов народов региона.

Ключевые слова: трикстер, герой, людоед, календарный миф, Ильин день.

TRICKSTERS AND HEROES IN THE EPICS AND FOLKLORE OF PEOPLES OF WESTERN SIBERIA

In the folklore and epics of the peoples of Eurasia, a special place occupied by stories that can be attributed to both the heroic and trickster cycles. They are partially considered in the author's work, but it is advisable to return to this topic again for a number of reasons. First, it is necessary to expand the range of images, including folklore

and epic texts of the indigenous peoples of the Northern Urals and Western Siberia (including the Sayano-Altai), which are absent in this work. The author sees at least two reasons for this: numerous latitudinal and longitude migrations across the territory of Western Siberia of the inhabitants of the Anterior, Middle and Central Asia over the past three or four millennia, due to abrupt climate changes, inevitably accompanied by transformations of calendar myths. The second is a change in the language of communication and / or the main economic specializations. All this together had a dominant influence on the formation of the appearance of calendar myths of the peoples of the region.

Keywords: trickster, hero, Ogre, calendar myth, Elijah's day.

В нарративе народов Северной Евразии известны сюжеты, которые можно отнести и к героическим, и к трикстерским. Их обзор и анализ ранее был осуществлен [17, с. 6–15], однако необходимо вернуться к ним по двум причинам. Это необходимость расширения круга образов, включая фольклорные и эпические тексты коренных народов Северного Урала и Западной Сибири (в том числе и Саяно-Алтая), частично отсутствующих в указанной работе. Причины для выбора этих территорий по меньшей мере две, – многочисленные широтные и долготные миграции по Западной Сибири населения из Передней, Средней и Центральной Азии в течение последних трех-четырёх тысячелетий из-за резких изменений климата [37, с. 11–19; 9, с. 154–160], что неизбежно приводит к трансформации календарных мифов. Ещё одно (почти неизбежное) последствие миграций, – смена языка коммуникации, что вкупе с изменением хозяйственно-культурного типа может приводить к трансформации исходных моделей календарного мифа. Расширенный обзор дефиниций (герой, трикстер, людоед) по теме избыточен, ограничимся лишь изложением основных черт трикстера и героя, их сходств и различий, выявлением календарного-числового контекста и ареальных особенностей этих образов. Поскольку в Сибири трикстерский и героический цикл интенсивно «проросли» друг в друга, то целесообразно их

совместное рассмотрение в рамках одной этнической традиции.

Базовые тексты. Образы эпических героев описаны достаточно подробно (сюжеты, ареальное распространение и др.) [28; 29; 42; 48; 39]. В них рассмотрены в основном эпосы тюрко- и монголоязычных народов Сибири и Центральной Азии. Героические циклы обских угров (манси) [54], селькупов [32; 64], кетов [4] появились позднее. Кроме работ Дыренковой Н. П. [27, 1940] и Суразакова С. С. [59], в последние два десятилетия опубликованы сборники эпосов народов Западной Сибири [66] (ненцы), Саяно-Алтая [1; 2; 71] и другие.

В работе [17, с. 6–10] были рассмотрены характерные черты героев, трикстеров на примере переднеазиатских и северо-евразийских (Сибирь, Дальний Восток) текстов. Сделаем это более подробно с использованием новых эпических и фольклорных текстов народов Западной Сибири и Урала.

Трикстер. Верткое, подвижное существо очень малых размеров. Сирота или приемыш. 1. Склонен к оборотничеству, принимая обличья лисы, медведя, оленя, колонка, горноста. 2. Уйдя на охоту или рыбную ловлю и нарушив волю старших (бабушка, тетя, мать), заходит на «запретные» места (нижняя часть водоема – символ иного мира), попадает в ловушку (прилипание к пню, «куче», кочке и др.) «людоеда» или «лесной бабушки». 3. Попав в его мешок (лукошко, брюхо), высвобождается и убивает его хитростью или ловкостью (игра в прятки), вырезая в его теле выход к свету, выводит из тьмы себя и ранее проглоченных людей, скот и т. д. Обманом убивает и скармливает людоеду его детей. 4. Большая часть сюжетов, связанных с похищением трикстером еды (жир, юкола, рыба, добыча) у «старухи», «старика» или «людоеда» приурочена к зиме. 5. Культурный герой, дает новые знания и навыки. Детали его рождения или появления неоднозначны. «Ниоткуда» – это, по сути, тьма. В условиях Сибири и Севера (севернее 50 градуса СШ) наиболее темное время года это ноябрь–январь [17, с.10]

Герой – это почти всегда неожиданный, поздний сын старой бездетной пары, родившийся в отсутствие или без ведома

отца. Необычность его появления подчеркивается такими деталями как рождение из колена, подмышки, бугорка на спине, темени или большого пальца матери (полная подборка литературы в [10, мотив F2]). То есть это всегда часть тела, которая имеет выпуклость (колени, темя, бугорок) или вогнутость (впадина, подмышка). Отметим также, что многие части тела, задействованные в акте рождения героя, являются единицами счета по частям тела (палец, плечо, колени, темя). Например, у пожилых бездетных супругов (казымские ханты) муж из распухшего колена жены вынимает камень, который по ночам принимает облик мальчика, юноши и богатыря [45, с. 90–93]. Один из вариантов рождения Гэсэра (буряты) – из темени матери [69, с. 41].

Заметим, что семантика «бугорка / кочки / нарыва», как предтечи новой жизни, известна также и в календарной лексике у некоторых групп сибирских татар, например, «месяц почек» (шомормуил, май, тарские, курдакско-саргатские татары), маркируя предтечу появления (рождения) листвы [16, с. 204]. Герой рождается иногда со сгустком крови в руке (Мгер, Темучин) – признаком будущего могущества. Его рождение сопровождается природными катаклизмами (землетрясение, буря, смерч и др.) или социальными потрясениями (рождение Христа и избивание младенцев Иродом) [18, с. 131–134]. Легенда о рождении Пророка, гласит что в ночь его рождения дворец Хосроя Анушарвана в Ктезифоне заколебался в основаниях, а священный огонь персов, горевший без перерыва в течение 1000 лет, потух [47, с. 27].

Можно выделить такие общие черты образа героев, как изоляция младенца в детстве, убийство или калечение им сверстников (или родственников), быстрый рост (день = год), попытка его устранения (убийства) силами Зла и др. В некоторых традициях герою в детстве калечат ноги. Часто младенец некрасив или даже уродлив. Генезис героя связан одновременно со стихиями огня и воды. Важное характерное качество героя – способность «управления» погодой в зрелом возрасте. Ещё одно важное отличие – в переднеазиатской традиции это рождение героя из камня-скалы, источающей яркий белый свет [6, с. 134–140], чего почти нет

в сибирских текстах – исключая некоторые варианты Гесэриады, восходящей к индоиранским источникам [48, с. 147]. Это и хакасский Алтын Арыг, который рождается в белой скале [11, с. 117].

Развитие сюжета в разных эпических традициях может существенно различаться. В большинстве вариантов сибирского героического эпоса (алтайцы, буряты, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты) убитого героя оживляет близкое существо – сестра, конь, шаманка и т. д. Затем, пройдя сложные испытания, входящие в ритуал сватовства, герой женится и живет долго и счастливо. Однако их сходство с переднеазиатскими касается, в первую очередь, лишь внешней атрибутики (оружия, коней, снаряжения и т. д.) и некоторых мотивов, связанных с особенностями состояния души или тела (одиночество или неуязвимость) или посещения Нижнего мира. Мотив бесплодности и бессмертия главного героя, его заточения в камень в конце жизни, который собственно и завершает логику эпоса, в них очень редок [17, с. 7–8].

Это одно из важнейших отличий героев переднеазиатского круга (Михр, Керсаспа и др.) от сибирских – обязательный уход героя в конце жизни в камень, на небо, дно озера и др., где он пребывает до наступления конца времен (более подр. см. в [17, с. 6–10]), в силу проклятия отца, фактическое противопоставление ранней (кратковременной после рождения) изоляции героя от социума, – длительной, которая наступает после ухода его из Среднего мира. Этот мотив сохранился лишь в самых ранних вариантах алтайского эпоса. Алпамыш бессмертен («умереть души у него нет»), а проклятие тестя обрекает его на долгий сон [28, с. 141]. Бессмертен Алтай-Буучай, преданный женой и сестрой, он превращается в золотой камень. В раздвигающейся скале спасается от происков матери и тети сын Алтая-Буучая [59, с. 38, 126–127]. Спит в пещере Ир-Тохчын, который должен проснуться в «последний год мира», чтобы спасти свой народ [12, с. 62]. В скале обитает состарившийся богатырь или богатырка (старая дева, мотив бесплодности) [1, с. 479]. Шорский Картыга Перген обречен на бессмертие в Среднем мире [27, с. 25]. Кетский Алба, не догнав Хосэдам, опальную жену Еся (бог неба), возвращается

вверх по течению и превращается в каменную гору на восточной стороне. «Несчитанные годы пройдут, землю сполочет вода, и тогда я поднимусь» [4, с. 77]. Уход в камень (то есть тьму) ожидаем. Если соотнести рождение героя с ярким светом, то в силу бинарных оппозиций его конец должен соотноситься с тьмой. Выполнение этого условия может быть маркирующим признаком родства героических циклов в разных традициях. К героическому циклу можно отнести по-видимому и образ неумехи – старшего или младшего из братьев [17, с. 8], хотя бы по признакам бездетности или убийства родственников.

Основной тип трикстерского сюжета в Сибири – приключения сироты, живущего с бабушкой (реже с матерью или тетей), родители которого пропали в лесу или убиты соседями. Из-за нарушения запретов (мотив непослушания) на посещение определенной части локуса (обычно Нижняя часть водоема) – север или дальний лес, он попадает в плен к людоеду и затем, проявив хитрость и смекалку, освобождается, убив людоеда и захватив, в первую очередь, запасы зимней еды и/или его имущество. В некоторых случаях убийство людоеда трикстером (героем?) приводит к образованию нового мира (островов, скал и т. д.) в результате распада тела людоеда (см. напр. текст № 154 «Образование островов» [45, с. 429, 430]), или кровососущих насекомых после его сжигания (см. напр. [31, с. 201–204]).

Обские угры. Наиболее известен образ Мир-сусне-хума (манси, «За миром наблюдающий»). Он последний сын бога, рожденный женой изменницей, – трансформированный мотив рождения героя в отсутствие отца. Сброшенный с неба, он убивает брата и его жену (убийство близких). Его возмужание начинается с получения волшебного лука и обретения его кожей свойства железной кольчуги [55, с. 29, 35, 43]. Смешением разных образов и пластов мифов объяснимо одновременное наделение его и функциями культурного героя – трикстера, и соотнесение его с гусем – богатырем (Лунт отыр), улетающим на зиму в страну Мортим-ма. Последнее вполне согласуется с особенностями хода Солнца (переход на южную сторону небосвода после прохожде-

ния им осеннего равноденствия). С Мир-сусне-хумом соотносят ещё один сюжет, более подходящий трикстерскому циклу, – борьба с людоедом, с последующим убийством его сына и дар отцу его языка и глаз. Иногда рождение Мир-сусне-хума происходит между землей и небом [43, с. 153–154] – образное представление равноденствия (земля – тьма, небо – свет). Его отец Торум имеет много эпитетов, однако в контексте вопроса наиболее важно его соотношение с югом и светом.

Трикстер Эква-пыгрись живет с бабушкой. Иногда указывается, что он имел родителей, пропавших в лесу (то есть в «вотчине» людоеда). Он умен и хитер не по годам («Эква-пыгрись, разве можно побороть твои семь мудростей, твои шесть мудростей» / «...он ведь с семью хитростями, с шестью хитростями» (манси) [7, с. 78; 46, с. 115]). Кроме своей обычной бабушки у него есть и «лесная» бабушка, у которой он крадет еду. В поисках стрелы, выпущенной из лука, Эква-пыгрись оказывается в лесу и попадает в кузов «лесной бабушки», откуда ему дважды удастся спастись, но попадается на третий раз. Затем убийство двух дочек людоедки, спасение на дереве, помощь зверей (заяц, лиса, росомаха) и убийство людоедки – пригвождая её раскалённым ломом [46, с. 187–191].

Соотнесение Мир-сусне-хума с Эква-пыгрисем [55, с. 461] не бесспорно, так как в ранних вариантах мифа [46, с. 358–377] Эква-пыгрись – типичный трикстер, одинокий сирота, живущий с матерью или бабушкой. Этимологии (пыгрись – лисенок, эква – старуха, замужняя женщина [8, с. 74, 146], – «старухи лисенок») и любвеобильность Мир-суснэ-хума, маркером которой является красная лиса [20, с. 553], делают понятным сближение этих образов.

Торум наказывает жене запереть новорожденного ребенка в каменный дом [46, с. 70–72, текст № 11 «Огненный потоп»] (без мотивации). Он там лежал (параллели – сидевший «сиднем» Илья Муромец или лежащий герой Эрийдак-Буруйдак, долгины [17, с. 8]), пока не выросла борода, и не дождавшись прихода отца, разрушает дом и выходит оттуда. Поссорившись с отцом уходит жить в дом к его слуге и там, сойдясь с его женой, убива-

ет слугу. За это Торум приказывает его сжечь, но после огня на месте костра образуется озеро с плавающим гусенком. В другом сюжете это сын, родившийся в отсутствие отца (текст «Камень семпыр»). Соревнуясь в метании камня, герой убивает сводных братьев (убийство сверстников) [46, с. 93–101].

Победитель подслеповатого лесного чудовища – людоеда, сирота Альвали, живущий с бабушкой, которому не удастся вытащить стрелу из «подстреленного» им чирка, затем к чирку прилипает одна его рука, потом вторая, и он оказывается в плену у людоеда Сэвс-ики, который в образе чирка (маленькая утка, прилетающая первой) ставил ловушки для своих жертв. Однако Альвали спасается от людоеда, укрывшись на верхушке дерева, и в конце концов с помощью хитрости и уловок заставляет его упасть в свою же ловушку (яма с кольями) [46, с. 134]. Горноста́й в своем зимнем облике являлся зооморфным воплощением Альвали [40, с. 161], символом северного лета, с минимальной длительностью ночи («белые ночи») в течение почти июня–июля. Изображение горноста́я на кольцевом календаре XI в. н. э. (Северный Урал) было символом летнего солнцестояния [14, с. 96].

Сюжеты о трикстере и людоеде у хантов хотя и близки по фабуле, но разнятся в деталях. Например, «людоедом» может быть и менкв (Менк-ики, текст 33 [46, с. 132–133]). Может меняться дерево, на котором спасается трикстер, – осина вместо лиственницы. Но сжигание людоеда и появление комаров из пепла почти всегда завершает повествование. О локализации глаз людоеда почти ничего нет, лишь в одном тексте указан один глаз на лбу (текст № 74, «Охотник и Менк-ики» [46, с. 198–200]).

Кеты. У кетов сохранились фрагменты нескольких героических циклов. Это общекетский цикл сказаний об Альбе (пришельце с юга, рыбаке и речном зверолове). Цикл сказаний о Бальне («черемушный» герой) и его братьях считается более поздним и известен только у имбатских кетов, хотя нельзя исключить, что мы имеем дело с «разбросанными» осколками общекетского героического эпоса [4, с. 47]. Мотивы одиночества и непослушания эпического героя были «разнесены» по разным образам. Известен

сюжет о «сыне неба», которого за непослушание отец обрекает на смерть, «задув» его весенним холодным ветром на западной стороне неба, а Млечный путь – след его лыж [3, с. 86, 87; 50, с. 123]. Если действие в сюжете завершается на западной стороне небосвода, то речь идет о весеннем равноденствии, когда Млечный Путь почти точно ориентирован на небе с востока на запад.

При этом божественным родителем может быть не только Есь (Небо), но и Хоседам (Хося – дам букв. «Нижняя мать»), имеющая некоторые признаки хтонизма (четырёхпалость). После потери сына, она мстит всем пятипалым, то есть «земным» людям [36, с. 46]. Кетский Алба обшаривает небо и землю в поисках Хоседам, бывшей неверной жены (персонификация злого начала) Еся (благое начало) – хозяина и повелителя неба. Образ Албы (сына?) Еся несомненно имел отношение и к календарному мифу, поскольку он «прокладывал» Млечный Путь [5, с. 7], меняющий своё положение на небе в зависимости от сезона года. В космогонии кетов опальная жена Хоседам (персонификация холода, тьмы и севера), верховного бога (небо) Еся, убегая от преследующего её Альбы (посланец Еся) оборачивается налимом и скрывается от Альбы, уходя вниз по течению, то есть на север [4, с. 77]. Здесь образ налима напрямую соотнесен с севером, устьем реки (низ) и зимой, следовательно, Альба – символ наступающего летнего сезона.

Кетский трикстерский цикл подробно изучен. Каскет – кетский «одинокый мужчина» (трикстер). Каскет и Тотоболь (брат?) попадают к Бабе Яге («людоед»), та втыкает в них дома по иголке (мотив обездвиживания) и начинает откармливать на убой. Каскет хитростью убивает и варит её дочерей, вывешивая мясо вдоль дороги к дому. Во время бегства от Бабы Яги (людоед) вместе с неуклюжим, ленивым и прожорливым Тотоболем (вариант прямой антитезы трикстера и неуклюжего героя-неумехи), Каскет, спасая застрявшего в дыре Тотоболя, отрывает тому голову. Затем, качая голову в котле, Каскет возрождает его целиком. Слепив бабушку, Каскет убивает и бросает её в воду, где та, проплавав, оживает и приносит добычу – осетров (текст № 5, [26, с. 23]). То есть вода – условие возрождения убитых, огонь –

окончательная смерть. Каскет, по мнению В. Н. Топорова, был типичным трикстером, имея неограниченные возможности по превращениям (в лисенка, горностаю, оленя, медведя, колонка) и типичным богом-сиротой [63, с. 147].

Селькупы. Четкое разделение богатырского и трикстерского циклов в селькупской традиции весьма затруднительно, хотя О. А. Казакевич относила к богатырским наиболее ранние тексты, записанные Доннером К. В целом они дают следующую картину. Герой Ича борется с захватчиками ненцами, великаном Пюна-Кэса, и всевозможной нечистой силой. При этом герой может быть единственным сыном родителей, одним из трех сыновей или же одиноким сиротой, хозяином тощего быка, живущим в среднем течении реки. Важная особенность: в южноселькупских текстах великан Пюне Гусэ выступает как антипод Ичи, в североселькупских это имя богатыря, убитого стрелой в горло. Это описание противостояния героя Ичи с Пюна-Кэса («Камень – Железо», как маркеры максимально «обесчеловеченной» природы). Записи четырех текстов начала XXI века показывают некоторую трансформацию исходной версии. В них есть и мотив последнего младшего сына, и одинокого сироты, хозяина тощего, но могучего быка, помощника в борьбе со злом. Отчетливо проявляется инверсия персонажей. Например, Пюна-Кэса (текст № 2) из «чудовища севера» (по К. Доннеру) – младший сын из троих живущих с родителями сыновей. Обманчив внешний вид – в нарту Пюна-Кэса, сделанную из неошкуренной (то есть «неочеловеченной», дикой) лиственницы, запряжены три хилых маленьких оленя, на самом деле могучих [32, с. 116–120]. В отдельных текстах встречаются фрагменты характеристик героя. Например, это его сонливость в детстве или быстрый рост [64, с. 55, 58–60]. Характерная деталь – противник героя часто его свойственник.

Герой Иття вступает в схватку с Пюнегуссе – людоедом севера (в одном из вариантов мифа это муж сестры Итти). Два раза Иття терпит поражение, и его «съедают» (синоним ранения, так как «убить» – это «съесть целиком»), однако его оживляет жена,

намазав волшебной мазью. Но в третий раз Иття уже побеждает, насадив Пюнегуссе на «западную елку», а сестру на восточную [24, с. 41]. Время события можно определить как конец зимнего сезона, свидетельство в пользу этого соотносением Итти с Поясом Ориона («три поплавок» на рыболовной сети (Млечный путь) Ити, развешанной для «просушки») [44, с. 70]. В сюжете убийства Пюнегуссе упоминается текущая вода – это может быть в начале или конце зимы. Первое наименее вероятно, так как в этом случае предстоит ещё долгая борьба с Пюнегуссэ. Вероятнее всего, это конец зимы. Кроме того, соотношение убитых Пюнегуссе и его жены (сестра Итти) с западом и востоком – указание на время весеннего равноденствия, когда солнце встает точно на востоке и заходит на западе. Иття одинок, не имеет братьев, сестер или друзей, кроме версии, записанной у верхнекетских селькупов, когда его предает друг Имья, имевший трех братьев и трех сестер). За это Имья убит Итей, разрублен им на мелкие куски, которые он скармливает воронам и сорокам, календарным символам конца «зимнего» года. Выполнив свою задачу, Иття умирает через 3 дня, и его тело прячут [41, с. 156] (но не хоронят!) – опосредованный мотив уход в скалу, землю и т. д.

Есть ряд общих деталей трикстерского цикла у обских угров и селькупов – извержение людоедом проглоченных железных топоров, безуспешная рубка листовенницы, на которой спасается трикстер, помощь зверей, оказанная осажденному на дереве трикстеру, плохое зрение людоеда и, наконец детали его конца.

Тундровые ненцы. У тундровых ненцев образы героя и трикстера также имеют черты симбиоза. Герой Мандо – мянгт («Три сихиртя») обустроивает мир, который был сокрушен темным богом Нга. Он пригоняет стадо диких зверей, оленей, мамонтов, белых медведей. Он катится на лыжах, прицепив к поясу поводки, привязанные к жожакам. Затем он их отпускает, целуя в нос. Мамонты уходят в нижний мир к Нга, медведи в Ид Ерв (море), а небесные олени превращаются в домашних оленей [20, с. 79]. Пригон диких зверей вместе с домашними сближает этот образ с героями в других эпических традициях – Давид,

[22, с. 25], Куллерво [33, руна 31], а превращение небесных оленей в домашних – с культурным героем (трикстером).

Единоборство Яндэхэ – Вэсако (Старик низа) и Явмала (Тирний Вэсако – «вселенский старик») начинается со вторжения последнего в Нижний мир, где он не ведая срубает для лодки дерево Старика низа и, проиграв в схватке, должен ему отдать «на съедение» ещё не родившегося сына. Залог свободы: оставленный в лодке нож (с последующим обменом на сына). Тирний Вэсако вернувшись домой, застаёт помолодевшую жену, у которой из-под подола неожиданно выходит сын. Отец посылает его за ножом (т. е. на смерть), оставленным в лодке из ели, принадлежащей Нижнему старику. Тот его не съедает, а посылает за невестой (дочерью ветра) для себя, которую тот успешно добывает в образе куропатки. Здесь сочетаются мотив нежданного сына, родившегося в отсутствие отца, и будущего родства детей календарных символов Верха и Низа [66, с. 92–109]. Вадисей Салако («Левша-дурак») всю жизнь лежит в юрте; наконец, встает, поднимает руки, спрашивает отца: «Что это?». «Это твои руки». Так же голова, лицо, уши, детородный член. «Это твой детородный член, у тебя жена есть». Вадисей Салако выходит, легко побеждает самых сильных богатырей. Он – Нум, его отец – Хэхэ Нися (Отец богов), жена – Я-Мюня (богиня Земли), сын – Явмал (бог-странник, «смотрящий за миром», владыка южного /теплого /верхнего моря, близкий угорскому Мир-сусне-хуму) [20, с. 115–119].

Семеро братьев идут в лес на охоту; встречают старика («людоед»), который хитростью их убивает. Мать находит стружку с кровью младшего и превращает в ребенка (который потом женится на дочери старика), хитростью (предлагая снять с него мерку), укладывает старика на доску и убивает [61, с. 132]. Здесь сопряжены мотивы убийства людоеда хитростью трикстером и женитьба младшего (выжившего) сына с дочерью врага.

Мотив спящего с детства героя (мальчик Соня), единственного сына старшего из семи старейшин. Они живут в 700 чумах, он остаётся спать и не уходит с родственниками в гости, где их убивают враги, и он остаётся сиротой. Затем фрагменты при-

ключений сироты в Нижнем мире с железными стенами, а выход в верхний мир закупорен валуном [68, с. 7–12] – фактически изоляция от Среднего мира. Приведенные тексты мозаичны, демонстрируют смешение черт трикстера и героя.

Нганасаны. Нганасанский Торуде – герой-одиночка, с детства проявлял драчливость и силу (в отличие от трикстера Дяйку, достигающего цели хитростью). В мирное время Торуде (охотник на диких оленей) вступает в победный бой с агрессорами юраками [57, с. 188], спасая народ от гибели. Близкая огласовка лексем Торуде и торуму – деление, разделить, и месяц «торулиа кичежэ» – конец марта, начало апреля [38, с. 172,173,187], позволяет в данном случае соотнести с весенним равноденствием время его активности, то есть началом доминанты света над тьмой.

Нганасанский Дейба нгуо (Сирота-бог, дословно) – культурный герой и, по-видимому, наиболее заметная персона в мужской части пантеона нганасан, выходил из кочки на далеком Севере (летнее солнцестояние) и направлялся на Юг. Сезонная дихотомия пространства выражалась также через цветовые оппозиции, – белой совой, сидящей на белой сопке, и черным вороном, сидящим на черной сопке цвета летней земли [21, с. 23–26, 44, 45]. В другом сюжете трикстер Дяйку попадает в капкан людоеда (прилипнув к пню, одиноко стоящему в тундре) и оказывается подвешенным вместе с добытым песцом на перекладине в жилище людоеда. Беспечный хозяин оставляет их на ночь. Пользуясь этим, Дяйку спускается с перекладины и залезает под подол к старухе-людоедке, имитируя плач неожиданно родившегося ребенка. Старуха на радостях выполняет все его прихоти, в конце концов Дяйку заставляет людоеда зарезать своего единственного оленя и затем, показав Дяйку свою лодку, не мешает ему погрузить на нее оленьё мясо и увезти его в свое стойбище, при этом Дяйку не забывает посмеяться над людоедом [58, с. 21–24]. Здесь очевидное переплетение двух сюжетов – приключения трикстера, попавшего в ловушку людоеда, и рождение неожиданного сына у пожилой бездетной пары. В нганасанских текстах, в целом, аспект трикстерства выражен более явно.

Хакасы. Будущий герой Алтын Арыг рождается в белой скале [11, с. 117]. Спит в пещере Ир-Тохчын который должен проснуться в «последний год мира», чтобы спасти свой народ [12, с. 62]. В шести (девяти) гранной скале обитает состарившийся богатырь или богатырка (старая дева, мотив бесплодности) [1, с. 479]. Мотив камня есть в богатырской поэме «Баламон кам». У стареющей бездетной пары появляется сын – богатырь (Белый лунь), которого в трехлетнем возрасте отнимают у родителей соседи, чтобы по достижению 7-летнего возраста послать его воевать со сборщиком дани. Однако тот, получив богатырские доспехи и лук, сначала убивает приемных братьев (убийство сверстников) и затем отца. Возвратившись домой с военной добычей, ему с помощью волшебства удается превратить сначала в лебедь окаменевшую родную мать и затем придать ей прежний вид [60, с. 118–125]. В целом образ героя в хакасском героическом эпосе близок по своим характерным (бездетность, уход в камень и др.) чертам к образам переднеазиатских последних героев.

Шорцы. Старик Алтын-кан уезжает на охоту на 6 лет, и, возвратившись, видит жену беременной. Заподозрив её в неверности, он удаляется от неё и устраивает ряд испытаний новорожденному. Тот, выбежав (!) из дворца Алтын хана, прячется в шестиухом казане и живет там шесть лет, питаясь золой (изоляция в детстве). Получив имя Картыга Перген, он затем разнимает борющихся 40 лет отца и проезжего чужака богатыря Кара Моко. (шестиухий казан = «пространство / время»). Ненавидящий его отец насылает на него рати богатырей, которые Картыга Перген трижды уничтожает, и уезжает из дома [27, с. 11–25].

В другой версии этого сюжета «Хан Перген» [71, с. 50–51], его старшая сестра угоняет стада скота вместе с Кара моосом, всадником на черном коне. И она же хочет погубить брата с помощью живой стрелы и живого меча (мотив предательства женщины). Хан Перген убивает Кара мооса и рассекает сестру надвое. Хан Перген рассекает пополам черную землю и проникает в Нижний мир, где его отец сражается с Кара Кирбиком, и затем помогает другу отца, который сражается с Кара Кином

[71, с. 62–64]. Выделяется числовой мотив «половины». Есть также фрагмент легенды о рождении сына в отсутствие отца [27, с. 307, 309].

В тексте «Одинокий парень» трое ловят щуку и предлагают обмен на его овцу. Он согласен и тащит щуку домой в гору вверх, но она 4 раза выгрызает мешок. Тогда он возвращается к морю и бросает её обратно. Щука была сыном духа вод, на следующее утро от Духа – хозяина вод приходит гонец и ведет его сквозь воду в гости к Хозяину Вод, который в благодарность за спасение щуки (сына) спрашивает: какую хочешь награду? Ответ: только облезлую собачонку хозяина. Возвращается домой, ест сам и кормит собачонку. В награду вся его посуда превращается в серебро и золото. Для путешествия ему шаманка дает шестиногого коня. Его слуги убивают супостатов, и затем пир на весь мир, долгая жизнь [27, с. 237–251]. Есть ряд параллелей с другими текстами (облезлый Конек-Горбунок / облезлая собачонка, герой / плешивец и т.д), с ролевой инверсией – попадание единственного сына Хозяина вод в торбу трикстера (одинокий парень), то есть по факту превращение его в «людоеда».

Алтайцы. Образы героев в алтайском героическом эпосе во многом соответствуют условиям, сформулированным выше (нежданный сын бездетных богатых стариков, быстрый рост, изоляция в детстве и т. д.). О богатыре, родившемся от престарелых родителей, писал В. И. Вербицкий [13, с. 167]. Другой характерный персонаж – Делбеген (с вариациями), носитель злого начала. Семиголовый людоед Дельбеген ел скот и людей. Один из трех бурханов (Месяц), спасая людей, похищает его, когда тот беспечно лакомится черемухой, и уносит на небо [52, с. 190]. Байбалчикай отец героя, и чудовище Делбеген в его отсутствие нападает и уводит его жену. Так как он и раньше имел дело с Делбегеном (повторность действия, однозначное указание на календарную семантику сюжета), то отбивать свою жену боится, и этим занимается его сын Эрмэлчинек. Конь героя в виде синего марала борется с черным маралом – зооморфным воплощением Делбегена. Во время схватки Эрмэлчинек похищает жену и дочь Делбегена и затем женится на его дочери (мотив родства противников). Дел-

беген насылает на зятя болезнь, и тот умирает. В наказание за это (предательство = женитьбе на дочери врага), прах Эрмэлчиника не хотят принять ни родная гора, ни река, ни два материнских дерева (энэ агаш), на которых отец хотел его похоронить. Поэтому отец разрубает сына на две части, одна из которых уходит вниз, другая на небо [2, с. 38]. Это можно рассматривать как разделение героя на исходные сущности, при переходе в Нижний или Верхний миры из Среднего, и, по-видимому, как отражение факта рождения между небом и землей.

Герой Алтай-Буучай бессмертен («умереть души у него нет, состариться нет предела летам»). Преданный женой и сестрой, он превращается в золотой камень. Перед смертью Алтай-Буучай мужья жены и сестры успевают отрезать у него большой палец. У его малолетнего сына отрезают ноги (мотив калечения детей), но тот успевает уползти в гору, и скала его принимает [59, с. 126]. Мотив «камня» здесь усилен редубликацией, так как отец «последнего героя» в переднеазиатских текстах умирает обычной смертью.

Отдельный аспект проблемы – выраженная эсхатология некоторых алтайских героических текстов. Ойрот хан, бывший правитель предков алтайцев, станет спасителем во время грядущей катастрофы – конец света, то есть эсхатологический аспект совмещен с мессианским (подробнее см. напр. в [70, с. 105]).

Телеуты. Алтай-Куучин – старик-богатырь, преданный женой и сестрой (мотив предательства). Душа его находится в большом пальце, который жена и сестра отрезали. Оживленный Алтай-Куучин находит тело сына от первой жены и оживляет [61, с. 62–81]. Шуню хан – легендарный богатырь и правитель золотого века телеутов, который должен вернуться и отвести народ в обещанную им землю. Шуню хан бежал от двух своих сыновей, оспаривающих у него трон. Иногда он появляется, чтобы проверить хранят ли они свою телеутскую веру, причем узнают они его по глазам. Он появляется на коне [23, с. 59–78].

Сибирские татары. Основной источник фольклора сибирских татар – работа Радлова В. В. [53]. С учетом доминирующе-

го культурного и религиозного влияния Средней Азии и Поволжья на формирование общественного сознания сибирских татар, естественно ожидать, в первую очередь, соответствующие эпические тексты, например, «Алып Батыр» или «Идегей». Семантика образов и сюжетов в ранних редакциях эпоса Алпамыш во многом соотносится с условиями, сформулированными в работе [17, с. 6–8], поэтому остановимся подробнее на особенностях героических текстов с описаниями деяний реальных лиц. Это, в первую очередь, дастан «Идегей» – поэтическая версия событий времен Тохтамышша, и текст «Кучум».

Кутлук, сокольничий Тохтамышша, приговорен за мнимую оплошность к смерти, хан приказывает убить и его сына – младенца Идегея. Исполнитель воли хана подменяет его одним из своих сыновей, и Идегей растет под его именем, становясь потом видным воином хана. Сюжет вполне соотносится с историями героев, спасенных в детстве от смерти подменой (см. подборку в [54, с. 168–200], а также версию с «найденным» в сапоге младенцем Идегеем [53, с. 127]). Детство и юность героя отвечают канону (быстрый рост, отвага, сила, сметка), но, в отличие от «последнего героя», он находит свою смерть от рук воинов хана (см. также противоположную оценку личности Идегея в ишимской версии [53, с. 195–204]).

Текст о Кучуме и Ермаке опубликован впервые на русском языке И. Э. Фишером, с использованием т. н. «Ремезовской летописи» (цит. по: [35, с. 1–12]). Есть разные версии взаимодействия главных героев – Кучума и Ермака. Бродячий сюжет о разрезанной бычьей шкуре восходит, по-видимому, к легендарной Дидоне (основание Карфагена). Интересно развитие темы – когда Ермак («отец») призвал первопоселенцев следовать за ним, они отказались, сославшись на успешную ловлю налимов. Это приписано и Кучуму, который позвал родичей за собой на новую землю и, получив от них отказ, проклял их («проклятие отца»), вследствие чего они перестали размножаться. Это, по факту, отражение мотива непослушания сына, с последующим проклятием отца, обрекающим его на бездетность (см. напр. [17, с. 7–8]), красной нитью проходящего через, казалось

бы, сугубо исторический текст. Также показательна дата гибели Ермака, – ночь с 5 на 6 августа, прямо соотношенная с фенологическими событиями начала августа (Ильин день). В версии гибели Ермака в [25, с. 30], показательно место (лоб), куда попадает стрела, в полном соответствии с каноном убийства «чудовища» («глаз» на лбу, «демонизация» реальной личности). В тексте «Сын старика» у 80-летней старухи рождается сын, растущий «по дням» [25, с. 52]. В тексте Темир алып [25, с. 71, 72] у пожилой бездетной пары рождается богатырь, растущий поденно. Во время его странствий, он побеждает трех великанов и женится на их дочерях (мотив родства с противником). В тексте № 6 [там же, с. 111–115] дух реки (Низ) хватает отца героя за бороду, требуя за свободу сына, рожденного в его отсутствие (см. выше, близкий сюжет с «заложненным» сыном у тундровых ненцев). Затем поиск невесты (пери), имеющей неясное отношение к духу реки, целый ряд пройденных с её помощью испытаний, и свадьба. Характерные черты образа героя – «нежданного» сына, брачный союз с представительницей другого мира, и затем жизнь в Среднем мире.

Текст «Илак алып». Илак – сын девушки, забеременевшей от крупной ягоды (то есть без отца). В реалиях это конец июля – начало августа, совпадающее с событиями Ильина дня, когда грозные дожди «сбивают», казалось бы, непобедимую мощь июльского Солнца. Сюжет о рождении богатыря(ей) от проглоченной ягоды был известен населению лесной полосы Евразии (см. напр. [34, с. 97, 253, 261]). Далее следует жизнь богатыря в местности, изолированной от других людей. Затем долгий богатырский «сон» (фактически изоляция), с наказом разбудить его при появлении врагов. Сломанные ноги алыпа при обрушении дома (подпиленные сваи) – трансформированный мотив калечения ног героя. В одной из версий события для спасения социума при грядущем нападении врагов Илак Алып предлагает раскопать его могилу и проехать вокруг неё на телеге три раза [65, с. 150–162]. Хотя информанты не указали детали этого действия – это хорошо известное условие перерождения, трехкратное круговое движение «по» или «против» хода солнца.

Семантика образов. Инверсии ролевых функций. Если семантика образа «людоеда» более или менее однозначна, как носителя мирового или хотя бы конкретного (родовая территория) зла, и фактически фона, на котором разворачиваются деяния героя или трикстера, то частая смена ролевых функций трикстера и героя дает возможность говорить лишь о постоянстве мотива. Это ещё раз подтверждает тезис Ф. Боаса о постоянстве формы при возможности почти неограниченного варьирования значения. В реалиях (демографические проблемы и превышение уровня антропогенного давления на среду) бездетного героя логично соотнести с перенаселением локуса обитания, а трикстера – с малолюдем. Кроме того, в контексте календарного мифа ролевые функции образов должны быть, в первую очередь, соотнесены с фенологией – резкими сезонными изменениями температуры, влажности, освещенности и т. д.

Спектр сюжетов, в которых отражены разные аспекты идеологием трикстера и «последнего» героя, даны чаще всего в виде фрагментов, представляющих те или иные аспекты календарного мифа, – практически неохватен. Поэтому рассмотрим развитие (чаще всего за счет инверсии ролевых функций) мотивов на примере весьма распространенного в Северной Евразии и Пасифике сюжета «водоноша/и». Это приключения персонажа, посланного за водой в наказание за нарушение норм поведения или во спасение от притеснений, который оказывается перенесенным с «ведрами» и «кустом» на Луну [10, мотив A32F]. Отметим, что это чаще всего «сирота» (= безродность, появление «ниоткуда») – то есть вариант образа трикстера. Непременное указание на нехватку воды, позволяет соотнести сюжет с самым жарким временем года – в реалиях южной Сибири, – стык июля–августа, то есть период Ильина дня. Как показано в [15, с. 536–537], семантика обрядов, приуроченных к Ильину дню, так и сопутствующих мифов – роль «предтечи» прихода зимы – времени духа Низа.

Из многочисленных вариантов мифа «водоноша» (девочка, вор, братья, чудовище и др.), в текстах Южной Сибири доминирует форма с описанием наказания чудовища (ведьмы) – Делбеген

(Челбеген, Тилбеген, Чилбага), которое за бесчинства наказывается ссылкой на Луну (факт изоляции). Иногда «людоеда» Дельбегена, лакомящегося черемухой, бурхан Месяц (Луна) уносит к себе (алтайцы, [52, с. 190]). То есть по совокупности [10, мотив A32F], сюжет сохраняет характерные компоненты – трикстер = сирота, чудовище, изоляция от социума (на Луне = небо), но уже в другой «компоновке», радикально меняющей семантику сюжета.

Другая версия приключений пары трикстер – людоед, это мотив поиска ягод (вариант съедобных корней) девочками-сиротами, с находкой ими «младенца – чудовища» в оловянной люльке (олово как символ вселенской жары) или черного камня (авахи, символ тьмы), с превращением его в великана-людоеда ([10, мотивы M46, L65]). Вариант «взаимодействия» девочек-ягодниц (июль–август) с хозяином Низа, это попадание их на зимовку к медведю, с последующим рождением сына – сюжет, известный от Урала до Аляски [15, с. 536]. Плод неравного брака – юноша-богатырь, убивающий отца (медведя), плохо приспособленный к жизни в социуме (калечение или убийство сверстников) и уходящий в лес (берлога = пещера), – аллегория изоляции от социума. От съеденной ягоды земляники (по сути похищение ягод – «еды» хозяина Низа) рождаются богатыри (Илак – алып) или герои Калевалы (см. выше). По-видимому, здесь можно искать место контакта обеих идиологем – трикстера и «последнего героя». Серьезное препятствие к раскрытию семантики образов и сюжетов – почти полное отсутствие этимологий, – свидетельство давних заимствований.

Вместо выводов. Целесообразна проверка предлагаемых в работе критериев маркировки трикстера и «последнего героя», – при исследовании других, несомненно важных, но не исследованных аспектов проблемы в фольклорных и эпических текстах народов Сибири. Это семантика счетных процедур на пальцах (мизинец = трикстер), а также сравнение инверсий ролевых функций в треугольнике трикстер – людоед – последний герой. Ещё один важный аспект проблемы – возможная связь трикстерского и героического циклов с «основным мифом» [30, с. 129–136].

И, наконец, это дальнейшее исследование семантики образов зооморфных трикстеров и героев в контексте календарного мифа.

Список источников и литературы

1. Ай Хуучин. Хакасский героический эпос (серия Памятники Фольклора Народов Сибири Дальнего Востока). Т. 16. Новосибирск, 1997. 479 с.
2. Алтайский героический эпос. 1997. Новосибирск: Наука, 1997. 256 с.
3. Алексеенко Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 67–105.
4. Алексеенко Е. А. Мифы, предания, сказки кетов. М.: Изд. Вост. лит. РАН, 2001. 343 с.
5. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1914. 90 с.
6. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 128–168.
7. Баландин А. Н. Язык мансийской сказки. Л.: Изд. ГлавСевморпути, 1939. 80 с.
8. Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: ГУПИ, 1958. 228 с.
9. Березкин Ю. Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 153–170.
10. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Аналитический каталог сказочных сюжетов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>. Дата обращения 15.06.2020.
11. Боргояков М. И. Скифско-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели // Народы Азии и Африки. 1975. С. 110–120.
12. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: ХГУ, 2001. 147 с.
13. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Скоропечатня Левенсон А. А., 1893. 221 с.

14. Вртанесян Г. С. Средневековые кольцевые календари Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2014. № 2. С. 96–108.

15. Вртанесян Г. С. Ильин день в календарных мифах народов Урала и Западной Сибири // Вестник угроведения. 2019. № 3. С. 532–544.

16. Вртанесян Г. С. Традиционные календари сибирских татар: общее и особенное // Сборник статей симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», посвященного 100-летию Ф. Т. Валеева и 20-летию I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск. 10–12 декабря 2018 г. Под ред. З. А. Тычинских. Тобольск: Тобольская типография, 2019. С. 202–207.

17. Вртанесян Г. С. Эпические герои и трикстеры в контексте календарного мифа // Вестник СВФУ им М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». № 1 (13) 2019. С. 5–23.

18. Вртанесян Г. С. Нежданный, тайный, спрятанный сын: календарный аспект сравнительной мифологии героя и трикстера // *Studia Religiosa*. 2019. № 4. С. 130–145.

19. Головнев А. В. Говорящие культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

20. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

21. Грачева Г. Н. К горизонтальной модели мира у нганасан // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб.: РЭМ, 1993. С. 23–45.

22. Давид Сасунский. Армянский народный эпос. М.: ГИХЛ, 1939. 78 с.

23. Данилин А. В. Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Изд. «Ак Чечек», 1993. 208 с.

24. Доннер К. Самоедский эпос // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск: Типо-литография Сибирского Т-ва Печатного Дела, 1915. Т. III. Вып. 1. С. 38–53.

25. Дмитриева Л. Б. Язык барабинских татар. Л.: Наука, 1981. 227 с.

26. Дульзон А. П. Кетские сказки. ТГПИ. Томск: Изд ТГУ, 1966. 159 с.

27. Дыреноква Н. П. Шорский фольклор. М.-Л.: ИЭ АН СССР, 1940. 450 с.

28. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Наука, 1960. 333 с.
29. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.: ГИХЛ, 1962. 435 с.
30. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
31. Йохельсон В. И., 1918. Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах // Пг. СМАЭ. Т. V. Вып. 1. 1918. С. 201–204.
32. Казакевич О. А. Селькупский богатырский эпос: современная запись // Лингвистический беспредел – 2. Сб. научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: МГУ, 2013. С. 116–120.
33. Калевала. Л.: Лениздат, 1984. 575 с.
34. Карельские эпические песни. М.-Л.: АН СССР, 1950. 526 с.
35. Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск. 1895–1896. Вып. 5. Кн. XV. С. 1–12.
36. Кетские народные сказки. Красноярск: Поликор, 2006. 240 с.
37. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
38. Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2001. 415 с.
39. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: СО РАН, 2005. 1383 с.
40. Кулемзин В. М. О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.
41. Купер Ш. Ц., Максимова Н. П. Образец фольклора кетских селькупов // Языки народов Сибири. Сб. ст. к 95-летию Дульзона А. П. Томск: ТГПИ, 1995. С. 154–157.
42. Мелетинский Е. М., 1963. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: ИВЛ, 1963. 462 с.
43. Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988, 671 с.
44. Мифология селькупов // Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. Томск: ТГПУ, 2004. 382 с.

45. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
46. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
47. Мюллер Ф. А. История ислама от основания до новейших времен. Т. 1. СПб., 1895. 358 с.
48. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 316 с.
49. Николаев Р. В. Фольклор и некоторые вопросы этнической истории кетов // Автореф. дисс...канд. ист. наук. М., 1977. 21 с.
50. Николаев Р. В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск: КГУ, 1985. 128 с.
51. Патканов С. К. Остяцкая молитва. Т. 1. Тюмень: Изд. Мандрыки, 1999. 400 с.
52. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Типография В. Безобразова, 1883. 386 с.
53. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны Радловым В. В. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. 411 с.
54. Ранк О. Миф о рождении героя. М.: Рефл. бук., 1997. 252 с.
55. Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов). Ханты-Мансийск, 2010. 646 с.
56. Ругин Р. Легенды и мифы народа ханты. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2003. 336 с.
57. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 312 с.
58. Сказки народов Сибирского Севера. Вып. 3. Томск: Изд. ТГУ, 1980. 191 с.
59. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.
60. Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // ВРГО. 1855. Ч. 15. Кн. 5–6. С. 115–141.
61. Токмашев Г. М. Телеутские материалы. Сказка об Алтай-Куучуны // Тр. Томского общества изучения Сибири. 1915. Т. III. Вып. 1. С. 62–81.
62. Тонков В. А. Ненецкие сказки. Архангельск: Севкрайгиз, 1936. 224 с.

63. Топоров В. Н. Енисейский образ трикстера (кетское – Каскет, югско-сымское – Хасингет) в свете ареальных и типологических параллелей // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 145–150.

64. Тучкова Н. А., Вагнер-Надь Б. «Семи богов мудростью обладающий Итте». Тексты с героем Итя в селькупском фольклоре. Ч. 1. Итя – тексты. Томск: ТГПУ. Институт финноугроведения / уралистики Гамбургского университета, 2015. 336 с.

65. Тычинских З. А. Легенды заболотных татар о первых населенниках края // Тобольск научный. 2016. С. 159–162.

66. Фольклор ненцев. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.

67. Хакасские народные сказки. Абакан: Хакасское кн. изд., 1955. 144 с.

68. Харузина В. Н. Сказки русских инородцев. СПб., 1898. 293 с.

69. Шаракшинова Н. О. Мифы бурят. Иркутск, 1980. 167 с.

70. Шерстова Л. И. Эсхатологические мотивы в религиозно-мифологических представлениях народов Саяно-Алтайского нагорья // Теория и практика исследований этнокультурных комплексов. Тезисы докл. Научной конференции посв. 65-летию со дня рождения Козьмина В. А. СПб ГУ, 2015. С. 104–106.

71. Шорский героический эпос. Т. 1. Кемерово: ООО «Примула», 2010. 392 с.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ

Е. П. Загваздин

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

До подготовки в 2006 г. научного проекта по реставрации Абалакского Свято-Знаменского мужского монастыря археологических работ на его территории никогда не проводилось. Учитывая, что с местом, на котором стоит монастырь, связан массивный пласт сибирской истории, то необходимость в проведении раскопок стала очевидна. Изучение культурного слоя на территории монастыря было предпринято в начале июня 2006 г. Был заложен один разведочный шурф с восточной стороны Архиерейского корпуса, а также обследована траншея. Был зафиксирован культурный слой небольшой мощности (40–60 см). Находки, в основном, представлены бурой русской керамикой и костями животных. На основании этих работ в проектную документацию были включены разделы, связанные с сохранением и изучением культурного слоя монастыря. В последующие годы были проведены и крупномасштабные раскопки.

Ключевые слова: Абалакский монастырь, археологическая разведка, Архиерейский корпус, культурный слой, проектная документация.

FIRST STEPS IN THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE ABALAK MONASTERY

Before preparation in 2006 of the scientific project for restoration of the Abalaksy monastery, archaeological researching on its territory had never been carried out. Considering that massive layers of Siberian history is associated with the place where the monastery stands, the need for excavations became obvious. Study of cultural layer on the territory of monastery was undertaken at the beginning

of June 2006. One exploration pit was laid on the eastern side of the Bishop's building, and a trench was also surveyed. The cultural layer of low thickness (40-60 cm) was recorded.

Finds were mainly represented by brown Russian ceramics and animal bones. On basis of these works, the project documentation included sections related to the preservation and study of the cultural layer of monastery. In the following years, large-scale excavations were carried out.

Keywords: Abalak monastery, archaeological prospecting, Bishop's building, cultural layer, project documentation.

Абалак до прихода в Сибирь Ермака был небольшим татарским городком, и название свое получил от имени татарского князя Абалака, сына сибирского хана Мара. К концу XVI века городок стал настоящей крепостью. Из сибирских летописей известно, что, узнав о приближении Ермака, одну из своих жен – Самбулу – Кучум укрыл в Абалаке, а после поражения под Чувашским мысом сам пришел сюда с остатками войска. Затем он надолго покинул эти места. Родственник Кучума Маметкул продолжал военные действия под Абалаком, напал на казаков (так называемая «Абалакская рыбалка»). Отряд Ермака, отправленный на помощь, разбил войско Маметкула. Последний раз Ермак был в районе Абалака в 1585 г., когда отправился на помощь каравану бухарцев [6, с. 39–50].

История уже русского села Абалак в период с первой четверти и до конца XVII в. достаточно скупо освещена письменными источниками. Одно из первых упоминаний о селе присутствует в грамотах, датированных 25 января 1622 г. и 20 сентября 1624 г. Они адресованы архиепископу Киприану от имени царя Михаила Фёдоровича. В грамотах приведена важная информация, связанная с передачей села в ведение Тобольского Софийского дома [14, с. 202, 209]. В Дозорной книге от 1623 года село упоминается вместе с Преображенской церковью и одноименным с нею погостом [12, с. 117; 4, с. 19]. Следующими источниками по истории села стали Сибирские летописи. Несмотря на то, что сведения в летописях о событиях 1636/1637 гг. (обретение иконы

Абалакской божьей матери) описываются однообразно, всё-таки они дают некоторое представление о ранней истории Преображенского погоста. Летопись сообщает, что в 1637 году «...*подле церковь Преображения господня на свое имя другую церковь воздвигнути честнаго и славнаго ея Знаменья, иже в Великом Новеграде*» [3, с. 381]. После событий 1630-х гг. в Головинской редакции летописи описана гибель 17 мая 1680 г. деревянных храмов: Знаменской церкви, от которой загорелась старейшая Преображенская церковь и колокольня [3, с. 215]. Пожар расчистил место для будущего крупного каменного строительства и стал важной вехой в истории с. Абалак. В 1683 г. в Абалаке строится первый каменный храм – Знаменская церковь взамен сгоревшей.

На фоне скудности письменных данных XVII в. значительно богаче отражена история послепожарного Преображенского погоста, а в последующем и монастыря [обзор по: 10]. В 1748 г. с южной стороны Знаменской церкви возводится теплая церковь во имя Николая Чудотворца. В 1752–1759 гг. абалакский приход обретает третий храм – колокольню с церковью во имя преподобной Марии Египетской. Таким образом, к 1783 г., когда абалакский приход закрывают, а на его месте основывают монастырь, архитектурные доминанты, символизирующие обретение иконы Абалакской божьей матери, уже полностью сформированы.

В XIX в. история монастыря рассматривалась в работах И. И. Завалишина [5], Н. А. Абрамова [1], А. И. Сулоцкого [13]. Вопросы архитектурной истории монастыря в XX в. и в наше время затрагивались в работах С. В. Копыловой [9], В. В. Кириллова [8], С. П. Заварихина [6], С. Н. Баландина [2], Л. К. Масиэль Санчеса [11], Т. Н. Манониной [10] и др. Несмотря на достаточно внушительную историю изучения Абалака публицистами, историками и архитекторами, искусствоведами, археологическими исследованиями он никогда не был затронут. В буквальном смысле этот пласт истории еще никто серьезно не рассматривал. Учитывая скудность письменных источников, отражающих ранний этап становления Абалакского погоста (до конца XVII в.), археологические источники призваны восполнить ряд пробелов в его истории.

Актуальность проведения этих исследований стала очевидна, как только была начата работа по подготовке проекта ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация»» по восстановлению Абалакского монастырского комплекса. В техническом плане эти опасения были связаны с тем, что проектные организации крайне неохотно шли на диалог с археологами. Разделы, связанные с охранными раскопками и предусмотренные реставрационными правилами, не разрабатывались.

Яркий пример такому положению дел – это активные реставрационно-ремонтные работы в Тобольском кремле, начавшиеся в 2004 г. после посещения Тобольска президентом В. В. Путиным. К сожалению, без настойчивых требований тобольских археологов от проектировщиков и генподрядчиков обязательно проводить аварийные раскопки в охранной исторической зоне города не обошлось. Но даже в таких случаях соответствующие разделы в проектной документации, отражающие как порядок проведения земляных работ на объектах реставрации, так и сметную составляющую таких исследований, не разрабатывались. Вопросы о проведении исследований приходилось решать с генподрядчиком в рабочем порядке, когда проектная документация уже была утверждена, а тендер на проведение ремонтно-реставрационных работ уже выигран. Дистанцировалась от этих деликатных вопросов как Администрация Тобольска, так и Комитет по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области (г. Тюмень). Если от Комитета поступали краткие рекомендации проводить археологический надзор, то Администрация Тобольска ограничивалась выборочными пресс-релизами по уже проведённым раскопкам, которые она не организовывала. В случае с реставрацией Абалакского монастыря могла повториться подобная ситуация, поэтому были предприняты превентивные меры по включению в раздел проектной документации соответствующего раздела о проведении аварийных раскопок.

С точки зрения археологии территория Абалакского монастыря оставалась белым пятном, неизведанной территорией. Во-первых, изучение монастыря необходимо, чтобы прояснить характер заселения этой территории, как минимум, до начала похода Ерма-

ка. Во-вторых, необходимость раскопок связана с возможностью изучить материальную историю как Абалака, так в последующем и Абалакского Свято-Знаменского монастыря. По этим причинам в начале июня 2006 г. АНОК «Проектно-реставрационный центр» во главе с Е. П. Загваздиным провел на территории Абалакского монастыря небольшие разведочные работы с целью оценки состояния культурного слоя (рис. 1). Совместно с С. Г. Скидановой был заложен один шурф и осмотрена траншея.

Шурф 1 (рис. 2, 1). Размер 1 х 1 м. Шурф был разбит по сторонам света с восточной стороны Архиерейского корпуса – в 20, 15 м к востоку от стены и в 7,85 м от северо-восточного угла здания. С южной стороны от места заложения шурфа располагался огород, с северной – пешеходная дорожка из плит. С северной же стороны напротив шурфа размещается Трапезная (Братский корпус № 2). Шурф разбит на небольшом газоне. Современная дневная поверхность ровная, перепады высот минимальны. Дневная поверхность задернована.

При шурфовке за условный ноль был принят северо-западный угол шурфа. Раскопки проводились условными горизонтами до 15 см. Всего исследовано 4 горизонта. Общая мощность слоев составила 43–49 см. В результате шурфовки прослежена следующая стратиграфия и закономерность напластований (рис. 3, 1):

- 1 слой. Дерн – 1–3 см;
- 2 слой. Тёмно-серый суглинок с кирпичной крошкой и известью – 7–16 см;
- 3 слой. Мешаный, тёмно-серый с жёлтым суглинок с углем – 9–17 см;
- 4 слой. Тёмно-серый суглинок (погребенная почва) – 11–23 см;

Материк – жёлтый с серыми запылами суглинок.

Тёмно-серый суглинок с кирпичом и известью представляет собой плотный по структуре современный культурный слой. Мешаный, тёмно-серый с жёлтым суглинок с углем слой, по всей видимости, отражает ранний слой (XVII–XVIII вв.). В его толще обнаружено наибольшее количество массовых находок (табл. 1, рис. 4). Датированных находок не найдено.

В тёмно-сером суглинке (погребенная почва) находки отсутствуют. Этот слой представляет собой дерново-подзолистую почву, сформировавшуюся в атлантический период голоцена [7, с. 400].

Таблица 1.

Массовые находки из шурфа 1

Горизонты (см)	керамика			гвозди	кость	железо (неопр.)
	стенки	венчики	донца			
1 горизонт (0–14 см)	Современный слой					
2 горизонт (14–24 см)	18	4	-	-	4	2
3 горизонт (23–34 см)	20	1	2	1	1	1
4 горизонт (34–49 см)	-	-	-	-	-	-
ИТОГО:	38	5	2	1	5	3

Обследование траншеи (рис. 2, 2).

Выкопанная траншея располагается в 26,7 м от юго-восточного угла свинарника к востоку вдоль южной стены монастыря, в 3,5 м к северу от стены (привязка к юго-восточному углу траншеи). Её размер 13,5 x 2,5 x 1,7 м. Обследование было начато с зачистки западной стенки траншеи по всей длине. Зачистка восточной и северной, южной стенки не проводилась ввиду того, что в них фиксировались современные коммуникации (железобетонный короб), то есть культурный слой был разрушен. Общая мощность слоя составила 60–66 см.

Зачистка выявила однообразную стратиграфию (рис. 3, 2):

1 слой. Дерн – 5–9 см;

2 слой. Темно-серый суглинок с кирпичной крошкой – 28–30 см;

3 слой. Темно-серый суглинок (погребенная почва) – 22–28 см;

Материк - желтый с серыми заплатами суглинок.

Выявленный при зачистке подъемный материал располагался в верхней части слоя, в 20–30 см от дневной поверхности. Структура 2 слоя более рыхлая, чем нижележащего, так как пронизана корнями растений. Присутствуют редкие включения кирпичной крошки. В нижнем плотном слое находок при зачистке не обнаружено. Собран материал при зачистке обнажения почвы в траншее (табл. 2, рис. 4), а также из отвала.

Таблица 2.

Массовые находки из траншеи 1

Зачистка западной стенки				
керамика			железо (неопр.)	иное
стенки	венчики	донца		
8	-	1	1	
Зачистка отвала				
4	-	-	-	обломок глин. грузила (?)
12	1	1	1	1

В результате проведенной археологической разведки на территории Абалакского монастыря были сделаны следующие выводы:

1. Культурный слой на территории монастыря фиксируется весьма уверенно. Выявленная мощность слоя небольшая (40–60 см), однако объективно судить о структуре и мощности на всей территории монастырского комплекса пока рано, так как необходимо комплексное археологическое обследование всей территории.

2. Рекогносцировочное визуальное обследование двора монастыря показывает, что существует необходимость проведения зон-

рования территории по степени перспективности для исследований, с целью будущего планирования хозяйственной деятельности. Не перспективными участками могут служить современные коммуникации, ямы, траншеи, то есть участки разрушенного культурного слоя, на которых земляные работы могут проходить беспрепятственно.

3. С целью изучения раннего культурного слоя XVII–XVIII вв., а также возможного татарского слоя, археологических объектов, действующих и утраченных архитектурных памятников, необходимо заложение археологических шурфов и раскопов. Это требование касается земляных работ, которые планируется проводить на территории ансамбля Абалакского монастыря.

По итогам проведенных исследований в МУП «Тобольскстройзаказчик» была направлена информация*, на основании которой в проектную документацию по Абалакскому монастырю были включены соответствующий раздел об охранных раскопках и раздел об их финансировании.

Рекогносцировочные археологические исследования на территории Абалакского монастыря показали достаточно скромные результаты по причине их незначительных объемов. Однако уже в последующие годы, когда раскопки стали проводить широкими площадями близ Никольской церкви, Свято-Знаменского собора и церкви-колокольни во имя преподобной Марии Египетской, а также за южной оградой, итоги были совсем иными. Главным результатом исследований, продолжавшихся с перерывами до 2010 г., стало детальное изучение одного из крупнейших сельских погостов Тобольского Прииртышья XVII–XVIII вв.

Также следует отметить, что, несмотря на многолетние раскопки Абалакского монастыря, культурного слоя или находок, связанных с проживанием татарского населения на этом участке правобережного Иртыша обнаружено не было. Отсутствие этих следов позволяет предположить, что остатки татарского городка следует искать выше по течению реки.

* Письмо АНОК «Проектно-реставрационный центр» № 84 от 13 июня 2006 г. директору МУП «Тобольскстройзаказчик» Скороходову О. В.

Список источников и литературы

1. Абрамов Н. А. Абалакский Знаменский третьеклассный мужской монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 1. С. 7.
2. Баландин С. Н. Культурное каменное зодчество Сибири в XVIII в. Новосибирск, 1994. 120 с.
3. Балюк Н. А. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в.: Сборник архивных источников. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2001. 184 с.
4. Буцинский П. Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
5. Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 1: Тобольская губерния. М., 1862. 414 с.
6. Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., 1987. 192 с.
7. Загваздин Е. П., Рудая Н. А. Результаты палинологических исследований в Тобольском Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 401 с.
8. Кириллов В. В. Тобольск. М.: Искусство, 1984. 240 с.
9. Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII–XVIII веков. Новосибирск: Наука, 1979. 255 с.
10. Манонина Т. Н. Свято-Знаменский монастырь в селе Абалак // Вестник ТГАСУ. 2008. № 2 (19). С. 26–38.
11. Масизель Санчес Л. К. Каменные храмы Сибири XVIII века: эволюция форм и региональные особенности. М., 2003. 245 с. (автореферат)
12. Сибирские летописи. Т. 36. ч. 1: Группа Есиповской летописи / Предисл. Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской. М.: Наука, 1987. 384 с.
13. Сулоцкий А. Описание краткое всех церквей, существующих в Тобольске. М., 1852. 102 с.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Хронограф, 1994. Вып. IV. 294 с.

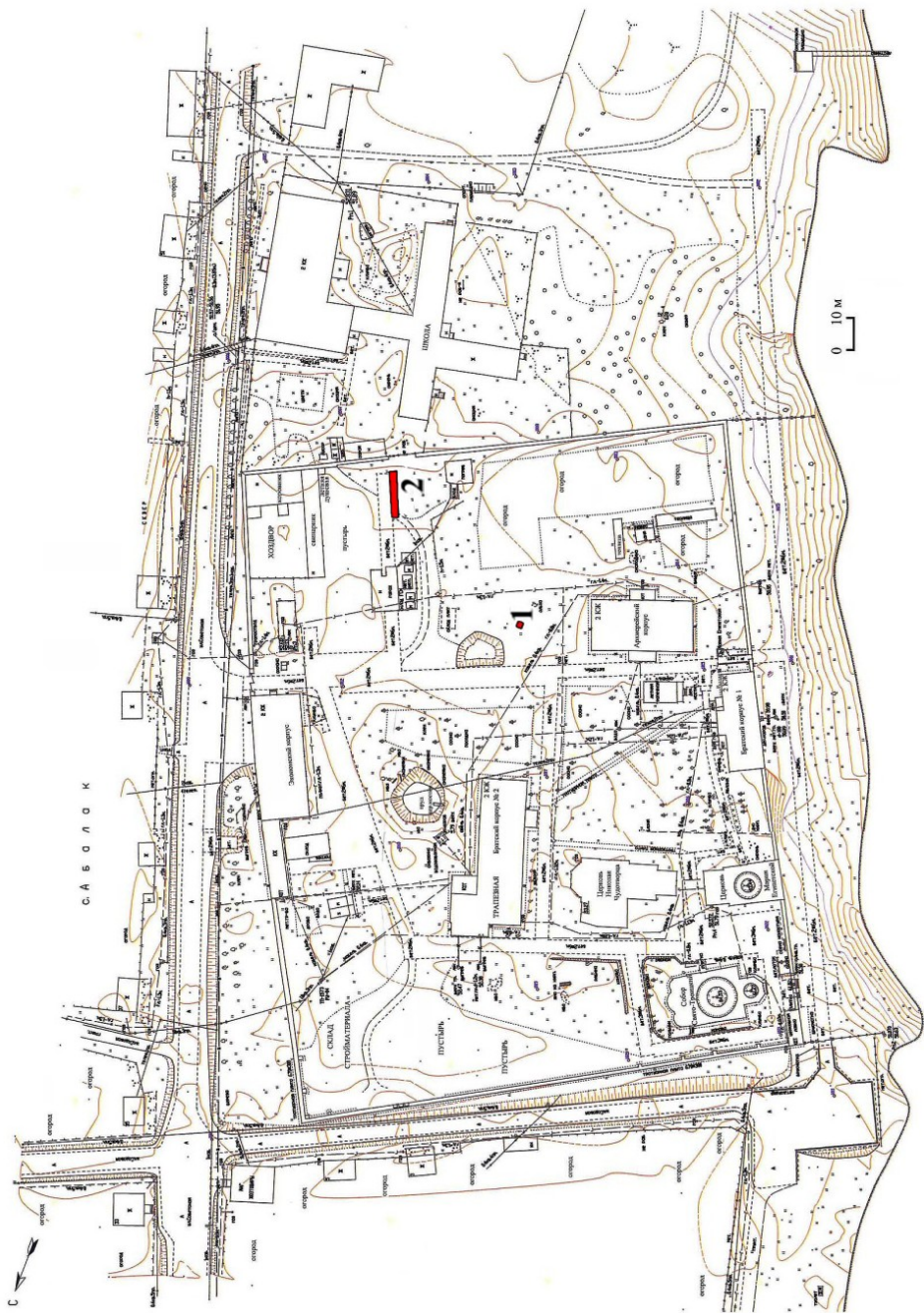

Рис. 1. План Абакского Свято-Знаменского монастыря
 1 – разведочный шурф, 2 – обследованная траншея.

1

2

*Рис. 2. Обследованные участки Абалакского монастыря
1 – вид с востока на место заложения шурфа.
2 – вид с северо-запада на траншею у южной ограды монастыря.*

1

2

Рис. 3. Почвенные профили

1 – западный профиль шурфа (1 – дерн, 2 – темно-серый суглинок с кирпичной крошкой и известью, 3 – мешаный, темно-серый с желтым суглинок с углем, 4 – темно - серый суглинок (погребенная почва), 5 – материк (желтый суглинок);
2 – западный профиль траншеи (1 – дерн, 2 – темно-серый суглинок с кирпичной крошкой, 3 – темно-серый суглинок (погребенная почва), 4 – материк (желтый суглинок).

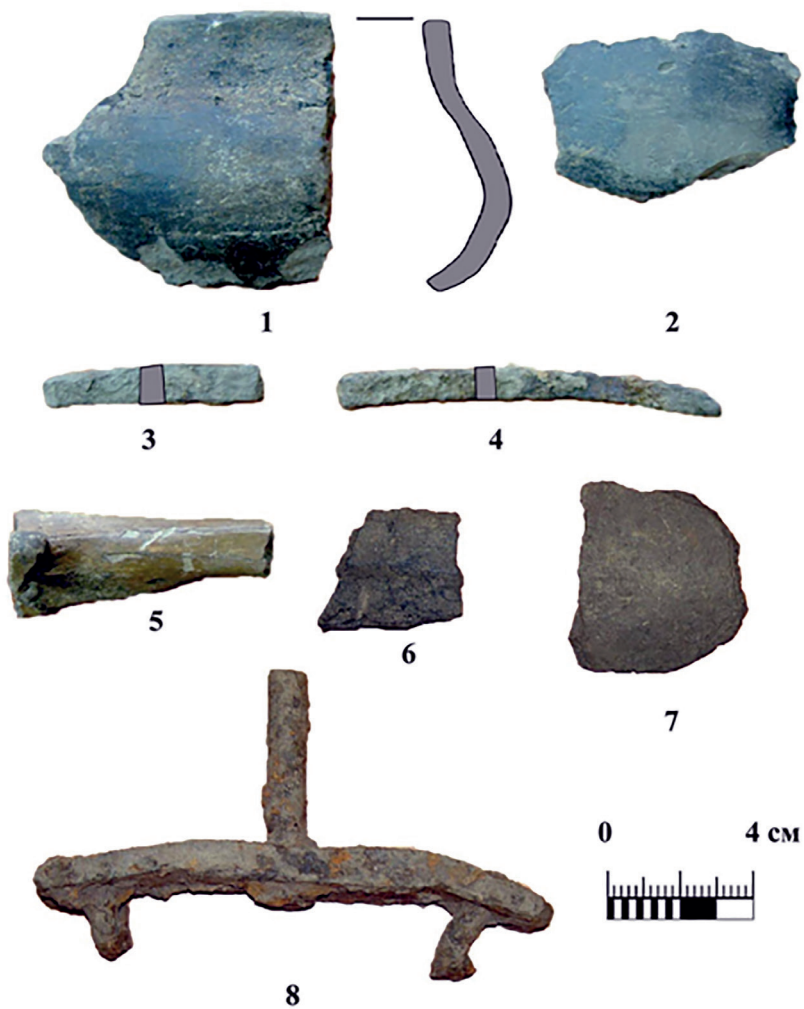

Рис. 4. Находки
 (1-5 – шурф (1, 2 – керамика, 3, 4 – обломки гвоздей (железо), 5 – кость);
 6-8 – траншея (1, 2 – керамика, 3 – железный предмет)).

**ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ТАТАРЫ «БЕЛОЙ КОСТИ»
В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»
(Часть II)***

Д. М. Исхаков

Россия, Казань, журнал «Туган жир»

Выяснение содержания исторических реалий, нашедших отражение в дастане «Идегей», дело достаточно непростое. Одним из существенных аспектов данной проблемы является выявление совокупности сохранившегося в эпосе фактического материала о золотоордынских татарах «белой кости» – знатных клановых вождях, занимавших определенное место в социальной иерархии, характерной для Золотой Орды. Так как в лице Улуса Джучи мы имеем дело с государством, созданным кочевниками, разделенными на кланы, место клановых вождей в политической системе Золотой Орды зависело от политического статуса того или иного племени, во главе которых они стояли. В свою очередь, через уточнение историчности имен знатных татар, фигурирующих в дастане «Идегей», а также реконструкции их клановой принадлежности, можно выяснить некоторые подробности социально-политического и административно-территориального устройства Золотой Орды. Особенно интересен в этом плане сюжет о «девяти батырах», присутствующий в эпосе «Идегей».

Ключевые слова: дастан, эпоха Идегея, социальная иерархия, административно-территориальное деление Золотой Орды, 9 батыров, клановые вожди, карача-беи, беклярибек, знатные татары.

* Статья является продолжением предыдущей нашей публикации – см.: Исхаков Д. М. «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (Часть I)» [17].

THE GOLDEN HORDE TATARS OF THE «WHITE-BONES» IN THE DASTAN «IDEGEY»

Finding out the content of historical realities, reflected in the Dastan «Idegey», is quite a difficult task. One of the essential aspects of this problem is the identification of the totality of factual material, preserved in the epic, about the Golden Horde Tatars of the «white bone» – the leaders of noble clans, who occupied a certain place in the social hierarchy, characteristic of the Golden Horde. Since in the case of the Ulus of Jochi we are dealing with a state, created by nomads, divided into clans, the place of clan leaders in the political system of the Golden Horde depended on the political status of a particular tribe, at the head of which they stood. In turn, by clarifying the historicity of the names of notable Tatars, appearing in the Dastan «Idegey», as well as the reconstruction of their clan affiliation, it is possible to find out some details of the socio-political and administrative-territorial structure of the Golden Horde. Especially interesting in this regard is the story of the «nine batyrs», present in the epic «Idegey».

Keywords: Dastan, Idegei epoch, social hierarchy, administrative and territorial division of the Golden Horde, 9 batyrs, clan leaders, Karacha Beys, beklyaribek, noble Tatars.

Как известно, эпос «Идегей» сложился среди населения Ногайской Орды, некогда в основном составлявшего левое крыло Золотой Орды [3, с. 244]. Политически доминировавшая в Улусе Джучи общность, известная как «татары», к середине XIV в. насчитывала не менее 2–2,8 млн чел. кочевого населения из большого числа клановых образований, коих во времена хана Тохтамыш (1342–1406) и беклярибека Идегея (1352–1419) могло быть до 90 (в начале XIV в. их было несколько меньше – 60–70). Не исключено, что позже численность этих кланов из-за их дальнейшей трансформации (распад, образование ответвлений и т. д.) могла стать еще больше [11, с. 132–133].

Эти клановые формирования, уже давно потерявшие свой кровно-родственный характер, фактически образовывали этниче-

скую основу золотоордынских татар, вне зависимости от первоначальной этнической принадлежности, к сер. XIV в. (возможно, и раньше) составляя уже единую этнокультурную общность. Однако, несмотря на культурно-языковую близость, эти племена (*эли*) в социально-политическом отношении не были равны между собой. В первую очередь, во властной структуре Золотой Орды выделялись 4 клана, из которых происходили карача-беи (улу-бии). Они образовывали «систему карача-беев», составлявшую политический каркас этого государства (подробнее об этом см.: [27; с. 8, с. 310–320]). Вот эти клановые вожди, занимавшие важные позиции в золотоордынской политической иерархии – а в числе их был и сам Идегей – так или иначе, фигурируют и в изучаемом нами дастане. Детальное исследование информации о них, присутствующей в эпосе «Идегей», позволяет раскрыть неизвестные аспекты истории кланов Золотой Орды и выяснить более точное их место и роль в системе политических взаимоотношений, сложившихся в золотоордынском обществе в эпоху беклярибека Идегея.

Начать рассмотрение вопроса о знатных татарах следует с эпизода смерти Идегея, ибо он был убит при участии знатных татар. Дело было так: согласно дастану, Идегей бей во время сражения с сыном хана Тохтамышом султаном Кадыйр-бирде убил последнего и бежал. После этого «Барын мырза» обратился к «беям Тохтамышом» со словами:

<p>Идегэйне кем жиңсә, Житеп башын кем алса – Хан тагына ул менәр! [4, б. 240].</p>	<p><i>Перевод:</i> Станет ханом у нас только тот, Кто, помчась Идегею вслед, И, догнав, обезглавит его! [5, с. 236].</p>
---	--

После этих слов «двенадцать начальников (*түрә*), шесть беев» отправились вслед за Идегеем, догнали его около одного озера и в камышах сильно ранили. Когда Идегей обессилил, Барын мырза подошел к нему и убил его:

Барын мырза бер житеп,
Идегэйне бер чапты.
Башы тэнненн аерылып,
Тэгэри биреп аны айтте...
[4, б. 243].

Перевод:
Тут подъехал к нему Барын
мырза,
Саблей обезглавил его,
Тело окровавил его.
Отделилась от плеч голова
И, катясь, сказала слова...
[5, с. 239].

Покатившаяся голова великого Идегея перед тем, как тот окончательно скончался, успела сказать несколько слов. В дастане после приведения высказывания умирающего делается следующее заключение:

Идегэйнең башын кискэн
Барын булды,
Башын китергэн Шырын
булды.
[4, б. 243].

Перевод:
Голову, что отрубил
Барын-бий,
На копье нацепил [принес]
Шырын-бий
[5, с. 240].

Для понимания значения сказанного придется обратиться к некоторым историческим источникам. Но прежде нам следует взглянуть в версию дастана «Идегей», сохранившуюся среди крымских татар. Там описанное выше событие дается с некоторыми деталями: Шырын мырза обращается к Барын мырзе, после того как последний отрезал голову Идегея, с предложением спасти того от «отмщения за кровь» (*каннан арындырырга*), для этого мырза должен был отдать Шырын мырзе эту голову. Но Шырын мырза сразу после того, как заполучил этот «трофей», бежал и принес голову Идегея султану Кадыйр-бирде, а тот за это наградил Шырын мырзу, определив его «наместником» (*хөкемдар*).

В итоге, согласно дастану, этот мырза говорит, что убийство Идегея «не сослужило службу Барыну». После таких слов он произносит следующие слова (они фигурируют и в поволжско-татарской версии эпоса, взятой из версий крымских татар):

Идель юрты деврильди,
Яу устуне яв кильди.
Эдиге айткан кунь кельди,
Чыңгызның кьойган хан дагъы
Хан (правильно «кан») дагъы-
на айланды.

Алтын Орду таркьалды,
Хан сарайы кьалмады.

Кьырым, Кьазан, Аждаркан
Айры-айры иль болды.
[18, б. 56].

Перевод:

Смута настала в Идиль-стране.
Гибли в междоусобной войне
Множество отцов и детей,
Как предсказал муж Идегей,
Темный день на землю при-
шел.
Сотворенный Чингизом пре-
стол

Стал престолом, где кровь ли-
лась.
Ханский дворец исчез из глаз.
Край разоренный стал пу-
стым.

Отошли друг от друга тогда
Аждаркан, Казань и Крым
Золотая распалась Орда.
[5, с. 240].

Пока из строк дастана обратим внимание на то, что названные в начале «мырзами» Шырын и Барын в конце дастана [5, с. 240] превращаются в беев. И это не случайно, что мы увидим из некоторых татарских исторических источников.

На самом деле об эпизоде с убийством Идегея мы знаем и из исторических источников, которые содержат некоторые детали этого события. Скажем, в «Жамигыт-тэварих» (1602) Кадыр-Гали бека сообщает следующее: «... *Идегэ би алтмыш өч яшендэ вафат булды. Кадыр Бирде хан белэн сугышта яраланды, Барын Сарай шәһит кылды* [аны]» [20, б. 16]. Из этого источника, таким образом, выясняется, что Идегея убил некто Сарай из клана Барын. Так мы узнаем имя знатного лица, зашифрованного в дастане под выражением «Барын мырза». Другой источник – «Кара таварих» Утемиша-хаджи (конец XVI – нач. XVII в.) об

этой личности дает дополнительную информацию. По этому источнику, когда раненный Идегей скрывался у озера, его обнаружил и вытащил из воды Сарай бек. Таким образом, эта личность оказывается не просто знатной фигурой с титулом «мырза», а беком клана Барын. Далее, в «Кара-таварих» отмечается, что Идегей спрашивает у Сарай бека о наличии у них хана, а когда тот отвечает, что хан их умер, Идегей говорит: «Сез[нең] ил ни булгай, бурунғы падишаһлар андаг калде ил гамын кайгусын[ан] йер икендур» [25, с. 146–147]. *Перевод*: «Что случилось с вашим элем, в древние времена при такой ситуации падишахи от беспокойства за государство [даже] землю глотали» (последнее выражение надо видимо понимать как русское «рыть землю», то есть тут подразумевается «очень старались»). На самом деле интерес умирающего Идегея к наличию хана у своих противников имел объяснение, что мы далее поймем лучше.

В еще одном крымско-татарском историческом сочинении – в «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми (XVIII в.), по разбираемому нами эпизоду имеются дополнения. Во-первых, тут подтверждается информация о том, что Сарай бек являлся главой клана Барын [19, с. 95, 103]. Во-вторых, уточняется имя принесшего голову Идегея хану – он оказывается главой клана Шырын Ректимуром (*Урэң-Тимур*). За это он получает вознаграждение от хана Джанибека (более точно будет Джалелетдина б. Тохтамышша). Однако, любопытно, что Абдулгаффар Кырыми сведениям относительно Ректимура не слишком доверял и указал на то, что тот умер вслед за ханом Тохтамышем и поэтому, как он уточнял, должность «главного карачи» (*баш карачы*) тогда перешла к беку клана Шырын Тегине (Тегенэ) б. Ректимуру [19, с. 103–104]. Согласно мнению этого историка, тогда Сарай беку за заслуги была дарована должность даруга-бека г. Хаджи-Тархана [19, с. 103].

Таким образом, несмотря на то, что между дастаном и историческими источниками относительно смерти Идегея есть некоторые разночтения, в целом реальная канва событий и главная сюжетная линия эпоса совпадают с данными источников. Из дастана и сохранившихся исторических данных видно, что

в ликвидации Идегея участвовали двое беков (биев) – глава клана Барын Сарай бек и глава клана Шырын (не вполне ясно, был ли это Урек-Тимур или его сын Тегине бек). В принципе, Шырын Урек-Тимур и Барын Сарай би вместе упоминаются в числе знатных татар-вождей кланов и в одной из версий «*Дәфтәре Чыңгыз-намә*» [27, б. 111]. Чтобы лучше разобраться в том, почему именно вожди этих двух кланов фигурируют в эпосе «Идегей», необходимо выяснить социальный статус названных беков и место их личных кланов в политической иерархии, начавшей уже распадаться Золотой Орды.

Для этого вначале следует обратиться к «Кара таварих» Утемиша-хаджи. В этом труде рядом с сыновьями хана Тохтамыша Кадыйр-Бирде и Джалелетдином отмечаются сыновья бека клана Шырын Урунг-Тимура (Ректимура) Йахшы-ходжа и Тегине. В ходе изложения связанной с этим сообщением информации отмечается, что Тегине бек, совместно с беком клана Конграт Хайдар беком, в походных условиях подняли ханом султана Улуг-Мухаммеда [25, с. 71], происходившего также из рода хана Тохтамыша (генеалогические связи его см.: [14]). Кстати, в рассматриваемом источнике есть и сообщение об Айас беке из клана Кыпчак, получившем за боевые заслуги от Улуг-Мухаммеда должность даруга-бека г. Сарайчика [25, с. 77–78]. Следовательно, данный клан и его бек находились рядом с этим ханом.

В итоге получается, что определенно сообщество клановых вождей, часть которых прямо упоминается и в эпосе «Идегей» (это беки кланов Шырын, Барын, Кыпчак и, пока не названный, глава клана Аргын Кара-Ходжа бек (о последнем см.: [4, б. 47, 205]* присутствуют там в окружении хана Тохтамыша и его политических наследников, что было совершенно не случайно – из труда Утемиша-хаджи «Чингиз-наме» видно, что 4 клана (Шырын, Барын, Аргын, Кыпчак) считались «давними, оставшимися с древности от предков хана Тохтамыша, элями» («Туктамыш ханның бабаларыннан искедән калган илләре») [26, с. 114]. В данном случае подразумеваются так называемые «каучины» –

* Он там определен как «глава Аргынов» со статусом бея.

племена (эли), которыми Чингисиды были наделены, как считалось, самим Чингисханом. То есть речь идет о наследственном владении конкретной ветвью Чингисидов определенным «народом-улусом». В действительности, именно эти личные эли хана Тохтамыша, после прихода его к власти в Золотой Орде, и стали, как можно думать, карача-бейскими кланами (детальнее об этой «системе карача-беев», см.: [29]). Кроме того, следует помнить, что в продолжении летописи ад-Дзехаби сообщается, что должность «эмира правого крыла правил Текина [б. Уренг-Тимур], а должность эмира левого крыла – Идики» [3, с. 244]. Утемиш-хаджи, скорее всего, тоже указывает, но косвенно, что Текине бек, служивший хану Кадыйр-Бирде б. Тохтамышу, являлся у него беком правой стороны, тогда как упомянутый выше Хайдар бек, глава клана Кунграт, был беком левой стороны [25, с. 69–70, 75]. Последний в данном случае явно занял место Идегея.

Так как «правое крыло», находившееся у Тохтамышевичей, контролировалось отмеченными 4 кланами, из которых старшим было племя Шырын [19, с. 103–104], не удивительно, что беки из Шырынов и Барынов приняли личное участие в уничтожении заклятого врага рода хана Тохтамыша – правителя «левого крыла» Идегея. Заметим, что появление в одной «связке» с Шырыном клана Барын, тоже показательно – он явно был у наследников Тохтамыша вторым по значимости племенем (обоснование см.: [13]). Если еще учесть, что в составе войск хана Тохтамыша, выстроенного в 1391 г. против войск Тимура, среди его беков отмечен Сарай [28, с. 147], а также нахождение Сарай бека из клана Барын среди татарской знати, служившей сыну Тохтамыша хану Кадыйр-Бирде, вряд ли можно сомневаться в клановой принадлежности адресата Московского митрополита Ионы, жившего в 1455 г. в Казанском ханстве – того звали «Шаптак Сараевич» [1, с. 497–498]. Очевидно, это один из знатных потомков Сарай бека, оказавшегося в Казанском ханстве вместе с ханом Улуг-Мухаммедом в ходе его переселения в Среднее Поволжье.

Таким образом, имена знатных татар, присутствующих в содержании дастана «Идегей», нуждаются в особом внимании, так

как за ними могут скрываться известные золотоордынские (татарские) кланы. В некоторых случаях это устанавливается достаточно легко, но в других без специального анализа идентифицировать имена знати и связанные с ними кланы не представляется возможным. Ниже как раз будет предпринято такое исследование, позволяющее установить названия некоторых кланов, присутствующих в тексте дастана «Идегей», но ясно не обозначенных. Однако, прежде чем приступить к такому анализу, необходимо рассмотреть одно деление Золотой Орды, нашедшее отражение в изучаемом дастане. Об этом в самом начале эпоса «Идегей» говорится:

	<i>Перевод:</i>
Татардан туган Нугай илендә	От татар пошла Ногаев страна,
Туктамыш дигән хан булды,	Ханствовал там хан Тохтамыш
.....
Сарай дигән каласы,	Городом его был Сарай,
Сиксән күчә арасы.	Восемьдесят переходов там.
Сары мәрмәр Алтын Таш	Из желтого мрамора Алтын Таш
	Славен он был в восьми странах.
Сигез йортка дан булды.	

[Перевод наш. Литературный перевод на русском языке, как представляется, не вполне точен] (см.: [5, с. 5–6]).

[4, б. 11–12]

Из приведенного отрывка дастана надо выделить место, где говорится о «восьми юртах/владениях», ибо оно намекает, как думается, на некую восьмичастную политическую реальность. При исследовании содержания данного выражения надо иметь в виду, что в дастане, там, где сообщается об ответном письме хана Тохтамыша Аксак-Тимуру («Бырласу Шах Тимеру»), есть еще следующие строки:

Тугыз йортка дан булган,
Кара лачын ау кошым
Сиңа булмас, Шаһ Тимер.
Тюкли Аяк

Перевод:

Если мой сокол [черный]
Славен он стал как охотничья
птица,
В девяти юртах / владениях, –
Твоим он не будет, Шах-Ти-
мер!

[4, б. 13].

(Перевод слегка скорректиро-
ван – см.: [5, с. 8]).

После этих слов хан Тохтамыш, обращаясь к эмиру Тимуру, говорит:

Сигез йортка сыймадың,
Тугыз йортны куймадың...

Перевод:

Не умещался ты в восьми юр-
тах,
Не оставлял ты в покое девять
юртов.

[4, б. 14].

[Перевод наш].

Как явствует из данной реплики, «восемь юртов» находились вблизи владений Тимура (или даже входили в их состав), а вот «девять юртов» относились к собственным владениям хана Тохтамыша. Из других мест дастана это становится особенно ясным. Так, Субра-ерау (певец, сказитель) в дастане говорит Идегею:

Яу түбәгә баш егет
Яшең утызга житмәгән
Тугыз йортка дең булдың.

Перевод:

Глава воинов важных, моло-
дец,
Нет тебе и тридцати
Слава о тебе дошла до девяти
юртов.

[4, б. 59].

[Перевод наш].

В этом случае явно подразумевается проживание Идегея под чужим именем (Кобогола) в «юртах», входивших в состав основного владения хана Тохтомыша – именно там находились отмеченные «девять юртов».

Но относительно «страны Ногаев»/Золотой Орды в дастане фиксируются и другие варианты внутреннего деления данного владения. Скажем, в дастане есть строки: «*Алтын Урда, Ак Урда алтмыш йортка юл иде*»/«Золотая Орда, Белая Орда была дорогой в шестьдесят юртов» [4, б. 20]. Но чаще в эпосе мы видим понятие «*туксан башлы Урда*» / «девяностоголовая Орда» [4, б. 28]. В частности, в эпизоде, где рассказывается о завоевании Идегеем первенства среди молодежи, сообщается:

Туксан башлы Урданың
Туксан углы бер булып.

[4, б. 28].

Перевод:

Девяностоголовой Орды
Девяносто сыновей [объединившись].

[5, с. 22].

Еще в одном сюжете дастана, где Идегей высказывается в адрес действовавшего от имени хана Тохтамыша, Кин-Джанбая (Киң Жанбай) опять упоминается Орда с указанным выше числом «голов»:

Туксан башлы Урдага
Тунамый ия булмасам

[4, б. 85].

Перевод:

Если не буду главой
Девяностоголовой Орды
Без иссечения...

(Перевод скорректирован
нами – см.: [5, с. 79]).

Это число – «девяностоголовая Орда» – возникает в ответном слове 17 юношей, ушедших вместе с Идегеем в изгнание:

Сине йорттан аерган,
Байтак куган Туктамыш
Туксан башлы урдасына
Туналмый ия булырсың.

Перевод:
Тохтамышем, изгнавшим
тебя,
Навеки расправишься ты,
Ты сравняешь с долом его
Овладеешь.....
И его державой-ордой –
Девяностоголовой Ордой.

[4, б. 92].

[5, с. 87].

Наконец, в дастане «девяностоголовая Орда» хана Тохтамыша в последний раз упоминается в таком контексте:

Азамат ир Туктамыш –
Унике ире алдында,
Тугыз ире артында
Туксан башлы урдасын
Тәңре хөкеменә тапшырып,
Дәрвазасын яптырып,
Шәһәрәнә кереп капланды.

Перевод:
Свободный муж Тохтамыш –
Двенадцать мужей у него спе-
реди,
Девять мужей сзади
Передав воле Тенгри
Девяностоголовую Орду,
Закрыв ворота,
Укрылся в городе.
[Перевод наш].

[4, б. 154].

Из контекста эпоса «Идегей» видно, что деление на «девяносто голов» было характерно для кочевого населения Орды, то есть, для золотоордынских татар. Иногда это объединение в эпосе выступает и как «девяностоголовая рать» (см.: [4, с. 28, 85]; [5, с. 134, 148]), что свидетельствует о значимости деления Золотой Орды в эпоху Идегея на 90 частей («голов») также в военном деле. Понятно, что речь в дастане идет о каком-то значимом внутреннем подразделении Улуса Джучи. Но для того, чтобы разобраться в том, о каком именно делении Золотой Орды все-таки идет речь в эпосе, нам надо еще раз вернуться к вопросу об

обозначенном выше понятии «девять юртов» («тугыз йорт»). При обращении к нему возникает необходимость рассмотрения еще одной проблемы, связанной с сюжетами дастана, где речь идет о «девяти мужах» («тугыз ир») и «девяти батырах» («тугыз батыр»).

В первый раз в эпосе «девять батыров» возникают в связи с тем, что супруга хана Тохтамыша («хан ханэше») обращается к хану с предложением «собрать туй» («туй кылдыру») – на самом деле подразумевается курултай для совещания) с целью установления подлинной личности Кобогыла, то есть скрывающегося Идегея. При этом супруга говорит хану: «Вызовите девять мужей» [4, б. 45]. Из-за того, что приглашенный Тугач б. Туктар загадку Кобогыла решить не смог, супруга хана предлагает вызвать другого человека:

Тугыз батыр агасы
Кыпчак биен бар булыр,
Белсэ белер Кыпчак би.

[4, б. 48–49].

Перевод:
Девяти батыров старший
[брат]
Бий Кыпчак, твой надежный
оплот.
Он один твою душу поймет.
[5, с. 41].

В дастане глава «девяти батыров» Кыпчак би изображается как воин (у него имелись ножи, кольчуга, пика). Дополнительно в эпосе отмечается, что этот Кыпчак би «был рожден от Муйтена» [4, б. 49]. Так появляется клановая аффилиция этого бека (бия). Следует также учесть, что понятие «ага» в общем контексте дастана скорее обозначает «старшего, главу», но не термин родства (брата). Далее в тексте эпоса там, где Субра еру разъясняет хану Тохтамышу, почему следует обязательно нагнать бежавшего во владения Тимура Идегея, видно, что все те «девять мужей-всадников», которых хан «поднял» для погони за беглецами, являлись биями [4, б. 73].

Получается, что мы в лице этих батыров / мужей имеем дело не с простыми воинами, а со знатными лицами, носителями княжеского титула. Хан Тохтамыш, давая распоряжение Кин-Джанбау б. Кемалу относительно поимки Идегея, говорит:

Әй, тугыз ир!
Жанбай белән бара күр!
Алдап-йолдап Идегәйне
Үз кашыңа ала күр!

[4, б. 75].

Перевод:

«Эй, девять мужей, девять му-
жей!
Сядьте вместе с ним на коней!
Идегея перехитрив,
Заманите вы его
И казните вы его!»

[5, с. 68].

Как явствует из дастана, отмеченный выше Кин-Джанбай б. Кемал считался «бием-советником», «улу бием», «старшим ата-лыкком» Тохтамыша [4, б. 22, 49, 50, 52, 115]. Но похоже, что в состав «девяти мужей» он напрямую не входил. В итоге можно сделать следующую вывод: девять мужей / батыров – все князья (бии, беки) – во главе имели Кыпчак бия («из Муйтена рожденного»). Однако и «улу бий» Кин-Джанбай каким-то образом верховодил этим объединением «девяти». Так как в данном случае подразумевается какое-то значимое в Золотой Орде сообщество, для выяснения сущности этой группировки необходимо разобраться в том, а что за объединение тут имеется в виду.

В разных версиях дастана «Идегэй» делаются несколько попыток перечислить этих биев по именам и клановой принадлежности (см. таблицу № 2).

Несмотря на то, что эти списки не полностью совпадают друг с другом, у них есть и общие моменты. Сведения, содержащиеся в названных списках, позволяют раскрыть одну тайну «девяти батыров» / мужей – под ними имеются в виду князья (беи / беки), а за ними просматриваются татарские кланы, ибо Кыпчак, Аргын, Барын, Шырын, Дурмен (Дурбен), Кинегес (Кенегес), Гумэн являются известными золотоордынскими кланами (детальнее о них см.: [11, с. 24–57]).

В целом при анализе данных, приведенных в табл. 2, особенно размещенных в графах I–III, надо исходить из того, что из них наиболее полным является, пожалуй, список I. Но в нем не 9 позиций, а 11 (в версии II – 10, в версии III – 8). Правда, фигурирующие в списке I определения «бий юрта» («йорт бие») и «бий эля» («ил бие») могут быть из-за их специфичности опущены, так как они, возможно, являлись не главами кланов, а административными руководителями. В этом случае в итоге получится перечень 9 знатных

лиц, но у большинства из них клановая принадлежность не отмечена (названы кланы: Аргын, Дурмен, Кенегес и Тумэн). Проблема еще осложняется тем, что в последней (V) версии списка и применительно к Барыну дается определение «бий улуса».

Тем не менее, приведенные выше данные позволяют выяснить глубинный смысл выражения «*тугыз батыр / ир*» («девять батыров / мужей»). О том, что под этим термином зашифрованы главы конкретных кланов, говорят и сведения из ногайских версий дастана «Эдигэ», содержащие собственный перечень «деяти батыров» (см. табл. 1).

Таблица 1

«Девять батыров» в ногайских версиях дастана «Эдигэ»

Варианты		
I	II	III
Болат батыр Минг	–	–
Ногай батыр Йуз	–	–
Буган батыр Хырюв	–	–
Касай батыр Найман	–	–
Нукай батыр Уйсын	–	–
Янмухаммет батыр Тольш Байрабас	–	–
Куба батыр* Кыпчак	–	–
Кара Байысы Канлы	–	–
Сылу-Мамбет Шырын	–	–
Манька йырау Мангыт	–	–
Кер-Янбай бий б. Кенегес	Джанбай б. Кобай Кенегес	Кен Джанбай Кенегес
–	Омрук-Тимер Кыргыз	
–	Кара-Ходжа из Крыма, Аргын	
–	Дженгай-Кусса Кыпчак	Копланды Каракыпчак
–		Косдавл [из] Муйтена
–		Кудайберди батыр б. Эсентай
–		Акбалтыр б. Увак
–		Монжир б. Чувак

[30, с. 31–32, 56, 80–82, 210].

* По другим данным, он являлся «предком девяти Гиреев», то есть ответвления Кыпчак-Гиреев.

«Девять багъров / мужей» в дастане «Идегэй»

№	Варианты имен, названий кланов				
	I	II	III	IV	V
1	Кыпчак, рожденный от Мутейна	Кыпчак би, рожденный от Мутейна	Кыпчак, рожденный от Мутейна
2	Худайбирде, б. Исенгай	Худайбирде б. Исен	...
3	Кара Ходжа Аргын	Кара Кужа би	...
4	Кин-Джанбай б. Кемал	Кин-Джанбай б. Кемал	...	Джанбай б. Кемал	Джанбай б. Кемал
5	Янгура – бий юрта	Янгура бий юрта	Янгура – бий юрта
6	Илтеряс – бий эля	Илтеряс – бий эля	Илтеряс – бий Эля
7	Дурмен би с секирой	Дурмен би с секирой	Дурмен би с секирой
8	Байназар – бий дивана	Байназар – бий дивана	Байназар – бий дивана
9	Керим би Кенегес	Керим би Кенегес	Керим би Кенегес
10	Умер бий из Уймавгта	Умер бий из Уймавгта	Умер бий из Уймавгта

11	Тюмен би из Тарма- выка
[4, б.142 б.]		Кушназар – соколь- ничий (<i>кош бие</i>)
		Алман би Алангасар	Алман би Алангасар
		Чакалы би из Чакагыша	
		[4, б. 116, 121].			
			[4, б. 155–156].	Булаг б. Ак	...
				Мырза б. Алчагыр	...
				Субра б. Соргынтай	...
				[4, б. 205].	Олыс бий Барын
					Воевода (<i>Орыш бие</i>) – Шырын
					Глава Тумэна Туйбак
					Мулай из Аждаркана

[4, б. 221].

Таким образом, мы в данном случае имеем перечень следующих кланов, чьи наименования приводятся в связке с отдельными батырами: Минг (*Мең*), Йуз, Хырпов (Кырык?), Найман, Уйсын, Кыпчак (Кара-кыпчак), Канглы (Канлы), Шырын, Мангыт, Кенегес, Аргын, Кыргыз, Муйтен, Увак.

Некоторые имена напрямую связать с кланами затруднительно (Янмухаммета б. Байрабас Тольша; Монжир б. Чувака, Кудайберди б. Эсентай). В то же время этноним Муйтен может быть связан с племенем Кыпчак (Кара-кыпчак). В целом получается, что в ногайских версиях дастана «Эдигэ» напрямую фигурируют до 12 кланов, то есть явно больше сообщества из «девятки». Тем не менее, как можно увидеть, часть кланов, фигурирующих как подразделения, возглавляемые «девятью батырами» в поволжско-татарских версиях эпоса «Идегей», присутствуют и в ногайских вариантах эпоса (это племена Кенегес, Кыпчак (Кара-кыпчак), и связанный с ним клан Муйтен, Аргын, Шырын), иногда в виде имен знатных лиц (Кудайбирди б. Эсентай). А это говорит о том, что в ногайских версиях дастана «Эдигэ» фактически делается попытка смоделировать ту же самую группу кланов, которая в поволжско-татарских версиях эпоса обозначена как «девять батыров / мужей». Для понимания того, почему число кланов в названных вариантах эпоса неодинакова и не всегда равняется «девятке», нам необходимо обратиться к другим спискам знатных татарских вождей с титулами бий / бек.

Прежде всего, такой список имеется в «*Дәфтәре Чыңгыз-намә*». Тут приводятся имена 10 биев, из которых в шести случаях это эпонимы, отражающие названия кланов. Вот они: 1) [Уйшын] Майкы би, 2) Калдар би, 3) Урдуж / Ордач би, 4) Кыбчак (Кыпчак би), 5) Тайман (Тәмән) би, 6) Кираьет би, 7) Буркыт (Буртак) би, 8) Тимер Котлы би, 9) Муйтен би, 10) Теленгут (Таленгут) би [31, р. 49; б. 75]. У этого источника имеется другая версия, в которой также приводятся имена 10 биев, из которых пять являются эпонимами – названиями кланов, но в данном случае имеются определенные различия с приведенным выше списком: 1) Майкы би, 2) Калдар би, 3) Уркеш (Урдач) би,

5) Таман би, 6) Керейт би, 7) Кунрад би, 8) Темиркутлу би, 9) Тулак би, 10) Теленгут би [7, с. 131]. Согласно данному источнику, в обоих случаях названные бии пошли на поиски вынужденного уйти под давлением своих дядьев Чингисхана во главе с Майки бием из клана Уйшын. На самом деле присутствующий во втором списке «Кунрад би», то есть клан Конгырат, там не должен быть, ибо в первой версии *«Дәфтәре Чыңгыз-намә»* сообщается, что 4 бия (Конгырат би, Кытай би, Салчут би и Кыят би) – ясно, что это эпонимы – отказались идти на поиски Чингисхана [20, б. 48; 31, р. 49]. Последние четыре эпонима отражают наименования собственно монгольских кланов, живших первоначально в Центральной Азии в эпоху формирования Монгольского государства во главе с Чингисханом. В конечном счете, если мы восстановим наименования всех 10 кланов (более детально об этом см.: [12, с. 30–53]), получим следующий список: 1) Уйшын, 2) Кимак (возможно, один из правящих кланов у восточных кыпчаков, то есть кимаков, племя Албыр / Ольбер), 3) Минг, 4) Кыпчак, 5) Тамийен / Төмән, 6) Кирайет, 7) Буркыт, 8) Тангаур (более точно – Конгырат), 9) Муйтен, 10) Теленгут (Толенгут).

Показательно, что еще в одной версии *«Дәфтәре Чыңгыз-намә»* под шапкой: «имена беков времени правления хана Джанибека», приводится вот такой список: 1) Мангытай [т.е. Мангыт?] Борулдай, 2) Уйшын Амет б. Гайсы, 3) Алчын Алау, 4) Ак Мангыт Тимер би, 5) Инжеле (?) Котлыбуга, 6) Сижиут Гали би, 8) Кыят Джиркотлы б. Астай, 8) [Кыбчак] Мамай б. Алач, 9) Ширин Уренгтимур, 10) Аргын Караходжа, 11) Барын Сарай би, 12) Боркыт Алатай би, 13) Мэмэн (Найман) Эзмэт би, 14) Тама Ызэкчү 15) Джалаир Батыр би, 16) Кыбчак Тимер би б. Мэнгэл, 17) Конграт Кырык сүнгели Бик би б. Казарбулат бахадур [26, б. 111]. Несмотря на некоторые проблемы (Мамай би являлся темником и главой клана Кыят, поэтому не мог быть из клана Кыпчак; у Котлыбуги название клана непонятно; определение Борулдая как Мангыта тоже под вопросом, ибо в списке есть Тимер би из клана Ак Мангыт), данный список, возможно относящийся к XIV в., но скорее всего содержащий разновременные

данные, также заслуживает внимания из-за того, что содержит 17 позиций. Почему, узнаем далее.

Теперь нам надо вернуться к списку «девяти батыров / мужей», как было сказано, биев (беков). Так вот, в случае с дастаном «Идегей», если мы из «девятки» в силу его особого положения отделим одного кланового вождя – Кин-Джанбая из племени Кенегес, получится 8+1 «батыров / биев». Таким же образом из основного списка биев, присутствующих в «*Дәфтәре Чыңгыз-намә*», можно выделить Майкы бия, согласно этому источнику, за заслуги дарованным Чингисханом особым статусом [27, с. 131; 20, б. 49; 31, р. 51]. А так как еще одна позиция (Конгырат бия) тут под вопросом, в итоге опять получаем 8+1 клановых вождей и стоящих за ними кланов.

При таком раскладе получается, что понятие «девять батыров / мужей» – все князья (беки, бии), в эпосе «Идегэй» явно обозначает какую-то очень значимую группу кланов, не исключено, восходящих к начальному периоду формирования Улуса Джучи, что мы уточним далее.

В этой связи надо вначале отметить, что «девять батыров / мужей» должны быть соотнесены с понятием «девять юртов» («*тугыз йорт*»), как было сказано, также присутствующем в дастане. Далее, обращает на себя внимание одно место из летописи монгольского историка Лубсана Данзана, где содержится указание на отправку главы клана Кенегес (Кингит) Хукина нойона в западную половину Улуса Джучи, как ответственного за эту территорию, во главе 8000 войска [2, с. 232]. А так как в Монгольской империи тысячное войско было весьма значимым воинским подразделением, то названную выше группировку можем рассматривать как 8х1000, то есть как состоящую из 8 тысячных подразделений. На такую мысль наталкивают и сведения, сохранившиеся в труде Рашид ад-Дина, указывающего на то, что тысячное подразделение клан Кенегес (Кингит) находилось в составе 4 подразделений по 1000 воинов. Но этот историк отмечает, что войсками правой стороны (*барунгар*) командовал Майкы би из клана Уйшын [21, т. I, кн. 1, с. 172]. Особое положение Майкы бия в «*Дәфтәре Чыңгыз-намә*» нашло отражение в пасса-

же относительно его восседания по правую сторону от Чингисхана [20, б. 50]. Отсюда следует вывод: кланы Кенегес и Уйшын имели в свое время равный статус и несли ответственность за правое крыло Улуса Джучи. Именно поэтому, как думается, в дастане «Идегей» Джанбай б. Кэмал из клана Кенегес показан во главе объединения из девяти кланов и вождей. Совершенно не случайно, что в некоторых версиях рассматриваемого дастана он определен как «вэзир, олуг вэзир», он же «олы бий», «глава корылтая», «первый советник», «самый умный бий» [5, с. 61, 137]. Во всех этих случаях достаточно прозрачно, что в лице Кин-Джанбая из клана Кенегес мы имеем дело с правителем – улу бием / беклярибеком – стоявшим над корпорацией из девяти кланов. То, что в некоторых местах дастана он именуется «лишним бием Кегенеса» («Кенегесның артык бие» или «бием, ушедшем от Кенегеса» («Кенегестан киткэн би»)) [5, с. 31–32, 90, 160], как раз указывает на его надклановое положение. Если иметь в виду нахождение в свое время главы клана Кенегес Хукин нойона во главе правого крыла Улуса Джучи, а также противостояние хана Тохтамыша с правителем левого крыла Золотой Орды Идегеем, то «девятка», где командовал Кин-Джанбай, это девять кланов, они же девять юртов, входивших в правое крыло государства. Правда, возникает вопрос, почему эту позицию в дастане не занимают представители клана Шырын, например, Уренг-Тимур. У нас по этому поводу имеется одна гипотеза, которую выскажем позже. А пока поищем объяснения понятию «сигез йорт / восемь юртов».

Детальное рассмотрение содержания дастана показывает, что «восемь юртов» не относились к первоначальным собственным владениям Тимура. Это явствует и из следующего высказывания хана Тохтамыша об Аксак-Тимуре:

Асылсыздан туган Тимер би
Сэмэркандка шаһ булса,
Унике йортка баш булса.
[4, б. 115].

Перевод:

Пусть отца безродного сын,
Самарканда он властелин,
Пусть он глава двенадцати
стран.
[5, с. 111].

Как видим, во владении Тимура отмечены не 8 юртов, а 12. Кроме того, в эпосе «восемь юртов» рассматриваются в некоем единстве с Золотой Ордой, где указывается:

Алтын Урда, Ак Урда

.....

Сарай дигэн каласы,
Сиксән күчә арасы,
Сары мәрмәр Алтын Баш
Сигез йортка дан булды.
[4, б. 11–12].

Перевод:

Золотая Орда, Белая Орда

.....

Столица его Сарай,
Восемьдесят у него пределов,
Желтого мрамора Алтын Таш
Славен он был восьми юртам.
[Перевод наш].

Тем не менее, как явствует из письма хана Тохтамыша Аксак-Тимуру, эта корпорация из «восьми юртов» имела какое-то отношение и к «эмиру Бырласу», «сидевшему в Самарканде». Вот что говорится об этом в дастане:

И Шаһ Тимер, Шаһ Тимер
Тешен житсә, таш кимер!
Сигез йортка сыймадың,
Тугыз йортны куймадың.

Перевод:

Эй, Шах Тимер, Шах Тимер,
Если зубы сильны – камень
грызи!
Не уместился ты в восемь юр-
тов,
Не оставил ты [в покое] де-
вять юртов.

[4, б. 14].

[Перевод частично наш].

Если вдуматься в текстовые выражения, пожалуй, можно прийти к выводу, что эти «восемь юртов» находились вблизи собственного владения эмира Тимура (оно, как было отмечено, состояло из двенадцати юртов). В итоге, скорее всего, под термином «сигез йорт / восемь юртов» имеется в виду левое крыло Золотой Орды – *Күк Урда*. Хотя конкретных доказательств на этот счет мы в тексте дастана «Идегей» не найдем, у нас имеется один письменный источник, похоже, подтверждающий сказанное выше. В данном

случае имеется в виду труд Ибн Баттуты (1304–1377), в котором со- держится рассказ о посещении им Хорезмского вилайета Золотой Орды и его политического центра – г. Хорезма. Арабский путеше- ственник, лично побывавший в г. Хорезме, описывает проходивший там ежедневно в резиденции великого эмира (улу би!) Котлы-Тиму- ра (Кутлудумур) судебный процесс, в работе которого участвовали кади, правоведы (видимо, муфтии), секретари (*битекче*) и «великий эмир, а около него 8 [других] старших эмиров и тюркских шейхов (*ярагучы*)» [3, т. 1, с. 146]. Как видно, сидевшие рядом с «великим» эмиром другие «старшие эмиры», числом в восемь человек, были явно связаны с определенными кланами, о чем говорит и присут- ствие там «шейхов / яргучы», в это время уже представлявшие, надо думать, прикрепленных, после окончательного принятия ислама в Золотой Орде при хане Узбеке, к конкретным кланам исламских шейхов – патронов племен (о них отдельно см.: [15, с. 64–77]). По- казательно, что число «старших эмиров» было в Хорезмском вилай- ете в 1330-х годах именно 8. За этими знатными золотоордынскими татарами могли стоять их влиятельные кланы. По всей видимости, сидевший на суде «великий эмир» являлся «великим эмиром» – Кот- луг (Котлы)-Тимуром (он был из клана Кыйат – см.: [12, с. 39–44]) и не входил в число остальных 8 старших эмиров. В таком случае отмеченные 8 «старших эмиров» должны рассматриваться как во- жди 8 конкретных кланов, расселенных в пределах левого крыла по своим «юртам». В итоге на левом крыле Золотой Орды оказываются 8 юртов / 8 основных кланов.

Теперь выясняется, что в Золотой Орде всего было 17 ос- новных (наиболее важных или старых) кланов, разделенных по двум крыльям государства: на правом крыле – 9 кланов (они же – «юрты») во главе с «батырами / мужаями» из биев, а на левом кры- ле – 8 кланов и «юртов», возглавляемых также биями. Возникает вопрос: не эти ли 17 кланов / воинских подразделений отражаются в «*Дэфтаре Чыңгыз-намэ*»? Наверное, да, и этому существует одно веское доказательство, содержащееся также у Ибн Баттуты.

Этот историк, будучи в Золотой Орде, 2 июня 1334 г. ока- зался свидетелем большого праздника (это, по-видимому, был

курултай), проходившего в районе Биштау (Бишдага / Пятигорска) (детальнее об этом см.: [16]). В ходе этого праздника наряду с выполнением ряда обрядов и церемоний, при участии хана Узбека прошел смотр войск (нечто вроде парада). На нем друг за другом выступали крупные воинские подразделения из 10000 воинов, то есть тьмы, во главе с темниками. И – внимание! – участников из глав этих подразделений (эмиров-темников) оказалось ровно 17. Таким образом, в итоге на данном общегосударственном мероприятии оказалось 170000 войск (17x10000). Вряд ли эта цифра – 17 темников-эмиров (то есть, биев / беков) во времена хана Узбека, случайна. К тому же, как уже было отмечено выше, в той версии «*Дәфтәре Чыңгыз-намә*», которая содержит перечень «беков» хана Джанибека, также дается 17 позиций, причем при перечислении знатных золотоордынских (татарских) беков, называются имена уже знакомых нам Уренг-Тимура Шырына, Кара-Ходжи Аргына, Сарая Барына. Хотя не все обозначенные там беки (бии) жили в эпоху хана Джанибека (по этой проблеме см.: [12, с. 34–35]), в данном случае значимо само существование 17 позиций, отражающих, как думается, присутствие в Золотой Орде такого числа «юртов» / клановых объединений, состоявших из 10000 воинских подразделений (туменей).

Теперь можно подойти к основному заключению: достаточно уверенно можно говорить, что сложившееся не позже первой половины XIV в. деление на «девять юртов» («*тугыз йорт*») – фактически правое крыло или «*Ак Урда*» и «восемь юртов» («*сигез йорт*») или левое крыло – *Күк Урда*, дожило до конца XIV – начала XV вв., до эпохи хана Тохтамыш и беклярибека Идегея. Во всяком случае, дастан «Идегей» свидетельствует именно об этом.

Но как же тогда быть с термином «девяностоголовая Орда» («*туксан башлы Урда*»)? Полагаем, что это понятие тоже содержательно. По нашему мнению, оно отражает общее число кланов (племен и крупных родов) определенного времени – начала XV в. в Золотой Орде. Во всяком случае, в государстве Шибанидов, население которого долгое время оставалось кочевым, в XVI в. фиксируется список племен (так называемый список

«илатий»), число которых равнялось 92 (см. их перечень: [24]). Об этом сообщается в разных источниках, в частности, в «Маджму ат-таварих» Ахсикенди [23, с. 16–17].

Как известно, «кочевые узбеки» («узбекиан») во главе с Шибанидами до 1509–1511 гг. кочевали в Приуралье – Западной Сибири – Казахстане, лишь затем уйдя на юг – во владения наследников Тимура. Похоже, что именно у Шибанидов, являвшихся одним из политических наследников Золотой Орды, названные 92 клана (племена, роды) представляли «девяностоголовую Орду». А так как Шибаниды имели тесные политические связи с ногайцами [6, с.167–168, 175–198], не удивительно появление понятия *«туксан башлы Урда»* в дастане «Идегэй».

Как представляется, появление в некоторых случаях в эпосе «Идегей» указания на деление Орды на «шестьдесят голов» (*«алтмыш башлы Урда»*) в ногайских версиях: [30, с. 79], а также присутствие в записанных среди поволжских татар вариантах дастана выражения *«алтмыш йортка юл»* («дорога к шестидесяти юртам») [4, б. 20], скорее всего, тоже имеет отношение к историческим реалиям. По-видимому, и в этом случае подразумеваются кланы и их владения в пределах Золотой Орды. Но данная информация, надо полагать, отражает более раннее время – XIII – сер. XIV вв., так как из сообщения ан-Нувейри (1279–1333) известно, что к 1316 г. у хана Узбека имелись около 70 эмиров-темников [3, т. 1, с. 84].

Сейчас необходимо вернуться к «девяти батырам / мужам / бекам». Как представляется, все названные в эпосе «Идегей» беки (бии), в некоторых случаях замещаемые названиями кланов, то есть эпонимами, являлись фигурами вполне историческими. Скажем, «глава Аргынов» Кара-Ходжа (Кара ужа) бек, как явствует из «Зафе-наме» Шерефетдина Али Йезди (1424 / 1425), от имени скрывающегося хана Тохтамыша прибыл к Тимуру. В этом источнике он совершенно правильно определен «старинным нукером» данного хана [3, т. 1, с. 366]. Этот приход бека произошел перед смертью Тимура в г. Отраре в 1405 г. А вот сам Кара-Ходжа бек позже в группе хана Улуг-Мухаммеда явно прибыл в Булгарский

(Казанский) вилайет и там закрепился. Часть его клана (Аргыны) осталась в Крымском ханстве (см. об этой группе: [13]). Про кланы Барын и Шырын («Барын мырза» и «Шырын мырза») уже было сказано, как и то, что под «Барын мырзой» в дастане имеется в виду бек клана Барын Сарай. А вот «Шырын мырза», это, скорее всего, Тегине бек. Хотя надо отметить, что в отдельных ногайских версиях дастана «Эдигэ» как «батыр» клана Шырын выступает некий «Сылув-Мамбет». По-видимому, в зависимости от того, к какому региону относится тот или иной вариант дастана, мы можем там обнаружить локальных «батыров», представлявших местные кланы, что приводит к определенной вариативности имен «мужей / «батыров» в составе «девятки». Да и само число «девять» не вполне устойчивое.

И последнее. Остался не решенным вопрос о том, почему в дастане «Идегей» вместо реального правителя правого крыла Золотой Орды – бека клана Шырын Тегине бека или его отца Уренг-Тимура, в качестве «улу-бия» Ак Орды выступает Кин-Джанбай бек из клана Кенегес? Пока точного ответа на этот вопрос нет. Но можно высказать предположение о том, что ногайские сказатели – создатели дастана «Идегей», сознательно исключили из текста эпоса упоминание бека клана Шырын из-за того, что он участвовал в убийстве беклярибека Идегея – общего предка правителей Ногайской Орды, заместив его равным по статусу беком из клана Кенегес.

Таким образом, как показал проведенный анализ, в тексте дастана «Идегей» содержится богатый материал не только о знатных татарских беках-главах крупных золотоордынских кланов, но и данные о делении Золотой Орды на правое и левое крылья, числе и, в некоторой степени, названиях кланов, размещенных по этим двум подразделениям государства. Имеются и иные детали клановой структуры Улуса Джучи, полезные для историков. В дальнейшем, на основе уже установленных данных, следует выявить истоки тех главных кланов (всего их в первой половине XIV в. насчитывалось, вероятно, до 17), из которых состояла главная армия Золотой Орды. В ходе такого исследования мы обнару-

жим многие интересные подробности о начальной стадии образования Улуса Джучи. Но это уже задача следующей публикации.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1334–1598. СПб., 1841. Т. I. 596 с.

2. Данзан Лубсан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммент. и прилож. Н. П. Шастиной / Памятники письменности Востока. М., 1973. 297 с.

3. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. Ч. I. Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских. Сост., введ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.

4. Идегэй. Татар халык дастаны. Казан: Татар кит. нәшр., 1988. 254 с.

5. Идегей. Татарский народный эпос. / Перев. Семена Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.

6. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 728 с.

7. История Чингис хана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. 1907. Вып. 19. С. 115–117.

8. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1055 с.

9. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

10. Исхаков Д. М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 329–366.

11. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Научное издание. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

12. Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 164 с.

13. Исхаков Д. М. Интронизация Ураз-Мухаммеда в Касимовском ханстве в 1600 г.: неисследованные аспекты // Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Еразии / ред. кол. Т. Д. Скрынникова (пред.), Т. И. Султанов, И. В. Зайцев. М.: Наука – Вост. Лит., 2018. С. 101–117.

14. Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие / Редкол. т.: С. Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Вост. лит., 2002. С. 63–74.

15. Исхаков Д. М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 228 с.

16. Исхаков Д. М. Одно из важных наблюдений Ибн Баттуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 21–27.

17. Исхаков Д. М. Дастан «Идегей»: к вопросу о выявлении исторических реалий в эпическом произведении (Часть I) // Сибирский сборник: сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. Вып. 4. Тобольск: ООО «Компания «Содействие»», 2019. С. 328–340.

18. Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. 248 б.

19. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскр., факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскр. Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Марджани АН РТ, 2014. 439 с.

20. Миранстан биш сәхифә: XVII–XIX гасыралар әдәби-тарихи яджярләре/ [транскр. эшләүче, хәзерге татар әд. теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләжетдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 331 б.

21. Мустакимов И. А. Владения Шибана и Абул-Хайра-хана по данным «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 114–132.

22. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. I. Кн. 1. 315 с.

23. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, аның уулу Нурмухаммад. Тарыхтардын жыйнагы («Маджмуат ут-таварих») / котор. М. Досболов, Д. Сооронов. Бишкек: «Акыл» мамконцерни, 1996. 126 с.

24. Султанов Т. И. Опыт анализа традиционных списков «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Изд-во «Наука», гл. ред. «Вост. лит-ры», 1977. С. 165–176.

25. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой, З. Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И. М. Миргалеева, Э. Г. Сайфетдиновой; общая и научн. редакция И. М. Миргалеева / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 4. Отв. ред. выпуска И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

26. Утямиш-хаджи. Чингиз-наме / Факс., перев., транскр., текстол. прим., исслед. В. Т. Юдина. Под. к изд. Ю. Г. Баранова. Комм. и указ. М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

27. Чынгызнамэ. Тарихи дастаннар. Казан: «Милли китап» нэшр., 2019. 288 б.

28. Шараф ад-Дин Али Йазди. Перев. со староузбек., предис., комм., указ. и карта Р. Ахмедова. Ташкент: Изд-во журнала «Sanat», 2008. 486 с.

29. Шамилоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / Пер. с англ. Ч. И. Хамидовой, Р. Хаутала; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

30. Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н. Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский ин-т гум. исслед. при Правительстве КЧР. М.: Наука, 2016.

31. Ivanics Maria, Usmanov M. A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Studia Uralo-Altaica 44. Szeged, 2002. 327 pp.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ТЮРКСКОМ ИСКУССТВЕ

В. Г. Керимли

*Азербайджан, Баку, Национальная Академия наук
Азербайджана, Институт архитектуры и искусства*

В данной статье мы рассматриваем проблему художественного мировоззрения в тюркском искусстве. Люди, которые жили в былые годы, имели свои культурные и социальные традиции. Прямой стиль их искусства передает сознание предков человечества. Можно предположить, что доисторические люди жили более гармоничной и здоровой жизнью, чем мы сейчас. Раннее искусство также может рассказать нам в реалистической или абстрактной форме доисторического человека о природе, религии, ритуале и так далее. Обитая в бесконечных взаимоотношениях с природой, ранние художники могли передать свою идею участия человека в жизни всей Вселенной. Обычные сцены из повседневной жизни не могли выразить просто избитое описание будней людей. Суть тюркского искусства более глубока. Коннотацией подавляющего большинства сцен в первобытных гравюрах и картинах является концепция вечной жизни. Мы убедимся в этом в данной статье.

Ключевые слова: Художественное мировоззрение, символ, орнамент, искусство, культура, художественный образ, тюркские народы.

ARTISTIC WORLDVIEW IN TURKIC ART

In this article, we consider the problem of the artistic worldview in Turkic art. People who lived in the past had their own cultural and social traditions. The direct style of their art conveys the consciousness of the ancestors of mankind. It can be assumed that prehistoric people lived a more harmonious and healthy life than we do now.

Early art can also tell us in a realistic or abstract form of a prehistoric person about nature, religion, ritual and so on. Living in endless relationships with nature, early artists could convey their idea of human participation in the life of the entire Universe. Ordinary scenes from everyday life could not express just a hackneyed description of everyday life of people. The essence of Turkic art is deeper. The connotation of the vast majority of scenes in primitive prints and paintings is the concept of eternal life. We will verify this in this article.

Keywords: Artistic worldview, symbol, ornament, art, culture, artistic image, Turkic peoples.

Представление человека об окружающем его мире с древнейших времён и по сей день основывается на образах. Образное мышление является фундаментом художественной деятельности в любую эпоху.

В связи с развитием человеческого мышления постепенно начал расширяться диапазон значений символических выражений. Общественное развитие положило начало появлению религиозных представлений. В итоге возникают такие ранние формы искусства, как пение и танцы.

В процессе общественного развития символы начали выполнять функцию посредствующего звена в различных отношениях. Как свидетельствует М. Кашгари, каждое из тюркских племен и родов имело свой специфический символ [12]. На всех этапах истории человечества символы в той или иной форме употреблялись в конкретных целях. Рассматриваемые нами поэтические символы как художественные средства значительно усовершенствовались с течением времени. Видимо, поэтому в лингвистической науке сосуществуют различные подходы к рассмотрению символов.

Символы довольно часто используются в устной и письменной литературе. В классической литературе и народном творчестве встречаются такие образы, которые, кроме своей роли в произведении, включают в себе суть определенного символического понятия. Народные песни непосредственно связаны

с бытом и мировоззрением собственных творцов. Данный жанр, считаясь плодом художественного мышления народа, берет свое начало от первобытного строя. По этой причине, невозможно полностью раскрыть сущность поэтики народных песен, не изучая тотемизм, шаманство, магию, культы урожая, обряды и традиции, существующие в сознании народа. Для этого необходимо глубоко исследовать каждую песню, образ, средства изобразительности, отдельное слово [3, с. 9]. Таким образом, говоря о народных песнях, необходимо заметить, что символы в их составе занимают важное место среди других художественных средств. Символическое выражение – это не простой троп. В нем отражаются традиции, обычаи, различные обряды, общественное мышление, магико-мифологическое мировоззрение народа. Как было отмечено выше, символ прошел большой путь, пережил эволюционные изменения и превратился в художественное средство, выражающее поэтические воззрения. Поэтическая выразительность символа настолько содержательна, что он обладает логической семантикой, исходящей от образности. Поэтому художественный образ не осмысливается вне символичности. В народных песнях активно используются символические выражения, изображающие быт и обряды народа. Изучение символа как важнейшего художественного средства, возвышающего художественно-эстетический пафос песен, служит для раскрытия разнообразных граней народного мировоззрения.

Рассмотрим сходства и отличия символа и художественного образа, опираясь на две пары соотносимых категорий: способ и форма, освоение и преображение. Если считать художественный образ формой освоения действительности, мы имеем дело с объектом, практически тождественным символу, поскольку художественный образ способен фиксировать то содержание объектов действительности, которое недоступно конвенциональному знаку, соотносенному с понятием. В любом художественном тексте, как и в любом случае оперирования символом, речь идет не столько о том, что лежит в плоскости категорий и понятий (обозначения, познания), сколько о том, что лежит в области смыслов

и отношений (выражения, понимания). Принципиальное отличие связано с тем, что художественный образ включается в систему, формально ограниченную рамками текста, цикла, творчества автора, в то время как символ является единицей языка и поэтому не имеет никаких формальных границ.

Если рассматривать символ как форму преобразования действительности, возникает иное соотношение символа с художественным образом. Человеку свойственно наделять окружающую его реальность не свойственными ей от природы характеристиками. Способность символа и художественного образа выражать иные свойства вещей, фиксировать ореол надпонятийности обеспечивает человека всем необходимым для этого. Но если в случае с художественным образом вектор преобразования является эстетическим, то в случае с символом этот вектор экзистенциален. Художественный образ обеспечивает эмоциональную насыщенность жизни посредством её помещения в систему координат прекрасного и безобразного. Символ наделяет жизнь человека смыслом, поскольку придает материальным объектам духовно значимые компоненты. Если художественный образ делает человека переживающим созерцателем, то символ делает человека интерпретатором жизни и соучастником событий вселенского масштаба. Именно символы указывают человеку на смысл его собственного существования, в то время как художественные образы выступают в качестве воображаемых эталонов, с которыми человек соизмеряет свою жизнь. Искусствоведы неоднократно замечали, что практически каждый художник, приступая к выполнению эскиза для будущего полотна, реализует свой замысел лишь наполовину, а законченное полотно сильно разнится с первоначальными набросками. Зрители же в готовом полотне увидят только итог творческих исканий мастера. Возможно, их впечатление от увиденного будет во многом отличаться от тех эмоций, тех ощущений, что вкладывал автор в своё творение. Так каков будет художественный образ данной картины? Тот, что создаст художник, воспримет зритель, или опишет через столетие историк искусств? И вообще – что такое собственно «худож-

жественный образ»? Чем он отличается от «образа» в обыденном понимании? В ходе работы будет приведён ряд рассуждений и примеров, подводящих к ответам на поставленные вопросы. Мы рассмотрим понятие «художественный образ» в искусстве первобытных народов.

Образ сам по себе никогда не возникает – всегда нужны средства, чтобы его выразить. Звуки, слова, краски или формулы служат своеобразным строительным материалом при возведении образов. В ходе трудовой деятельности и социальной жизни у людей уже в палеолитическое и неолитическое времена стали формироваться комплексы типичных и первостепенных по значимости в жизни представлений. Эти представления нужно было как то выражать и фиксировать. Так появлялись первейшие средства коммуникации – древние рисунки, особые жесты и предметы, служившие не столько способом передачи и накопления информации, сколько наделялись магическим содержанием, использовались в ритуалах. Ритуалы, в свою очередь, регламентировали жизнь первобытного социума, выявляли его иерархическую структуру. Ритуалы сопровождалась пением, танцами, определёнными действиями, а потому из века в век сохраняли и несли конкретную информацию, касающуюся жизни общества и его связи с окружающим миром. Так, ритуал явился первой синкретичной по своему характеру семиотической системой. В процессе ритуалов сосуществовали и взаимно дополняли друг друга различные (точнее – являющиеся таковыми в современном нашем понимании) знаковые и образные структуры. «Язык танца», «язык музыки», «язык жестов», «изобразительный и поэтический язык» – в ритуале между ними стирались границы; они, неразрывно связанные и отождествлённые, являли собою традицию, без которой сплоченность и относительное благополучие в первобытном обществе были бы просто немыслимы.

Известно, что письменность у кочевников появилась позднее, чем у оседлых народов, что симптоматично. На этом вопросе стоит особенно заострить внимание. Мышление ко-

чевника насквозь образное, а вот сознание того, кто работает на земле, более тяготеет к знакам. Почему? Дать однозначный ответ на этот вопрос невозможно. Психологи, стоит думать, могут в данной ситуации апеллировать к особенностям душевного склада представителей двух различных миров. Историки будут искать ответ в разнице хозяйственно-экономического уклада. И те, и другие, в конце концов, будут прибегать к многочисленным примерам и гипотезам, но их ответы останутся весьма туманными, потому что, когда речь идёт о культурах древних (и кочевничьих, и оседлых), то необходим не просто синкретичный подход, но истинно философский. А философия – апофатическое знание. Действительно, что касается дописьменных времён, то археология даёт нам лишь артефакты, которые, в свою очередь, порождают больше домыслов и вопросов, нежели конкретных знаний. Изучение глубокой древности – это всегда философское занятие, несмотря на то, что самой-то философии в те времена ещё не было! Так в чём же особенность мировосприятия кочевников? Ритм жизни кочевых племён динамичен и непредсказуем. Время, то есть та мера, посредством коей мы обыкновенно измеряем прожитую нами жизнь, летит для кочевника соразмерно пройденному пути. Интересен тот факт, что время некоторые кочевые народы измеряют не в минутах и часах, или идентичных этим единицах, а в количестве преодоленного пространства. Когда в тюркском эпосе мы встречаем описание того, как герой проходит из одной местности в другую за десяток кругов «лёта журавлиного клина», то это не абстрактная красивая метафора. Так измеряли время. Можно сказать, что образность мышления в данном случае порождена особенностью ритма жизни.

Общение между различными кочевыми племенами осуществлялось посредством образных (реже, почти никогда, – знаковых) средств. Например, объявляя войну, вождь племени направлял противнику наконечники боевых копий или стрел, а желая заключить мир – связку из волос боевых коней. Предмет, носящий утилитарную функцию, наделялся образным со-

держанием, становился носителем информации, превращался в материализованное олицетворение абстрактных понятий.

Жизнь оседлых народов характеризовалась размеренностью. Понимание ими времени было близко современному. Опять же, неслучайно, солнечные часы использовали с древнейших времён в Греции, Египте и Китае. Поддержание размеренного ритма жизни требует фиксации некоторых явлений, связанных с цикличностью бытия. Здесь без знаковых систем не обойтись. Ведь образ всегда имеет тенденцию к недосказанности и неопределённости. Знак более конкретен и устойчив. Ход жизни, при котором возникла необходимость фиксировать определённые события и явления для поддержания определённого ритма, и явился, пожалуй, основной предпосылкой для возникновения письменности. Многие исследователи называют первой письменностью рисуночное письмо. Подобная позиция крайне спорная, потому что петроглифы не служат исключительно для запечатления какой-либо информации (это лишь одна, притом, как правило, вовсе не главная их функция), в них слишком тесно сосуществуют образное и знаковое начало.

Всегда, когда речь идёт о художественном образе, необходимо помнить, что особенности его зависят и от социокультурной среды, в которой он создан, и от личностных качеств его творца, и от специфики сознания и эстетического опыта тех, кто воспринимает данный образ. Прав был А. Ф. Лосев, когда писал: «Мы не знаем хорошо даже того, что такое художественный образ» [14].

Одним из древнейших видов изобразительной художественной деятельности и, пожалуй, первым визуальным способом коммуникации являются петроглифы. В своеобразной форме они донесли до наших дней информацию о том, каково было понимание нашими далёкими предками вселенной, строения мира, жизни и смерти, а также о том, каким было их пространственное мышление, какими средствами они выражали свои мысли, эмоции, ритуально-магические представления. Не стоит считать, однако, что эта информация подобна «мёрт-

вому» языку, который можно дешифровать и сделать перевод наскального «текста», облекая мысль древнейшего жителя Гобустана в привычные нам фонетические, грамматические и синтаксические структуры. Не стоит думать, что петроглифы – примитивные слабые попытки изобразить элементы окружающего мира исключительно в магических, заклинательных целях. Такая позиция, как правило, ведёт к несправедливым нападкам на создателей петроглифов с обвинениями в незнании законов перспективы, пропорций, в неумении передавать анатомическое строение людей и животных. Жаль, древнейшие мастера уже не могут ответить подобным «поборникам высокого искусства» встречным вопросом: «Зачем?» Действительно, синкретизм первобытного сознания нельзя даже пытаться постигнуть с позиций современного мышления. Необходимо мысленно встать на уровень эпохи бронзы или неолита и задать себе вопрос: «Зачем нужны правила перспективы, знание объёмов, пропорций, анатомии и так далее, если весь мир, космос, един, всё сопричастно всему, одна форма перетекает в другую, а жизнь и смерть – лишь разные вехи, ступени на пути блуждания между нижним, средним и верхним мирами?» [8]. Так, исследуя образность первобытного искусства, необходимо учитывать, что их создатели – носители особого мифопоэтического мышления. Такое мышление – целостно, монолитно в своей синтетичности. Понятие «художник», в привычном для нас смысле, не существовало в эпоху неолита. Мастер, исполнявший наскальные изображения, был одновременно и охотником, и воином, и, что вероятно, магом или шаманом.

В связи со скифскими находками исследователи уже отметили не только утилитарную функцию, но и несомненную художественную ценность. Древние кочевники Степи «сумели» на этот раз «угодить» вкусу придирчивых европейцев! Даже самый искушённый ценитель изящных искусств вряд ли сможет удержаться от захватывающих эмоций, когда перед ним предстаёт такое многообразие орнаментальных мотивов, композиционных решений, богатство использованных матери-

алов, такое виртуозное мастерство и потрясающие воображение фантастические сюжеты.

Кочевой мир середины первого тысячелетия до н. э. выработал особое отношение к образному началу в своих изделиях. Знакомясь с любым произведением искусства скифов, мы видим, что пред нами всегда действие, выраженное пластически, орнаментально или фигуративно. Этим действием и живёт художественный образ. Но действие здесь больше, чем переведённый на визуальный язык с вербального, потому что оно включает в себя и мысль, и предмет. Идея и форма реализуются в действии. Особенно, если это действие – борьба. Между мастерством воина и художника в скифском мире стёрты границы.

На одном украшении седельной покрывки из первого Пазырыкского кургана представлена сцена нападения на лося могучего орла. Орёл – птица, щедро дарующая вдохновение и на поле битвы, и в ремесленной мастерской. Бесконечно можно восхищаться пластикой, стремительностью и величием этого обитателя небесных просторов. Знаменитый этнограф Л. Я. Штернберг писал, что «уже одна сила этого могучего пернатого внушает особое к нему отношение. А молниеносный пламенный взгляд орла, могучий стремительный полёт, который производит такое впечатление, точно орёл поднимается к самому солнцу. В Ригведе солнце даже называется птицей. Орёл так же – бог войны и победы и, как громовая птица, поражает врагов. Вот почему он фигурирует как символ власти на знаменах и пр.» [15]. Какой смысл вкладывал мастер в это изображение? При всей наблюдательности кочевников и живом их интересе к окружающему миру вряд ли они стали бы просто изображать ту сцену, которую могли видеть в природе.

Древние алтайцы в этом сюжете ощущали идею вселенской значимости. Они познавали и понимали действительность не через отвлеченные понятия, а через метафоры, выраженные в осязаемых конкретных образах. Без преувеличения можно утверждать, что все сибирские кочевники были поэтами! Ведь

именно поэты умеют всё объяснить и выразить, не прибегая к логическим рассуждениям, к неким силлогизмам, а вооружаясь одним лишь образным мышлением и чувством ритма.

Художественные образы скифского звериного стиля – суть живые полнокровные произведения. Художнику-кочевнику не было дела до того, чтобы, как говорится, «проверить алгеброй гармонию». Он был настолько близок природе, что гармония мира, вселенной была одновременно и его внутренней гармонией.

Создавая свои произведения, скифские мастера воплощали такие образы, в которых нашли отражение повседневные наблюдения кочевников и их представления о мировых законах гармонии. Интересно отметить, что в скифском изобразительном искусстве много боевых сцен. Образы изобразительного искусства тесно связаны с искусством ведения боя. Наблюдая за схватками животных, скифы учились у них храбрости, ловкости и боевому мастерству.

Возможно, миру древних кочевников Сибири были близки представления о дуалистичности окружающего мира, способности одного начала бытия переходить в другое. На этом уровне сознания восприятие боевых сцен приобретает особую окраску. Перед нами не просто зарисовка из повседневно наблюдаемых событий и даже не рассказ о какой-то легендарной битве, произошедшей в Правремена, а живое отображение Великого Закона, перед которым трепетали, поклонялись, а главное – в нём только видели неиссякаемый источник вдохновения и воли к жизни.

С мировоззрением скифского воина и художника вполне соотносимы слова К. Г. Юнга о том, что «жизнь – это поле битвы: оно всегда существовало, всегда будет существовать; будь это не так, жизнь подошла бы к концу» [10].

На примерах скифского звериного стиля мы убеждаемся в том, что художественный образ для древних кочевников – это и особая, одухотворённая их воображением реальность, и выражение сложных мифопоэтических идей. В художественных

образах, созданных скифскими мастерами, мы в полной мере ощущаем целостное и эмоциональное восприятие жизни.

Стремление осознать далёкое прошлое, проникнуться мироощущением предков даёт нам шанс познать самих себя, ощутить архетипические начала, что и в наши дни пронизывают культуру и повседневность. Изучение образной выразительности древнейших произведений искусства обращает наши мысли к самым истокам общечеловеческой культуры и духовности, а это ценно для современного человечества, утрачивающего внутреннюю гармоничную связь с природой. В заключение стоит вспомнить слова знаменитого мыслителя XX века К. Г. Юнга о том преимуществе, которое было у первобытных людей: «...Уже не слышит человек голоса камней, растений, животных и не беседует с ними, веря, что они его слышат. Его контакт с природой исчез, а с ним ушла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь» [15].

Список источников и литературы

1. Аюпов Н. Тенгрианство как открытая мировоззренческая система. Алматы, 2011.
2. Гасанов З. Царские скифы. Издательство: N.Y. Liberty Publishing House, 2002.
3. Гасанов З. Г. Социально-культурные ценности скифов: древних ашгузов / ишкузов / гузов. Астана, 2013.
4. Dzhusupov N. M. Translingual and transcultural aspects of stylistic foregrounding in the literary text. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 519–530.
5. Dzhusupov N. M. (2011). Turkic Symbol in the Literary Text (linguocognitive aspect). Astana: Publishing house «Saryarka».
6. Karimli V. G. The cult of a wolf of ancient-turkic people. Problems Arts and culture. B., 2011.
7. Karimli V. G. Symbols and brands are means of expression of turkic people art culture. USA, Philodelfia, 2017.

8. Рустамов Д. Гобустан – очаг древней цивилизации. Баку, 2006.
9. Salamzade A. A. Sacred birds of the turkis word. B., 2011.
10. Qurbanov A. Damğalar, rəmzlər ..mənimləmələr. Bakı «SAM», 2013. 328 s.
11. Əfəndi R. Azərbaycan İncəsənəti. Bakı: «Şərq-Qərb», 2007,
12. Rəcəbli Ə. Qədim türk yazısı abidələrinin dili. B., Nurlan, 2006. 648 s.
13. Фарзали А. Ноев Ковчег и Гямигая-Гобустанский алфавит. Баку, 2014.
14. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
15. Юнг К. Г. Человек и его символы. СПб., 1996.

**«КАРА ТАВАРИХ» УТЕМИША-ХАДЖИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
1420-Х ГОДОВ**

А. В. Парунин

Россия, Челябинск, Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал»

Цель работы – показать на основе анализа событий в истории Золотой Орды 1420-х гг. некоторые особенности сочинения «Кара таварих», а также проследить процессы взаимовлияния и заимствования авторами позднесредневековых хроник Поволжья и Крыма.

Материалы исследования: помимо исследовательских работ, посвященных рассматриваемой тематике, использованы письменные источники на русском и французском языке.

Результаты и научная новизна. В ходе проведенной работы отмечено, что автор «Кара таварих» Утемиш-хаджи хорошо знаком с регионом Поволжья, а это во многом определило характерную направленность его сочинения. Материалы, полученные им в ходе путешествий, а также от информаторов, определили стиль и сюжетные особенности его работы. Отдельно рассмотрены узловые события 1420-х гг., где предпринята попытка на основе их анализа определить степень заимствования поздними авторами (в частности, крымскими историками) данных из «Кара таварих», а также возможные источники, которые послужили основой труда Утемиша-хаджи.

Ключевые слова: Утемиш-хаджи, Кара таварих, Золотая Орда, Кырими, Идегей, Токгамыш, Мансур, Тегене.

**«KARA TAVARIKH» BY UTEMISH-HAJI AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE OF THE
1420-S**

Purpose: based on the analysis of events in the history of The Golden Horde of the 1420s, to show some features of the work «Kara

tavarikh», as well as to trace the processes of mutual influence and borrowing by the authors of the late medieval Chronicles of the Volga region and Crimea.

Research materials: in addition to research works on the subject, written sources in Russian and French are also used.

Results and scientific novelty. In the course of the work it was noted that the author of «Kara tavarikh» Utemish-Haji is familiar with the region of the Volga region, which largely determined the characteristic direction of his work. The materials he received during his travels, as well as from informants, determined the style and plot features of his work. Separately considered are the key events of the 1420s, where an attempt is made on the basis of their analysis to determine the degree of borrowing by later authors (in particular, Crimean historians) of data from «Kara tavarikh», as well as possible sources that served as the main work of Utemish-Haji.

Keywords: Utemish-Haji, Kara tavarikh, the Golden Horde, Karimi, Idegey, Toktamysh, Mansour, Tegene.

В 2017 г. Институтом истории им. Ш. Марджани издан т. н. полный стамбульский список («Кара таварих») сочинения хивинского историка середины XVI века Утемиша-хаджи [26]. Это произведение, содержащее в себе множество оригинальных сюжетов по истории как Золотой Орды в целом, так и биографий её ханов и эмиров в частности, уже неоднократно подвергалось изучению во многом благодаря изданию в 1992 г. неполного ташкентского списка рукописи («Чингиз-наме»), оканчивающегося на жизнеописании Токтамыш-хана [25]. Издание осуществлено с добавлением сведений о династах из рода Шибана, датируемых XVI–XVII вв. и вставленных в общий текст, по-видимому, уже переписчиком основной рукописи. В исследовательской литературе авторство было приписано анонимному Продолжателю Утемиша-хаджи [15, с. 64–66]. Вопросам генеалогии и хронологии сочинения посвящен ряд статей [3, с. 370–392; 12, с. 177–134; 16, с. 67].

Автору данных строк уже приходилось анализировать текст «Чингиз-наме» [20, с. 3–9], рассматривая не только его сюжетные

особенности, но и идеологическую направленность. Теперь же, при изучении «Кара таварих» предлагается акцентировать внимание на конкретных сюжетах, в данном случае, отображения в сочинении истории Золотой Орды 1420-х гг. Тематика выбрана не случайно: на наш взгляд, описанная эпоха позволит проследить взаимовлияние и заимствование части сюжетов «Кара таварих» из других источников, а также рассмотреть возможность того, как та или иная информация попала в руки хрониста. Подобное положение дел стало возможным во многом благодаря знакомству автора сочинения с устными легендами и письменными источниками народов Крыма и Поволжья, о чем будет сказано ниже.

Рассматриваемый период также интересен и тем, что к рубежу 10–20-х гг. XV в. в Золотой Орде произошла очередная смена элит: значительно ослаблена ногайская партия вследствие смерти ключевого политического игрока – темника Идегея, а также сошла на нет династия токтамьшевичей – непримиримых антагонистов фактического основателя Ногайской Орды. В искоренении очередного образовавшегося вакуума власти сыграли свою значительную роль, прежде всего, татарские кланы Крыма, выдвинувшие ханом тука-тимура Улуг-Мухаммеда, ногаи Поволжья и Приуралья, а также выходцы из Средней Азии в лице тука-тимурида Барак-хана, опиравшегося на державу Тимуридов.

Все эти процессы отображены в ряде письменных источников Крыма, Поволжья, Египта и Средней Азии на протяжении XV–XVIII вв. Не исключением стало и сочинение Утемиша-хаджи.

Сюжет сочинения представлен в фольклоризированной форме, прежде всего, состоящей из диалогов многочисленных ордынских беков и эмиров, включая и рассматриваемый период. Второстепенное внимание уделяется ордынским ханам: их действия показаны эпизодически, что особенно характерно именно для событий XV века. Последнее наиболее подробное описание жизни выполнено для Токтамыш-хана [26, с. 54–59]. Сказанное хорошо иллюстрируется примерами военного противостояния Идегея и сына Токтамыш-хана Кадыр-берди, а также последующей интронизации Улуг-Мухаммеда [26, с. 69–71], где, в первую

очередь, показана решающая роль беков при троне. Вся история 1420-х гг. в сочинении представлена как борьба двух партий – крымских беков Хайдара из клана кунграт, Тегене из клана Ширин и Улуг-Мухаммеда с одной стороны, мангытов Мансура, Гази и Науруза, ханов Гийас-ад-Дина и Барака с другой.

Так, после поражения Мансура и Гийас-ад-дина от рук Улуг-Мухаммеда, произошло временное перемирие и раздел государства по Волге: «Гийазетдин хан отправился на Идиль, покорил там эли и стал там ханом. Мухаммад хан взял эли другой стороны Идиль и отправился в вилайет Крыма» [26, с. 76]. После скорой кончины Гийас-ад-Дина Мансур попробовал выдвинуть кандидатуру Кучук-Мухаммеда, бывшего еще в отрочестве. Последующий диалог с бывшим нукером Токтамыш-хана Хан Тимуром хорошо иллюстрирует нам ту степень влияния нечингизидской элиты в золотоордынском государстве, которая сформировалась в умах интеллектуалов Крыма и Поволжья, с которыми приходилось общаться Утемишу-хаджи во время своего путешествия в этот регион: «Спросил у него совета, сказал: «С этим молодым огланом дела не идут. Я думаю, что мне лучше уйти далеко. Что можешь посоветовать?». Тот сказал: «Кто такой Мухаммад? Старая (бывшая) телега не годится для езды! Так ты будешь в безопасности, Барак карт словно бык, залезешь за свою телегу, если тебе повезет, преклонись перед стариком, узнаешь что будет» [26, с. 76–77]. Вняв совету, Мансур сделал Барака ханом.

Однако произошедшее в дальнейшем являет нарушение сформировавшегося в сочинении образа иерархических отношений. Барак-хан «убил Мансур-бека, взял его эль себе» [26, с. 77]. Примечательно, что о смерти бека Утемиш-хаджи пишет, что он «пал шахидом» [26, с. 77]. Буквально термин «шахид» означает «пожертвовавший собой за веру, погибший мученической смертью». Составители энциклопедического словаря, посвященного исламу, трактуют этот термин на основе хадисов как человека, умершего в борьбе с неверными. Также ему гарантируется очищение от грехов и высокое положение при троне Аллаха [8, с. 296]. Из текста сочинения не совсем ясно, какой именно смысл при-

дается этому высказыванию, но будучи человеком религиозным, чтя Коран и Аллаха, Утемиш мог использовать термин в той трактовке, в которой он подается в священных текстах. Употребление подобной терминологии интересно еще и тем, что Барак-хан вряд ли был врагом ислама и избавлялся от своего союзника из религиозных побуждений. Сюжет в целом наводит на мысль, что преднамеренное убийство бека – это своего рода нарушение установленных ценностных установок как в самом сочинении, так и в мировоззрении автора и его информаторов.

Противостояние же Барак-хана и братьев Мансура закончилось успехом последних; кыпчак Айас-бек «обнаружил его (т.е. Барак-хана – прим.), отрезал голову и принес ее Мухаммад-хану» (Улуг-Мухаммеду – прим.) [26, с. 78], а младшие братья Мансура Гази и Науруз «пошли в поход и взяли его вилайет себе». Отметим, что в целом серия военных походов и разгром тука-тимурида был совершен руками эмиров без фактического участия хана. Все вышесказанное закономерно наводит на мысль, что автор сочинения старается выстроить цепь исторических событий того времени именно с позиций представителей нечингизидской элиты. Еще одним примером такой трактовки является «опала» уже самого Улуг-Мухаммеда: «После упомянутого сражения силы хана иссякли. Хайдар пошел и поднял ханом Сейид Ахмада, сына Джаббарберди, а Мухаммад хана прогнал» [26, с. 80]. Отметим ту легкость, с которой в тексте «перетасовываются» «ненужные» ханы. После этого хан «ушел....взял ... вилайат Казань и стал там ханом» [26, с. 80].

Перейдем к рассмотрению основных источников сочинения Утемиша-хаджи, а также появления ряда его сюжетов как у ранних, так и у более поздних историков.

1. Противостояние Кадыр-берди и Идегея. Наиболее ранняя письменная фиксация принадлежит египетскому историку, современнику событий Бадр ад-Дину ал-Айни (1361–1451) [9, с. 349]. Сюжет, связанный со смертью обоих, расписан крайне подробно [9, с. 374–375], с добавлением диалогов. До этого столь детальные рассказы у историка зафиксированы при опи-

сании чумы и деяний Узбек-хана [9, с. 369–373]. Фигурирует смерть Идегея и в продолжении летописи аз-Захаби, где помимо всего прочего также упоминается и Текне из клана ширин, якобы бывший в то время эмиром правого крыла [9, с. 348, прим. 37]. В этом хронологическом ряду стоит упомянуть и ногайский эпос «Идегей», начавший формироваться еще при жизни мангытского темника. Хотя и в поэтической форме, эпос излагает схожую канву событий, но добавляет в повествование представителей крымских кланов ширин и барын [7, с. 228–240]. В краткой форме произошедшее упоминается у Кадыр-Али-бека [4, с. 231; 24, с. 78].

В дальнейшем сюжет зафиксирован в поздних османско-крымских исторических сочинениях, компиляцию из которых сделал Луи-Матьё Лангле [29, р. 390–391], использовавший в том числе и сочинение «Умдет ат-таварих» Абд ал-Гаффара Кырыми [1, с. 25], главного последователя Утемиша-хаджи в исторической литературе Крымского ханства. Такой вывод не противоречит и оценкам, встречающимся в исследовательской литературе [16, с. 35–60]. Предположение хорошо коррелируется с мнением И. В. Зайцева о том, что некоторые сообщения «Кара таварих» практически дословно повторяются Кырыми [6, с. 180–181], см. также [17, с. 38–45].

В сочинении Кырыми тема противостояния была раскрыта еще подробнее, но также в фольклоризированной форме. Так, Кадыр-Берди на момент начала военных действий находился в Крыму и советовался с представителями местных кланов ширин, барын, аргун и кыпчак. Крымские эмиры поддержали царевича, в результате чего он в ноябре 1419 г. перешел Волгу и нанес поражение мангытскому темнику [1, с. 74–76]. Отметим значительные расхождения с описанием, известным у Утемиша-хаджи. У последнего причиной смерти Идегея был Улуг-Мухаммед [26, с. 72]. Кроме того, Кырыми, пожалуй, единственный из историков, кто достаточно узко датирует смерть Идегея – ноябрем 1419 г.

2. Воцарение Улуг-Мухаммеда. Наиболее подробно этот сюжет приведен у Утемиша-хаджи [26, с. 71–72]. Получил он также распространение и в поздней крымской исторической ли-

тературе. Кратко, но не о воцарении Улуг-Мухаммеда, а об участии хана в убийстве Идегея сообщает Хурреми Челеби Акай [18, с. 381], сочинение которого составлялось под влиянием «Семи планет» Мухаммеда Ризы и «Опоры известий» Абд ал-Гаффара Кырыми и является компиляцией, выполненной в середине XVIII в. [22, с. 162]. Более подробно и текстуально ближе по смыслу описание события представлено в компиляции Ланглё [29, р. 391]. Лаконично о воцарении Улуг-Мухаммеда при помощи ширинцев Тегене приводится в родословии Ширинских князей, составленном в середине XIX в. [6, с. 208]. Современник же описываемых событий Бадр ал-Айни высказался кратко: «Когда случилось все это, то царством Дештским стал править некто из рода Чингизханова по имени Мухаммадхан, но при нем смуты сделались постоянными, и дела расстроились» [9, с. 375].

3. Рассказ о сыновьях Идегея. Утемиш-хаджи уделяет значительное внимание не только крымским эмирам, но и родственникам погибшего темника. Так, «Кейгубад» и «Нуретдин» «сбежали в сторону Туры», а «Мансур, Кади и Невруз... поехали в Московский вилайат» [26, с. 72]. Отрывок имеет почти полное текстуальное совпадение с компиляцией Ланглё [29, р. 392]. Вероятно, этот отрывок также присутствует и в сочинении Кырыми, где говорится о смерти Нур ад-Дина в Туре [23, с. 85]. Схожую аналогию можно провести и при описании войны Гийас-ад-Дина и Улуг-Мухаммеда. Отличительной чертой выступают лишь пространственные рассуждения автора о противостоянии мангыта Мансура и конграта Хайдара.

4. Рассказ о Барак-хане. Тука-тимурид Барак, сыгравший в очередной золотоордынской замятне 1420-х гг. значительную роль, действия которого внимательно отмечены персоязычными хронистами, в «Кара таварих» выступает второстепенным персонажем, ставленником Мансура, а после убийства последнего быстро сходит с политической арены. Как мы уже отмечали выше, Барак пал жертвой коалиции мангытов, состоявших, по версии Утемиша, в союзе с Улуг-Мухаммедом.

Однако ранняя историография предлагает нам иной ва-

риант развития событий. Современник Фасих ал-Хавафи лаконично описывает смерть Барак-хана в 833 г. х. (1428–1429 гг.): «Прибыло известие об убийстве Бурак оглана Махмуд султаном в Могол[истан]е», после чего хронистом отмечается «казнь Махмуд султана Мухаммадом Гази в Могол[истан]е» [27, с. 202–203]. Схожую версию приводит Самарканди [14, с. 168].

Татарский летописец конца XVI – начала XVII вв. Кадыр-Али-бек предложил иной вариант смерти хана, сюжетно более близкий Утемишу: «Мансур-бека убил Барак-хан, после того Хаджи-Мухаммед-хана в один день тоже Барак-хан убил...» [4, с. 232]. Вокруг сообщения хрониста среди исследователей велась дискуссия. М. Г. Сафаргалиев, со ссылкой на имеющуюся в Казанском университете рукопись, утверждал, что после убийства Мансура погиб не Хаджи-Мухаммед, а сам Барак [21, с. 204]. Однако М. А. Усманов, комментируя дастан о Хаджи-Мухаммеде, сообщает следующее: «Ссылаясь на предания, распространенные среди узбеков (узбейкийя), автор сообщает, что их обоих убил Барак-хан» [24, с. 85]. Впрочем, лаконичность отрывка не позволяет в нем видеть влияние «Кара таварих». Тем не менее, анализ ряда других событий, приводимых двумя авторами, мог бы детальнее прояснить процесс взаимовлияния, но это уже задача для другой работы.

Рассмотренная выше смерть Барак-хана имеет почти полное текстуальное сходство с «Умдет ат-таварих» Кырыми, за одним существенным исключением: Улуг-Мухаммеда крымский хронист называет Кучук-Мухаммедом [11, с. 209–211]. Краткая версия представлена также в компиляции Ланглё, но она могла быть выполнена и на основе сочинения Кырыми [29, р. 394].

Рассмотрение четырех основных сюжетов событий 1420-х гг. наводит на мысль о значительном влиянии хроники Утемиша-хаджи на крымскую историографию XVIII века. Также некоторые моменты отражены и в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека, причем, касающиеся не только заявленных хронологических рамок. На наш взгляд, подобное заимствование могло быть связано с маршрутом путешествий автора, а также свидетельствами его

информаторов. Так, описывая штурм Шибаном Кырк-Йера, автор сообщает о расспросе путешественников, видевших эту крепость и утверждавших, что следы тогдашней осады видны до сих пор [26, с. 32–33]. Рассуждая о войне Берке-хана против Хулагу, сочинитель рассказывает, что и сам бывал в этих местах: «На том пути из Кулзумского (Каспийского – прим.) моря многочисленными рукавами выходят заливы. Там есть высокие песчаные бугры. Я, бедняк, видел те места, их называют Кырык-Мачак. За теми местами рукава из моря уже не выходят» [27, с. 35].

Среди информаторов Утемиш-хаджи особо отмечает младшего сына хана Большой Орды Ахмата Шейх-Ахмеда. Известно, что последний был несколько лет в плену в Крыму, после чего «благополучно выбрался оттуда и вернулся в свой вилайет Хаджи-Тархан». Примечателен рассказ от бывшего узника: «Он рассказывал: «Какие омаки есть в элях в нашем узбекском народе, все они есть и там: ушли вместе с Шейбан ханом и там остались» [26, с. 33]. Вполне вероятно, что речь идет здесь об исторической жизни, родоплеменной структуре как бывших территорий Большой Орды, так и современного ему Крымского ханства. Этот факт объяснил бы столь обширные познания Утемиша о крымских беках. Конечно, не исключен и вариант визита путешественника в Крым, хотя этот факт в сочинении не оговаривается. Историческая судьба Шейх-Ахмеда, описанная в сочинении, подтверждается в современной исследовательской литературе [5, с. 111–113]. На основании этого можно предположить, что упоминаемое путешествие Утемиш-хаджи совершил во второй половине 20-х гг. XVI в. Само же сочинение окончено в 1551–1552 гг. [16, с. 67].

Проявленный интерес историка, а возможно и его информаторов, именно к истории крымской политической элиты может быть продиктован и особенностями социально-политического устройства ханства. Несомненно, именно в Крымском ханстве получил наибольшее развитие институт карачи-беков, обладавших широкими возможностями при выборе или смещении представителя из династии Гиреев. Ю. Шамильоглу приводит следующий интересный отрывок из сочинения «Умдет ат-таварих» Кырыми:

«Да будет известно, что незаконно, когда славный порядок (амр-и азим) выполняется без первоначального попадания в надлежащие руки и признания четырьмя главными беями, которые являются прочными столпами организации дивана и других деяний Крымского хана. Первым из четырех столпов является Ширин, второй – Мансур-оглу, третий – Барин и четвертый – Сикивут, их называют на татарском языке «четыре карачи» [28, с. 45]. Исследователь также приводит информацию, позволяющую ему утверждать, что данный институт сформировался еще при Узбек-хане [28, с. 46–47]. Обширные властные полномочия лидеров кланов также указываются в исследовательской литературе [10, с. 251–252].

Все вышесказанное несколько проясняет источники работы хивинского историка, которые преимущественно были устными. Интерес автора к истории татарских кланов Причерноморья и ногайских родов Поволжья закрепился и в последующей крымской историографии, но события, описываемые в трудах Кырыми и Хурреми, а также в компиляции Ланглё, могли быть дополнены и из других источников. Особенно это касается интронизации Улуг-Мухаммеда и смерти Идегея. Как видим из всего вышеизложенного, последнее было особенно резонансным, получив широкий отклик, в том числе и среди арабских авторов. Источники этих сообщений также представляются весьма интересными, поскольку получают неожиданные параллели в ногайском героическом эпосе, однако подобные сравнения могут быть темой для отдельных исследований.

Сложнее обстоит с вопросом войны Улуг-Мухаммеда и Гийас-ад-Дина, а также смертью Барак-хана. Деятельность последнего на страницах сочинений Утемиша и Кырыми вступает в полное противоречие с ранними источниками и представляется сильно фольклоризированной. Об этом нам уже приходилось писать [19, с. 225–236], поэтому здесь нет смысла повторять все аргументы. Военные действия двух чингизидов также могли быть продуктом устных рассказов среди информаторов, опрошенных историком.

В заключение стоит отметить еще пару интересных момен-

тов из рассматриваемого сюжета. Одного из них мы уже касались выше и он посвящен неудачной попытке Мансура объявить ханом Кучук-Мухаммеда во многом по причине его малолетства [26, с. 76]. Этот эпизод также получил свое развитие в летописи хафиза Мухаммеда ат-Ташканди, известного нам из сочинения османского историографа ал-Джаннаби, жившего во второй половине XVI в. [9, с. 383]: «Сановники государства поставили (возвели на престол) одного из сыновей Токтамышхана по имени Кучук-Мухаммад, бывшего (тогда) еще отроком, чтобы не прерывать связи порядка (престолонаследия) их сразились с Идику, одержали над ним победу и умертвили его. Этот Кучук-Мухаммад был отец хаканов Крымской земли. Но жители Дешта не согласны с этим, а говорят, что после Токтамышша Великого царствовал Токтамыш Малый, что потом правил Улу-Мухаммад, а за ним – Кучук-Мухаммад» [9, с. 384]. Примечательно пересечение сюжета с уже рассмотренным нами эпизодом гибели Идегея: и здесь преимущественная роль в организации убийства отдается «сановникам», т. е. местным правящим кланам. В нашу задачу не входят рассмотрение порядка правления упомянутых ханов, но вполне допустима мысль, что Ташканди спутал здесь младшего сына Токтамыш-хана Кучика [13, с. 39] и сына Тимур-хана Кучук-Мухаммеда.

Еще одним моментом, сближающим эти сочинения, является краткая справка, приводимая Утемишем об убийстве шибанидом Абу-л-Хайр-ханом шибанида Махмуда-Ходжи, после чего первый «взял в жены Джанак-бегим» [26, с. 79]. Ташканди пишет об этом более подробно, говоря, что Абу-л-Хайр, предав своего хана Махмуда-Ходжу, «на охоте пустил в него стрелу, убил его, (сам) воцарился после него в Дешт-Кипчаке и женился на жене» [9, с. 384]. Такая трактовка противоречит апологетическому сочинению «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», составленному Масудом Кухистани в середине XVI в. Масуд Кухистани был секретарем Суйунч-ходжа-хана, сына Абу-л-Хайра [13, с. 135]. Этот факт, с одной стороны, говорит нам о большей осведомленности историка, но с другой – о его возможной тенденциозности. Описывая

противостояние двух шибанидов в крайне величественных тонах, Масуд Кухистани также сообщает о гибели хана Махмуда-Ходжи в ходе сражения с Абу-л-Хайром [13, с. 146–148].

Трудно говорить о протографах этих рассказов. Информация о неудачном правлении Кучук-Мухаммеда могла поступать как от рассказчиков, бывавших в Крыму, так и от самого Шейх-Ахмеда. В любом случае, точный источник здесь установить невозможно. Также обстоит дело и с эпизодом гибели шибанида Махмуда-Ходжи. Живший при дворе хивинских ханов из рода Шибана Утемиш-хаджи мог использовать сведения как местных информаторов, так и доступные ему исторические сочинения. Однако это не объясняет того факта, как информация, да еще и в более развернутом виде, попала в сочинение Ташканди. Рассматривая эту летопись, И. В. Зайцев подчеркивает, что она получила широкое распространение в османской исторической литературе XVI–XVII вв. Рукопись Ташканди использовалась и в «Сути известий» Мустафы Али б. Ахмеда Гелиболулу, чья работа «в свою очередь, стала источником о Крыме для целой плеяды османских хронистов» [6, с. 87–88]. При этом сама рукопись до сих пор не найдена. Вполне допустимо предположение, что какие-то смутные известия из Сибири доходили и до далекого Крыма. Это предположение тем более допустимо с периодом формирования ханства Абу-л-Хайра (30–е гг. XV века), начавшего проводить активную среднеазиатскую политику, разворачивая военные кампании против тука-тимуридов в Поволжье.

В целом, сведения Утемиша-хаджи по истории Золотой Орды 1420-х гг. представляются весьма лаконичными, содержащими множество фольклорных элементов. Среди географических названий, по большей части, фигурирует река Яик, города Сарай и Сарайчук. Наряду с Идилем (Волгой – прим.) эта река является одним из двух сакральных гидронимов в ногайском героическом эпосе, что в очередной раз наводит на параллели.

Преимущественное внимание к историческим событиям Крыма и Поволжья также определило популярность сочинения среди интеллектуальной элиты этого региона, но никак не от-

разилось на шибанидской историографии в Средней Азии. Не менее важен, на наш взгляд, и идеологический аспект: как уже неоднократно указывалось выше, Утемиш-хаджи уделял преимущественное внимание золотоордынской нечингизидской элите, ставшей двигателем историко-политических процессов, в отличие от членов «Золотого рода». Последнее вряд ли понравилось в шибанидских ханствах Средней Азии, где составлялись труды о чингизидах и для чингизидов. Безусловно, правящая элита при хане являлась серьезной военной и политической силой (см., например, «Тарих-и Абу-л-Хайр-хана или «Шараф-наме-йи-шахи»), но импульсом военно-политического могущества здесь всегда становился легитимный хан.

Список источников и литературы

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Бахтин А. Г. Французский ориенталист Луи-Матьё Лангле о крымских ханах XV–XVI веков // Запад–Восток. № 8. 2015. С. 23–34.
3. Беляков А. В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 370–392.
4. Валиханов Ч. Ч. Извлечения из «Джами ат-таварих» // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984. С. 228–254.
5. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). Очерки. М.: Рудомино, 2004. 216 с.
6. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. пути развития, рукописи, тексты, источники. М.: Вост. лит, 2009. 340 с.
7. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 256 с.
8. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
9. История Казахстана в арабских источниках. Том I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения

из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем / Б. Е. Кумекон, А. К. Муминов [ред.]. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

10. Исхаков Д. М., Измаилов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

11. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 378 с.

12. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 117–134.

13. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / С. К. Ибрагимов и др. [сост.]. Алма-Ата: Наука. 1969. 655 с.

14. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1 / В. А. Ромодин [отв. ред.]. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. 283 с.

15. Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 64–66.

16. Миргалеев И. М. «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // Тюркологические исследования. Том 1. № 2. 2018. С. 58–72.

17. Миргалеев И. М., Пашаоглу Д. Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. № 2(4). 2014. С. 35–60.

18. Негри А. Извлечения из одной турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 379–392.

19. Парунин А. В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сборник научных трудов. Астана: Изд-во «Мастер ПО», 2012. С. 225–236.

20. Парунин А. В. «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 3–9.

21. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
22. Сейтягьяев Н. С. Новые сведения об «Истории крымских ханов» Хурреми Челеби Акая // Культура народов Причерноморья. 2011. № 211. С. 162–165.
23. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
24. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
25. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
26. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
27. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент: Фан. 1980. 346 с.
28. Шамильоглу Ю. «Карачи-беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации Монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 44–60.
29. Langles L. Notice chronologique des khans de Crimee // Forster G. Voyage du Bengalie a Petersbourg. Т. III. Paris, 1802. Pp. 325–482.

ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Я. В. Филиппчук

*Украина, Киев, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
НАН Украины*

Данная статья посвящена истории енисейских кыргызов в VI–XIV вв. Сложение кыргызского этноса началось с миграцией гяньгуней в Минусинскую котловину. Благодаря взаимодействию с тагарцами там сложилась таштыкская культура. Раннекыргызская культура сложилась в Минусинской котловине в самом начале Раннего Средневековья. Ей соответствует культура чаа-тас и владение Цигу. Кыргызы были непокорными подданными тюркютов, кок-тюрков, токуз-огузов и систематически восставали. Создание и существование Кыргызского каганата следует датировать IX–X вв. В X в. кыргызы попали под влияние киданей и стали их вассалами. В XII в. кыргызов потеснили найманы, а в XIII в. кыргызы оказались под влиянием монголов и вошли в состав Великой Монгольской империи и империи Юань. Нахождение монгольских гарнизонов в Минусинской котловине способствовало сложению нового хакасского этноса во главе с кыргызами. После падения империи Юань кыргызы вошли в качестве тумена в состав ойратской конфедерации. Енисейские кыргызы и тянь-шанские кыргызы – народы с разным этногенезом и не связанные между собой. Тянь-шанские кыргызы – это кимако-кыпчакские племена, которые приняли название кыргыз.

Ключевые слова: кыргызы, гяньгуни, Цигу, Кыргызский каганат, тюркюты, кок-тюрки, токуз-огузы, кидани, монголы.

YENISEI KYRGYZ IN THE MIDDLE AGES

This paper is devoted to the history of the Yenisei Kyrgyz in the VI–XIV centuries. The addition of the Kyrgyz ethnic group began with the migration of the Gyangongs to the Minusinsk depression. Thanks

to interaction with the Tagars, a Tashtyk culture developed there. Early Kyrgyz culture developed in the Minusinsk depression at the very beginning of the Early Middle Ages. It corresponds to the Chaa-tas culture and Qigu ownership. The Kyrgyz were rebellious subjects of the Turki, Kok-Turk, Tokuz-Oghuz and systematically rebelled. The creation and existence of the Kyrgyz Khaganate should be dated IX-X centuries. Kyrgyz fell under the influence of the Khitan and became their vassals in the X century. Kyrgyz were pressed by the Naimans in the XII century, and in the XIII century the Kyrgyz were under the influence of the Mongols and became part of the Great Mongol Empire and the Yuan Empire. The presence of the Mongol garrisons in the Minusinsk depression contributed to the formation of a new Khakass ethnic group led by the Kyrgyz. After the fall of the Yuan Empire, the Kyrgyz entered the Oirat confederation as a tumen. Yenisei Kyrgyz and Tien Shan Kyrgyz people with different ethnogenesis and are not related to each other. Tien-Shan Kyrgyz are Kimako-Kypchak tribes who took the name Kyrgyz.

Keywords: Kyrgyz, Gyangons, Qigu, Kyrgyz Khaganate, Tur-kuts, Kok-Türks, Tokuz-Oguzes, Khitans, Mongols.

Одним из самых заметных этносов в истории Сибири являются енисейские кыргызы. Их история являлась предметом изучения русских [2; 3; 4; 5; 6; 7; 11; 9; 15; 14; 16; 17; 18; 19; 41; 42; 43; 52; 53; 54; 55; 44; 45; 46; 22; 40; 13; 20], хакасских [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 14], кыргызских [10; 36; 8; 38; 59; 61; 39; 22], иных тюркских [21; 50; 49; 47; 48], а также западных ученых [58; 60; 56]. Задачей данной статьи является освещение истории енисейских кыргызов в VI–XIV вв.

Впервые кыргызы упоминались как гяньгуни в китайских источниках при описании событий III в. до н. э. В. Бартольд локализовал их в районе оз. Кыргыз-Нур восточнее владений усуней. С. Киселев отмечал, что носители тагарской культуры были динлинами китайских хроник. В середине I в. до н. э. гяньгуни и динлины были покорены шаньюем Чжичжи. Взгляды С. Киселева развивал Л. Кызласов, который утверждал, что динлины прожи-

вали на территории Минусинской котловины. Владение Гегунь им локализовалось в районе Кыргыз-Нур. Он предполагал, что в 201 г. до н. э. динлины были отеснены на север. Оставшаяся их часть смешалась с гяньгунями и положила начало таштыкской культуре. Для гяньгуней были характерны обряд трупосожжения и коневодческое хозяйство. Наместниками хуннов над Минусинской котловиной были Вэй Люй и Ли Лин, которые были динлин-ванами. Хакасский исследователь Л. Кызласов считал динлинов уграми. А. Дульзон указывал, что гидронимы, которые Л. Кызласов считал угорскими, на самом деле были кетскими. М. Грязнов выяснил, что обряд трупосожжения был свойственен и тагарцам. Д. Савинов предпочитает относить тесинские курганы-склепы к памятниками тагарцев, а грунтовые могилы он связывал с пришлыми племенами. Динлинов он соотносил с племенами теле. В. Бутанаев и Ю. Худяков указывали, что динлины и гяньгуни не могли перемешаться ранее IV–V вв. н. э., произошло это во время включения гяньгуней в состав гаоцзюйских динлинов. Д. Савинов относил начальный этап сложения кыргызов к III–V вв. н. э. и прослеживал ряд таштыкских элементов. В результате смешения таштыкского и раннекыргызского населения сложилось владение Цигу. А. Липский и Э. Вадецкая высказывали сомнения в принадлежности таштыкской культуры гяньгуням. По мнению Э. Вадецкой, таштыкская и кыргызская культуры сосуществовали в VI–VII вв. н. э., после чего таштыкские племена были вытеснены из Минусинской котловины или частично ассимилированы. С. Панкова также считала, что таштыкцы – не один этнос с кыргызами, а кыргызская керамика проникла в Минусинскую котловину из Тувы. П. Азбелев классифицирует таштыкскую культуру как раннекыргызскую, а также считает кыргызскую культуру владения Цигу продолжением таштыкской культуры гяньгуней. При этом он отмечал, что «те, кто оставил после себя погребальные памятники типа чаа-тас, могут называться кыргызами условно, в значении элиты населения региона в раннее древнетюркское время». Количество элиты в одном поколении П. Азбелев определял в 2 тыс. человек.

Гяньгуни упоминаются как народ, подчиненный Модэ в 201 г. до н. э. В середине I в. до н. э. их подчинил Чжичжи-шаньюй. В III в. н. э. гяньгуни обитали северней канцзюйцев и усуней и западнее динлинов. В середине I тыс. н. э. кыргызы были известны под названием хэгу или цигу. Они жили в Восточном Туркестане севернее Тянь-Шаня. Ранее они находились в зависимости от сяньби. В середине I тыс. н. э. кыргызы были вассалами жужаней. Кыргызы вошли в союз племен Гаоцзюй и в их составе боролись против жужаней. В китайских источниках того времени говорилось, что Хягас есть древнее владение Гяньгунь и локализуется у Белых гор (Тянь-Шаня). Иным названием этого владения было Гйегу. В V–VI в. н. э. кыргызы обитали на Среднем Енисее. Они были вытеснены сюда в результате жужаньско-телесских войн. Именно с VI в. н. э. памятники кыргызов распространились по всей Минусинской котловине до района верховьев Чулыма. Распространились памятники типа чаа-гас. Таштыкцы были отеснены в тайгу и Ачинско-Мариинскую лесостепь. С VIII в. до н. э. упоминается народ кешидянь (кыштым). Кыргызы брали с кыштымов ясак мехами и заставляли работать в своем хозяйстве. Во время разгрома Жужаньского каганата кыргызы стали независимыми. В древнетюркских источниках этноним имел форму кыркыз. Византийской формой этого имени было *cherkis*. В 554–555 гг. тюркютский кагань Мугань подчинил себе владение Цигу, однако уже в 581 г. кыргызы восстали, а в 583 г. вынашивали планы вмешательства в дела Тюркютского каганата. В 569 г. Истеми-каган преподнес в дар византийскому послу пленницу из народа кыргыз. В 629 г. кыргызов покорили сеяньто, впрочем эта зависимость не продержалась долго. В 40-е гг. VII в. кыргызы были покорены одним из тюркютских правителей – Чеби-ханом. Но его владение было разгромлено китайцами, и тогда кыргызский правитель Сылифа (эльтебер) Шибокюй Ачжань выявил желание подчиниться империи Тан. В 653 г. кыргызы приезжали с подарками для выкупа своих людей в Китай, а в 675 г. пригнали лошадей для обмена их на шелковые ткани. После того как кок-тюрки в 683 г. разбили токуз-огузского Баз-кагана, кыр-

гызы возглавили силы на севере, которые противостояли новому противнику. Поход Кутлуга Эльтереса на кыргызов в 693 г. был неудачным. Правитель кыргызов Барс-бег получил титул кагана и женился на сестре кок-тюркского кагана. В 707, 709 и 711 гг. кыргызы отправляли посольства к китайцам. Зимой 710–711 гг. кок-тюрки предприняли поход против кыргызов. Совершив обходной маневр, кок-тюрки неожиданно напали на кыргызов, которые были разбиты в Черни Сунга. В этой битве погиб Барс-бег. Для контроля над Минусинской котловиной кок-тюрки оставили в регионе войска, и там распространились древнетюркские памятники. Однако кыргызами продолжали править свои правители, в частности, сын Барс-бега. В 722 г. в империю Тан прибыл тегин Исибо Шэючже Биши Сыгинь, а в 723 г. – тегин Цзюйли Пиньхэчжун Сыгинь. В 724, 747 и 748 гг. кыргызы пригоняли для обмена лошадей. Кыргызы вплоть до падения Кок-Тюркского каганата сохраняли нейтралитет. В 751 г. кыргызы вместе с чиками и карлуками приняли участие в войне против токуз-огузского кагана Моюнчура. В 758 г. токуз-огузы покорили кыргызов. В 795 г., в связи со свержением в Токуз-Огузском каганате династии Яглакар, кыргызы восстали. Новый каган Кутлуг победил кыргызского кагана. Правитель кыргызов титуловался Ажо. По мнению В. Бутанаева и Ю. Худякова ажо был и титул и имя правящего клана енисейских кыргызов. А. Мокеев считал титул ажо идентичным титулам иди и инал, обозначавшим «господин». Тем самым он поддержал гипотезу С. Яхонтова. Правитель кыргызов жил в местности Кегмен, которая локализовалась в Западных Саянах и в долине Абакана. С. Угдыжеков отмечал сакрализацию власти кагана среди кыргызов [14, с. 47–73, 83–86; 10, с. 62–67; 34, с. 45–53; 28, с. 71–78; 33, с. 71–72; 54, с. 42–58; 9, с. 143–154; 58, р. 481–482; 50; 6, с. 461–469; 1; 38, с. 229–236; 61, р. 57–65; 55; 39; 13; 11; 46, с. 156–162; 47, с. 34–45; 40, с. 96–97; 42, с. 64–74; 45, с. 236–242; 3, с. 129–138; 4, с. 166–168; 5, с. 8–10; 7, с. 78–89].

В. Бартольд относил IX в. к эпохе кыргызского великодержавия. Сторонниками термина «великодержавие» в отношении Кыргызского каганата являются Ю. Худяков и В. Бутанаев. Их

поддерживают В. Комрынин и М. Плоских. Эту концепцию разделяют Г. Длужневская и Л. Бобров. Под вопрос термин «кыргызское великодержавие» ставит П. Азбелев. В 20-е гг. IX в. кыргызы восстали против токуз-огузов и добились независимости. Ажо провозгласил себе каганом. В орбиту кыргызского влияния вошли значительные земли. На востоке они простирались до р. Кан, на севере в нее входила Ачинско-Мариинская степь и долина Енисея вплоть до устья Ангары, на западе и северо-западе в зону влияния кыргызского каганата вошли Северный Алтай, Притомье, лесостепное Приобье. В 840 г. Кулюг-Бага (Гюйлу Мохэ), который командовал токуз-огузскими войсками на границах с кыргызами, в противостоянии с Курабиром (Гюйлофу) перешел на сторону кыргызского кагана. Кыргызы вторглись и взяли Орду-Балык, разбив в битве токуз-огузские силы. Кыргызский каган перенес ставку на место Отыюкенской черни на территории современной Монголии и в 841 г. отправил бывшую жену токуз-огузского кагана (китайку по происхождению) в империю Тан в сопровождении Дулюй Шихе. В 842 г. войска Тапу Алп Сола (Табу Хэцу) совершили новый поход, и им покорились шивей (татары) и часть владений в Восточном Туркестане. В это время токуз-огузский каган У-Цзе постарался заключить союз с империей Тан и объединить токуз-огузов, однако другие группировки токуз-огузов ему не подчинились. Токуз-огузские полководцы Ормузд и Аявир выступили против У-Цзе и вместе с китайцами одержали над ним победу у гор Шахушань. У-Цзе был вынужден бежать в район Большого Хингана. В 843 г. китайский император поздравлял кыргызского кагана через своего посланника Чжао Фаня и жаловался на нападения токуз-огузов. Кыргызскому посланику Бань Ухэ (Ургу-Алпу) было предъявлено новое письмо, в котором указывалось местоположение токуз-огузов и предписывалась просьба совсем уничтожить их. В 843 г. кыргызы совершили новый поход и взяли Кучу и Бешбалык. Это известие вызывало сомнение уже у современников. А. Малявкин указывал, что к тому времени наместничества Аньси и Бейтин были уже ликвидированы. Новое кыргызское посольство Дидэ Исынаньжу (Тутука Иынанчи)

в 844 г. получило предложение от китайцев действовать совместно против токуз-огузов на территории современной Маньчжурии. В 842–844 гг. кыргызы разгромили группировку хэлочуанских токуз-огузов на Эдзин-голе. Кыргызы нанесли удар в район реки Эдзин-гол. В 846 г. умер токуз-огузский каган У-Цзе, которого убили соплеменники. В 847 г. умер кыргызский каган, который получил от императора титул Цзун-ин Хюн-ву Чен-мин-хан. Новый кыргызский каган был удостоен титула Ин-ву Чен-мин-хан. В 848 г. он атаковал татар и скрывавшихся у них токуз-огузов вернул в Отюкенскую чернь. Кыргызы базировались на территории современной Монголии, однако они туда не назначили наместников и не закрепились на завоеванных территориях. Кыргызы смогли разграбить все до чего сумели дотянуться и исчезли как фактор в центральноазиатской истории. Действия кыргызов свелись к нескольким рейдам. Археологически их приобретения ограничивались только верхнеенинскими котловинами. В зависимости от них находились прибайкальские курыканы, однако последние были достаточно автономны. О них сообщал ряд арабо-персидских источников. У кыргызов не было сил на полный разгром токуз-огузов, не говоря уже о центральноазиатской гегемонии. Подлинным великодержавием было киданьское, а не кыргызское. К IX в. часть кыргызов приняла манихейство. Благодаря этому в кыргызском государстве возникли очень грамотные люди. Известен переписчик тибетской транскрипции буддистских сочинений. Эти знания были необходимы для манихейско-буддистской религиозной полемики. Однако после ряда кампаний во Внутренней Азии кыргызы так и не смогли покорить токуз-огузов, и в регионе образовался ряд уйгурских государств. Вместе с тем контакты с империей Тан оставили большой след в материальной культуре. В Минусинской котловине находили изделия китайского производства. В 866 г. на похороны кагана кыргызов прибыли послы из империи Тан. На протяжении 860–873 гг. кыргызы отправляли три посольства в империю Тан. Имперская политика кыргызского каганата была скоротечной. В «Худуд ал-Алам» указано, что ставка кыргызского кагана находилась в городе Кемд-

жикет. Гардизи же сообщает о переносе ставки в Минусинскую котловину. В IX–X вв. основная масса кыргызских памятников была сосредоточена в Туве, меньше их было в Минусинской котловине, единичные памятники находились в Забайкалье, Монголии, Алтае, Западной Сибири. В 924 г. на территорию современной Монголии совершили поход кидани и достигли Ордубалыка, распространив свою власть на степи. Кидани достигли Восточного Туркестана и подчинили несколько его городов. В 931 г. в одном из киданьских источников говорилось, что юго-западная граница киданей доходила до стремившихся к просвещению кыргызов. В 948 г. мятежному киданьскому вельможе Бьен-ду было приказано ехать в государство кыргызов. В 952 и 977 гг. в империю Ляо прибывали посольства от кыргызов. Г. Длужневская отмечает влияние киданей на енисейских кыргызов на тюхтяхинском этапе кыргызской культуры. На аскизском этапе же кыргызы обособились от киданей и создали государство в рамках Минусинской котловины и Тувы. По мнению Л. Кызласова, в момент наивысшего расцвета Кыргызского каганата его население составляло 450–500 тыс. человек, и кыргызы выставляли 8–10 туменов войска. Эти предположения базируются на данных «Синь Таншу». Такая численность кыргызов является сильно завышенной. Имей такие силы кыргызы, они бы не попали в зависимость от киданей. По мнению Ю. Худякова, в XI–XII вв. курганы типа хыргыстар сууктэр находились преимущественно на Среднем Енисее, реже в Туве и в Притомье, единичные памятники в Монголии и на Алтае. Позднее найманские правители Наркыш-Таян и Эниат-хан вторглись во владения кыргызов, которые жили у Иртыша и по соседству с Турфаном. В середине XII в. найманы заняли район Великих озер, и наймано-кыргызская граница прошла по хребту Танну-Ола. В конце XII в. государство енисейских кыргызов распадается на отдельные княжества во главе с иналами. Низами Гянджеви пересказывал легенду о Александре Македонском и его мифическом походе на страну кыргызов. По его рассказу, он отправился из Китая во владения кагана. Описаны горы Саяны. Низами Гянджеви были хорошо известны данные Худуд ал-Алам,

Абу Дулафа и Махмуда ал-Кашгари, Гардизи, Тахир ал-Марвази. Ал-Истахри лишь упоминал о стране кыргызов. Гардизи указывал на путь в страну кыргызов из владений токуз-огузов. У Низами Гянджеви как богатства кыргызов упомянуты скот и нивы. На север от кыргызов упомянуты Йаджудж и Маджудж, которые живут в равнинном крае. Это совпадает со сведениями Тахира ал-Марвази о далекой северной равнинной стране на север от кыргызов. В «Худуд ал-Алам» сказано о кыргызском городе Кемджикет. Ал-Идриси сообщал о городах Хирхир, Хакан Хирхир, Даранд Хирхир. Рашид ад-Дин говорил о множестве поселений кыргызов и самом северном их городе Кикас. Сведения письменных источников подтверждаются археологически, поскольку найдено ряд крепостей и городищ в Минусинской котловине и Туве. Торговые связи кыргызского государства были далекими. Аскизские изделия находят в городищах Древней Руси и Волжской Булгарии [14, с. 73–83, 86–94; 10, с. 63, 67–69; 34, с. 66–72; 30, с. 40–50; 29, с. 155–156; 33, с. 73–79, 83–88, 97–108, 118–126; 37, с. 15–16, 25, 41–42; 54, с. 59–72; 9, с. 154–161; 24, с. 380–386; 27, с. 228–246; 58, р. 482–483; 50; 20, с. 103–108; 1; 25, с. 63–64; 60, р. 74–85; 39; 13; 44, с. 67–81; 11; 46, с. 59–64; 45, с. 242–248; 18, с. 225–227; 19, с. 9–12; 5, с. 9–10; 51; 57, Глава 14; 12; 2; 8].

Касательно происхождения кыргызской культуры, то С. Теплоухов предполагал преемственность между каменными стелами чаа-гасов и плитами тагарских курганов, проводил аналогии между таштыкской и кыргызской керамикой и считал культуру чаа-гас преемником тепсейского этапа таштыкской культуры. С. Киселев считал, что тагарские курганы и чаа-гасы имеют схожесть в конструкции, и утверждал о генетической связи между таштыкской и кыргызской культурами. Л. Евтюхова говорила о корнях погребального обряда кыргызов в таштыкских могилах и склепах. Л. Кызласов принимал аргументацию С. Киселева и считал кыргызскую культуру преемницей таштыкской эпохи. Ю. Худяков отмечал, что кыргызская культура чаа-гас имела ту же территорию, что и таштыкцы, за исключением Ачинско-Марийской котловины и Саянского каньона Енисея, где не были

выявлены кыргызские памятники. А. Липский и Э. Вадецкая усомнились в традиционном воззрении о генезисе кыргызской культуры чаа-тас из таштыкской культуры. Л. Кызласов выделял в сложении кыргызской культуры два этапа: 1) IX–X вв., 2) XI–XII вв. Мнение исследователя о принадлежности кыргызам погребений с трупосожжением было поддержано С. Вайнштейном, А. Грачем, Д. Савиновым. Д. Савинов выделял в кыргызской культуре XI–XII вв. минусинский и тувинский варианты. Л. Кызласов предложил выделить следующие варианты: 1) чаа-тас (VI–IX вв.), 2) тюхтятский (IX – середина X в.), 3) аскизский (X–XIV вв.). При этом чаа-тас дробиться на утинский этап (VI–VII вв.) и копенский этап (VIII в. – первая половина IX в.). М. Грязнов предложил объединить в рамках кыргызского времени культуры чаа-тас (VI–IX вв.) и аскизскую (X–XII вв.). Г. Длужневская указывала, что кыргызская культура в X в. в Туве превратилась в аскизскую. Возвращение кыргызов из Центральной Азии в Минусинскую котловину было постепенным. Некоторое время большая часть кыргызских памятников находилась в Туве. Д. Савинов указывал, что в XI в. с востока проникает новое население, которое смешивается с кыргызами сохраняющими некоторые кыргызские традиции. Потом по всему Саяно-Алтаю распространяется новая культура, отличная от кыргызской, которая состояла из монголоязычных, телеских и кыргызских племен. Часть населения Саяно-Алтая проникает на север и северо-запад, где создают памятники типа Басандайки и Часовенной горы. От тюрок кыргызы переняли руническую письменность и погребальные эпитафии. Местная кочевая знать переняла престижные элементы военно-дружинной культуры: титулатуру, комплекс вооружения, нарядную сбрую и пояса, дорогую посуду, способ запечатления своих подвигов в эпитафиях. Токуз-огузы же повлияли на минусинскую торевтику в плане орнаментации и проникновения восточноазиатских и ирано-согдийских сюжетов. Также было согдийское влияние через посредство токуз-огузов на сооружение глинобитных фортификаций. Кыргызы отправляли посольство в Китай, отправляли торговые караваны в Тибет,

Восточный Туркестан и Согд. В курганах IX–X вв. редко встречается керамика. Это кыргызские вазы, лепные горшки и банки. Применялись металлические, серебряные и медные кувшины с носиком. Разнообразным был комплекс вооружения, который состоял из палашей, саблей, копий, боевых топоров, кинжалов, луков, разных видов наконечников стрел, колчанов, чешуйчатых доспехов, кольчуг. По мнению Ю. Худякова, курганы кыргыс-ур имели генетическую преемственность с чаа-тасами. Памятники кыргыс сууктэр распространены на Саяно-Алтае. Этим памятникам у И. Кызласова соответствует аскизская культура. Для этой эпохи XI–XII вв. характерны изображения тамг на каменных стелах в Минусинской котловине и в Туве. Л. Евтюхова и С. Киселев отмечали у кыргызов сильное влияние кочевого скотоводства. Л. Кызласов отмечал, что кыргызы занимались земледелием и скотоводством. По мнению хакасского исследователя, земледелие у кыргызов было плужным и высокоразвитым. Как земледельческий народ кыргызов характеризовал Д. Савинов. Тем не менее как в китайских хрониках, так и в арабо-персидских сочинениях указывается на скот как на основное богатство кыргызов. Русские в XVII в. характеризовали кыргызов как скотоводов. В. Бутанаев и Ю. Худяков отмечали, что земледелием занимались не сами кыргызы, а зависимое от них население (кыштымы). В эпоху чаа-тас кыргызы подчинили таежные племена. Кыргызы в дистанционном бою использовали сложносоставные луки с колчаном, полным стрел с наконечниками разнообразных форм. Для таранного удара использовались длинное копьё с ромбическим пером, двулезвийные мечи, боевые топоры. В ближнем бою также использовались кинжалы. Защищали тело воина сфероконические шлемы, щиты, панцири и ламеллярные доспехи. Войско представляло из себя ополчение родов и племен, а также дружины беков. До IX в. войско было организовано по родоплеменному принципу, но с IX в. войско делилось по десятичному принципу на отряды численностью 5 тыс. или 10 тыс. Кыргызы могли брать крепости [14, с. 94–137; 31, с. 46–52; 53, с. 36–42, 45–62; 54, с. 82–103; 15; 52; 41, с. 255–266; 17; 12; 51].

Вопрос родства между тяньшанскими и енисейскими кыргызами поднимал еще Г. Миллер. И. Фишер считал, что кыргызы были переселены джунгарами с Енисея на Тянь-Шань. Схожего мнения придерживался Ю. Клапрот. Н. Бичурин же считал енисейских и тянь-шанских кыргызов разными народами. Ч. Валиханов указывал, что тянь-шанские кыргызы ниоткуда не переселялись и постоянно жили в Тянь-Шань. В. Радлов относил переселение кыргызов с Енисея на Тянь-Шаня к IX в., но позже поменял свое мнение и считал, что одна группа кыргызов в XIII в. с родины на юг от Саян была оттеснена на Енисей, вторая к северу от Саян, а третья – на Тянь-Шань. Н. Аристов придерживался мнения, что кыргызы проживают на Тянь-Шане с усуньского времени. Г. Грумм-Гржимайло считал, что предки тянь-шанских кыргызов обитали в Баргуджин-Тукуме и лишь в XIII в. были оттеснены на Тянь-Шань. А. Бернштам относил обособление тянь-шанских кыргызов к IX в. В. Алексеев высказывался в пользу родства между енисейскими и тянь-шанскими кыргызами. К. Петров отмечал, что кыргызы продвинулись с Оби на Тянь-Шань в XIII–XIV вв. Л. Кызласов же отрицал связи между енисейскими и тянь-шанскими кыргызами и утверждал, что в государстве енисейских кыргызов жили древние хакасы. Эта точка зрения обосновывалась сведениями китайских источников которые называли кыргызов хягасами. Аргументами хакасского исследователя были также данные языкознания касательно хакасских этнонимов. По мнению Л. Кызласова, центральноазиатские кыргызы служили империи Юань, и их основное ядро переселилось в XV в. на Тянь-Шань. Он указывал, что европеоидное тагарское население приняло участие в этногенезе хакасов, благодаря чему хакасы не являются монголоидами центральноазиатского типа подобно монголам или тувинцам. О европеоидности кыргызов говорили танские хронисты и Гардизи. В то же время в «Худуд ал-Алам» указано, что у кыргызов грубые лица, что указывает на монголоидность. Археологические сведения не помогают из-за трупосожжений. Можно предположить, что кыргызы состояли из многих компонентов, и среди них были европеиды,

монголоиды и метисные популяции. Предположения Л. Кызласова встретили возражения со стороны О. Караева, который анализировал сведения арабо-персидских источников. Благодаря их данным есть указание о соседстве кыргызов с уйгурами, карлуками, ягма, чигилями. Поддержал критику положений Л. Кызласова С. Яхонтов, который указывал, что невозможно выводить этноним кыргыз от этнонима хягас. С. Кляшторный, А. Мокеев, В. Мокрынин указывали, что предками тянь-шанских кыргызов были прииртышские кимаки и проникшие на Алтай группы кыргызов. На Алтае находилось княжество кыргызов. Во время монгольского завоевания кимако-кыпчаки, принявшие имя кыргызов, переселились на Тянь-Шань. С возражениями против этой гипотезы выступили О. Караев, Т. Чороев, В. Бутанаев и Ю. Худяков. Э. Тенишев выделил три этапа в этногенезе тянь-шанских кыргызов – енисейский, алтайский и тянь-шанский. Ю. Худяков и В. Бутанаев указывают, что ассимиляция кыргызов кимако-кыпчаками не подтверждается данными археологии, и также указывают на разделение кыргызов на енисейских и восточнотуркестанских с IX–X вв. Восточнотуркестанские кыргызы, в свою очередь, переселились на Тянь-Шань. Эту гипотезу Ю. Худякова и В. Бутанаева поддержал О. Караев. О восточнотуркестанских кыргызах сообщал сунский посол X в. Ван Яньдэ, говоря о кыргызах, которые находятся под властью государства Гаочан (уйгуров). Н. Сердобов отмечал, что енисейские кыргызы вошли в качестве компонента в состав хакасов, тувинцев, кыргызов, алтайцев. И. Кызласов принял точку зрения своего отца Л. Кызласова. Он утверждал, что этноним хакас существовал до его введения советской властью в самоназвании качинцев – хаас. Предками качинцев Л. Кызласов называл самодийцев. Также И. Кызласов утверждал, что хаас и хасха были зафиксированы китайскими хронистами в тюркоязычной форме. Позицию Л. Кызласова поддерживал и Н. Мункуев. П. Дашковский указывал, что памятники кыргызов хотя были обнаружены на Алтае, но в отличии от Тувы и Минусинской котловины пребывание там никогда не носило широкомасштабный характер. Никогда кыргызы не имели ставки в этом

регионе, а просто контролировали регион. В регионе существовал локальный вариант кыргызской культуры. М. Дромпп указывает, что связь енисейских кыргызов с тянь-шанскими кыргызами неясна. Ш. Исянгулов предполагал, что в результате смешения кыргызов с кимако-кыпчаками образовалось объединение Каркырхан (тянь-шанские кыргызы), и оно связано с племенем кыргыз в составе башкир. И. Кызласов поддерживал гипотезу Л. Кызласова о том, что кыргызы не переселялись с Енисея на Тянь-Шань. А. Мокеев же указывал, что существовало несколько вариантов кыргызской культуры, которые совпадали с княжествами кыргызов. Минусинско-алтайский вариант совпадал с княжеством Кыргыз, тувинский вариант совпадал с княжеством Кем-Кемджиут, прибайкальский совпадал с Баргуджин-Тукумом, Красноярско-Канский вариант с княжеством Алакчин, а Восточноказахстанский вариант с княжеством Каркара (Кыркырхан). Т. Акеров считает, что тянь-шанским кыргызам соответствует Кыркырхан и что енисейские кыргызы мигрировали с территории Алтая и Отыокенской Черни в Притяньшанье. П. Азбелев отмечал, что лишь этноним киликисы (цзилицзисы) соответствует кыргыз в рунических памятниках и хирхиз в арабо-персидских источниках. Более ранние транскрипции гяньгунь, цигу, хягас транскрибируются как кыркун, кыркут, кыркыр, гуркур. Этноним же кыргыз в научной литературе не более чем условный объединяющий термин. П. Азбелев допускал закрепление небольшого количества кыргызов в районе Тянь-Шаня (гаочанские кыргызы). Касательно археологического обоснования кыргызского великодержавия и тянь-шанского он указывал, что элементы культуры которые выделяют в туютатскую культуру, не были характерны для енисейских кыргызов в целом. Регионы, расположенные на запад от Кузнецкого Алатау и Абаканского хребта, входили в земли кыпчаков в составе Кимакского каганата. Роль енисейских кыргызов сводилась к выживанию в Минусинской Котловине и Туве. Кыргызы еще появлялись в Прииртышье, где были ассимилированы. Беспочвенны рассуждения о постепенном проникновении кыргызов на Тянь-Шань. По мнению П. Азбелева, тянь-шанские

кыргызы – народ не связанный с енисейскими кыргызами, и с совершенно отдельным этногенезом. Кыргызы не были великим народом и не доминировали в Центральной Азии. Их культура наоборот живо впитывала инновации и трансформировалась. Результатом инноваций стало сложение аскизской культуры. Аскизская культура сложилась на местной основе, обогащенной миграциями западных племен, связанных с хазаро-булгарской, приуральской и западносибирской традициями предшествующего времени и в меньшей мере с кимако-кыпчакской культурой [14, с. 18–40, 137–144; 10, с. 109–118; 34, с. 59–65; 28, с. 70–92; 35, с. 131–134; 33, с. 195–206; 16, с. 194–195; 53, с. 10–31; 54, с. 17–41, 133–140; 58, р. 486; 21, с. 29; 26, с. 23–47, 78–102; 59, р. 95–109; 55; 22; 4, с. 7; 12; 57, Глава 14; 2].

К началу XIII в. кыргызская государственность делилась на два княжества: Кем-Кемджиут и Кыргыз. Кем-Кемджиут соответствовал Туве, а Кыргыз занимал Минусинскую котловину. Примущественное количество кыргызских памятников этого периода находилось в Минусинской котловине. Кыргызские памятники находились и на Кии. Рашид ад-Дин упоминал об области Еди-Орун. Ее правителем был Урус-Инал. Границы кыргызских владений доходили до Ангары. Монголы разгромили найманов, и тогда правитель последних Буюрук бежал в Кем-Кемджиут. В 1207 г. Джучи покорил власти монголов енисейских кыргызов. К нему явились кыргызские правители по именам Еди, Инал, Алдиер, Олебек-тигин. В том же году Чингиз-хан отправил послами к кыргызам Алтана и Букра. В ответ кыргызы прислали Урут-Утуджу, Элик-Тимура, Аткирака. В 1218 г. кыргызы восстали, после того как в 1217 г. погиб в войне с туматами Борагул. Восставших кыргызов возглавил Курлун, и против него Чингиз-хан направил войско во главе с Джучи. Он смог разгромить кыргызов, пройдя с боями по Туве, Минусинской котловине, Горному и Монгольскому Алтаю. Часть кыргызов бежала на север в район лесостепей в бассейне Чулыма. Земли енисейских кыргызов вошли в улус великого каана. В 1229 г. Угэдэй взял в жены кыргызок, тем самым заключив союз с кыргызской знатью. Кыргызка Джачин

была четвертой женой Угедея. Хатун Соркуктани-беки отправила трех эмиров через землю енисейских кыргызов в Западную Сибирь. В 1252 г. Арик-Буга стал правителем Саяно-Алтая. В 1270 г. великий каан Хубилай назначил наместником Саяно-Алтая китаецца Лю Хао-ли. В 1273 г. кыргызы восстали против власти великого каана и поддержали Кайду. В 1276 г. Кайду совершил поход в Монголию, но кыргызский правитель пытался поддерживать контакты с Лю Хао-ли. В 1280 г. кыргызы подчинились Кайду и выступили против Лю Хао-ли. В 1286 г. нойон Ток-Тимур хотел напасть на кыргызов, но они подчинились Кайду. В 1287 г. против Наяна выступило войско из Центральной Монголии, в котором были кыргызы. В 1289 г. были проинспектированы кыргызы в земле Хелинь. В 1292 г. армия великого каана под руководством Тутухи воевала у Алтая, а в 1293 г. выступила против кыргызов. Фактически в 1293 г. была ликвидирована кыргызская государственность. Земли кыргызов были снова подчинены великому каану, а часть кыргызов была переселена из Минусинской котловины и Тувы на территорию современной Маньчжурии. В 1295 г. кыргызов, проживавших в Алтае, переселили в Шаньдун. В период правления великого каана Тэмюра (1295–1307) земли кыргызов входили в состав провинции Лин-бей, которой управлял наместник Камала. При его преемнике в Туве и Минусинской котловине были созданы поселения, в которых селили монголов, уйгуров и китайцев. Именно со смешанным населением региона связан тот факт, что позднесредневековые кыргызы называли себя тадар (татарами). После падения империи Юань в Китае в 1368 г., кыргызы перестали подчиняться Каракоруму. Кыргызы в качестве тумена вошли в состав ойратской конфедерации. На территории Минусинской котловины кроме кыргызов жили туматы, урдуты и кераиты. Под 1399 г. фиксируется вождь енисейских кыргызов. В «Юань-ши» указано, что в монгольское время кыргызов было 9 тыс. семейств, а максимальное количество кыргызов – 50 тыс. человек. Л. Кызласов считал, что кыргызов было 45 тыс. и они выставляли тумен войска. Д. Савинов относил завершающий этап кыргызской культуры к так называемому камен-

скому этапу, который датирован XII–XIII вв. [14, с. 144–168; 10, с. 69; 32, с. 89–97; 28, с. 83–85; 35, с. 117–129; 29, с. 152, 157–160; 33, с. 80, 120–125; 53, с. 73–75; 54, с. 73–81; 9, с. 161–165; 56, р. 152–162, 165; 43, с. 114–131; 19, с. 9–10; 2].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Сложение кыргызского этноса началось с миграцией гянгуней в Минусинскую котловину. Благодаря взаимодействию с тагарцами там сложилась таштыкская культура. Раннекыргызская культура сложилась в Минусинской котловине в самом начале Раннего Средневековья. Ей соответствует культура чаа-тас и владение Цигу. Кыргызы были непокорными подданными тюркютов, кок-тюрков, токуз-огузов и систематически восставали. Создание и существование Кыргызского каганата следует датировать IX–X вв. В X в. кыргызы попали под влияние киданей и стали их вассалами. В XII в. кыргызов потеснили найманы, а в XIII в. кыргызы оказались под влиянием монголов и вошли в состав Великой Монгольской империи и империи Юань. Нахождение монгольских гарнизонов в Минусинской котловине способствовало сложению нового хакасского этноса во главе с кыргызами. После падения империи Юань кыргызы вошли в качестве тумена в состав ойратской конфедерации. Енисейские кыргызы и тянь-шанские кыргызы – народы с разным этногенезом и не связаны между собой. Тянь-шанские кыргызы – это кимако-кыпчакские племена, которые приняли название кыргыз.

Список источников и литературы

1. Айтикеев Т. К. Китайские письменные источники о кыргызах. <http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/karkirakhan-akerov.pdf>
2. Азбелев П. П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии. <http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm>
3. Азбелев П. П. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 129–138. <http://kronk.spb.ru/library/azbelev-pp-1994.htm>
4. Азбелев П. П. О численности аристократии в государстве ени-

сейских кыргызов // Экология древних и традиционных обществ. Вып 3. Тюмень, 2007. С. 166–168. <http://kronk.spb.ru/library/azbelev-pp-2007j.htm>

5. Азбелев П. П. Кыргызы и Китай: о пределах доверия к летописям // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы VIII международной конференции, г. Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 года). Том I. Горно-Алтайск, 2007. С. 7–10. <http://kronk.spb.ru/library/azbelev-pp-2007e.htm>

6. Азбелев П. П. Первые кыргызы на Енисее // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 12. Вып. 4. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2008. С. 461–469.

7. Азбелев П. П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII–VIII вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Вып. 4. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2009. С. 78–89. <http://kronk.spb.ru/library/azbelev-pp-2009b.htm>

8. Акерев Т. Каркырахан. Великий Кыргызский каганат. Роль этнополитических факторов в консолидации кочевых племен Притяньшанья и сопредельных регионов (VIII–XIV вв.). <http://www.bulgariistoria-2010.com/booksRu/karkirakhan-akerov.pdf>

9. Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.

10. Бактыгулов Дж. С., Момбекова Ж. К. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек: Кыргызстан, 2001. 344 с.

11. Бартольд В. В. Киргизы (исторические очерки). Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1927. https://www.e-reading.club/bookreader.php/1033742/Bartold_-_Kirgizy._%28Istoricheskiy_ocherk%29.html

12. Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн алахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М.: Наука, 1973. http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm

13. Бобров Л. А. Военная история енисейских кыргызов в IX–XII веках. <https://zaimka.ru/bobrov-military-history/>

14. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.

15. Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: «Фундаментал-Пресс», 1998. 84 с.

16. Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов Центральной Азии. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. 224 с.

17. Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.06 – археология. Л., 1985. 17 с. <http://kronk.spb.ru/library/dluzhnevskaya-gv-1985.htm>

18. Длужневская Г. В. К вопросу об историко-культурных контактах народов Центральной Азии и Сибири в X–XII вв. // Северная Евразия от древности до средневековья (ТК к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992. С. 225–227. <http://kronk.spb.ru/library/dluzhnevskaya-gv-1992.htm>

19. Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VII. Lodz, 1994. С. 9–12. <http://kronk.spb.ru/library/dluzhnevskaya-gv-1994a.htm>

20. Дробышев Ю. И. Кыргызы в Центральной Азии (IX) // Восток. № 6. М., Институт востоковедения РАН, 2010. С. 102–109.

21. Исянгулов Ш. Н. Башкиро-кыргызские этногенетические связи // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (371). История. Вып. 65. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2015. С. 26–31.

22. Кляшторный С. Г., Мокеев А. М., Мокрынин В. П. Основные этапы этногенеза кыргызского народа. http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1635

23. Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 200–207. <http://kronk.spb.ru/library/kyzlasov-il-1981.htm>

24. Кызласов И. Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники Старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. СПб. Псков: Институт истории материальной культуры, 1997. С. 380–386.

25. Кызласов И. Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология Евразийских степей. Т. 2. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 63–70.

26. Кызласов И. Л. Хакасы. Основатели хакасоведения о важнейших вехах истории. К 100-летию возрождения народного имени. Москва–Абакан: Бригантина, 2017. 116 с.

27. Кызласов И. Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 228–250.

28. Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VII. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1959. С. 70–92.

29. Кызласов Л. Р. О численности кыргызов в IX–XI и XIII вв. // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XII. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1966. С. 152–158.

30. Кызласов Л. Р. Низами о древнехакасском государстве // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIII. Серия историческая. № 1. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1969. С. 39–50.

31. Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 46–52.

32. Кызласов Л. Р. Борьба народов Южной Сибири против иноземных завоевателей в XIII в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 89–97.

33. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1992. 224 с.

34. Кызласов Л. Р. Древнехакасское государство (VI–XIII вв.). Политическая история // История Хакассии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. С. 44–72.

35. Кызласов Л. Р. Монгольские нашествия XII–XIII вв. и гибель древнехакасского государства // История Хакассии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. С. 113–134.

36. Мадылбай Т. Письма китайских императоров кыргызским ханам. http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1913

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1927

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1935

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1941

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1947

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1973

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1990

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2003

37. Материалы по истории кыргызов и Кыргызии. М.: Наука, 1973. 281 с.

38. Мокеев А. М. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры ажо и иди енисейских и алтайских кыргызов // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Санкт-Петербург–Уланбагор: Институт восточных рукописей РАН, Институт истории и археологии Монгольской академии наук, 2016. С. 229–237.

39. Мокрынин В., Плоских В. Каган Барс-бег и государственность енисейских кыргызов в VI–XIII вв. // У истоков кыргызской национальной государственности. Бишкек: Илим, 1996.

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1579

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1591

http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1600

40. Панкова С. В. О соотношении таштыкской и кыргызской керамических традиций // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Омск, 2000. С. 96–97. <http://kronk.spb.ru/library/pankova-sv-2000a.htm>

41. Савинов Д. Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 255–266. <http://kronk.spb.ru/library/savinov-dg-1972.htm>

42. Савинов Д. Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 64–74. <http://kronk.spb.ru/library/savinov-dg-1988.htm>

43. Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов. // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114–131.

44. Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841–846 гг.») // Известия Академии наук Киргизской ССР, серия общественных наук. Т. V. Вып. 1. (История). Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. С. 67–81. <http://kronk.spb.ru/library/suprunenko-gp-1963.htm>

45. Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236–248.

46. Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. Новосибирск, 1975. С. 59–64. <http://kronk.spb.ru/library/suprunenko-gp-1975.htm>

47. Угдыжеков С. А. Власть кыргызского правителя VI–XIII вв. Предыдущие публикации по данной проблеме: О власти правителя в Хакасии VI–XIII вв. // Известия лаборатории археологии. Вып. 2. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 1996. С. 156–162.

48. Угдыжеков С. А. О сакральном характере власти правителя в Хакасии VI–X вв. // Вестник Хакасского Государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Вып. VII. Серия 7. Общественно-политические науки. Абакан: Издательство Хакасского госуниверситета, 1998. С. 34–45.

49. Ушницкий В. Д. Древнехакасское государство. Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (3). Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2012. С. 51–55.

50. Хаснутдинов Т. Ф. Китайские дипломатические связи с енисейскими кыргызами в VII–IX вв. <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/12419>

51. Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1959. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Marvazi_Tahir/frameset1.htm

52. Худяков Ю. Развитие военного дела кыргызов в IX–X вв. в Кыргызском каганате. https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1454

53. Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск: Новосибирский ордена Трудового красного знамени государственный университет им. Ленинского комсомола, 1986. 79 с.

54. Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек: ПП Камекс-Детай ЛТД, 1995. 189 с.

55. Яхонтов С. Древнейшие упоминания названия киргиз. http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:611

56. Church S. The Kyrgyz in contact with Mongol and Yuan Empires (1206–1368) // *Making the Kyrgyz*. Cambridge: Cambridge scientific Publishers, 2018. P. 147–166.

57. Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D./Tr. and expl. by V. Minorsky Русское переложение by неизвестный злоумышленник. <http://odnap11yazyk.narod.ru/kirgiz.htm>

58. Drompp M. The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest // *The Turks*. Vol. I. Ankara: Yeni Turkiye Yayinlary, 2002. P. 480–488.

59. Mokeev A. Resettlement of Kyrgyz tribes in the era of the Kyrgyz khaganate // *Making the Kyrgyz*. Cambridge: Cambridge scientific Publishers, 2018. P. 95–112.

60. Prajakti K. The Qirgyz khaganate (840–920) // *Making the Kyrgyz*. Cambridge: Cambridge scientific Publishers, 2018. P. 73–86.

61. Tabaldiev K. The origins of Kyrgyz peoples. Formation and their culture // *Making the Kyrgyz*. Cambridge: Cambridge scientific Publishers, 2018. P. 57–72.

О НЕДАВНИХ НАХОДКАХ ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Р. Ю. Рева

Россия, Новосибирск, Министерство культуры РФ

Представлены собранные автором за последние 5 лет сведения о находках восточных монет в Шадринском районе Курганской области, которые позволяют говорить о существовании на берегах реки Исеть в треугольнике: село Юлдус – деревни Нечунаево и Ташково значительного культурно-исторического объекта средневековья. Найдены монета Западно-Тюркского каганата, аббасидский дирхем, джучидские монеты и др. Наибольшее выпадение монет произошло в двадцатые годы и последнюю треть XV столетия. Обнаружены несколько монет сибирского правителя хана Ибрахима. Часть монет имеют отверстия, что характерно при подвешивании изделий из драгоценных металлов в культовых местах финно-угорского населения. Для большинства монет также характерна хорошая сохранность.

Ключевые слова: Курганская область, восточные монеты, Тюркский каганат, Джучиды, хан Ибрахим.

ABOUT RECENT FINDS OF ORIENTAL COINS IN THE KURGAN REGION

Information collected by the author over the past 5 years on the finds of oriental coins in the Shadrinsky district of the Kurgan region, which suggests the existence on the banks of the Iset River, in the triangle Yuldus – Nechunayevo – Tashkovo, a significant cultural and historical object of the Middle Ages. Coins of the Western Turkic Khaganate, Abbasid Dirham, Juchid coins, and others were found. The greatest loss of coins occurred in the twenties and the last third of the 15th century. Several coins of the Siberian ruler Ibrahim khan were discovered. Some of the coins have holes and good preservation,

which is typical when hanging products from precious metals in places of worship of the Finno-Ugric population.

Keywords: Kurgan region, oriental coins, Turkic Kaganate, Juchids, Ibrahim Khan.

В 2006 г. в Волгограде на V международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков» А. К. Бустанов прочитал доклад «К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе в XIV–XVI вв.», в котором привел все известные на тот момент случаи находок золотоордынских монет восточнее Уральского региона: «Тереховский клад из 20 монет; несколько экземпляров коллекции М. С. Знаменского и один дирхем И. Н. Бутакова из сборов на Искере; пять дирхемов в Тобольском музее; медный пул с обрыва у Иртыша, а также монеты с Воскресенского городища» [3, с. 165]. Мало-мальское описание получили только 5 монет Тобольского музея, а также медный пул. Остальные нумизматические артефакты так и остались неопознанными, и только остается сожалеть, что такие важные исторические свидетельства экономической жизни Сибири не получили должного описания. В следующей своей работе А. К. Бустанов добавил к вышеприведенному списку 4 монеты, найденные в 1912 г. у деревни Могилевой Шадринского уезда Пермской губернии и отнесенные А. Г. Нестеровым к чекану некоего сибирского хана Саид-Ибрахима [4, с. 60]. Чуть раньше, в 2001 г., А. Г. Нестеров сообщил о находке пятой монеты этого эмитента «в размыве реки Шудельки близ деревни Юрты Инкинские (Колпашевский район Томской области)» [12, с. 274–279].

В 2011 г. А. В. Пачкалов дополнил вышеприведенный список тремя монетами, найденными в начале 1920-х годов на берегу реки Миасс в Каргапольском районе Курганской области, а также еще 16-ю случаями находок средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале, сделанных за несколько предшествующих статье лет [13, с. 39–41]. Общее количество учтенных восточных монет, найденных на террито-

рии Курганской области, тогда составило 19 экземпляров.

В 2017 г. была опубликована работа «Новые находки серебряных монет золотоордынского времени на территории Курганской области» [9, с. 175–189], в которой автор основной части текста Д. Н. Маслюженко привлек для описания 7 джучидских монет М. М. Чорефа. Работа последнего оказалась ниже всякой критики. Так автор настоящих строк насчитал 18 фактических неточностей, прямых ляпов и искажений в описании всего 7 достаточно простых для специалиста экземпляров! Неправильно расписаны арабские легенды, ошибки в лакабах и именах правителей, в наименованиях монетных дворов, неверно указаны даты и места чеканки. Особенно умилили отсылки не к научным публикациям монет, а к сомнительного качества определителю джучидских монет для начинающих, следствием чего явилось перетаскивание элементарных глупостей малограмотного издания в указанную работу [9, с. 176–177]. К тексту, написанному собственно Д. Н. Маслюженко, претензий практически нет, за исключением спорного места о возможной локализации монетного двора Иль Уй Му‘аззам, а также к неверной трактовке сведений из моей статьи [19]: «По данным Р. Ю. Ревы монеты Шибанидов XV в. в степной и лесостепной части Юго-Западной Сибири не найдены» [9, с. 182]. Как раз, наоборот, в цитируемой статье я отсылаю читателя к предшествующей работе [16, с. 198], в которой привожу сведения о находках монет Ибрахима на территории Курганской и Томской областей*.

* В связи с этим удивительна претензия авторов статьи ко мне, что я не сделал «очевидный, причём самый важный вывод, который можно было бы сделать в результате анализа публикуемого материала», о том, «что сибирские подданные Шибанидов в тот период не нуждались в монетах собственных правителей как в средствах платежа» [9, с. 182]. Замечу только, что я никак не мог сделать такой вывод в виду постоянно пополняющегося количества сведений о монетных находках на территории Сибири и Урала. Действительно, количество найденной здесь джучидской монеты пока намного меньше, чем в Поволжье, Крыме или на Украине, но данное обстоятельство никак не позволяет судить о том, насколько нуждались в то время именно в шибанидских монетах жители Сибири. Считаю такой вопрос некорректно поставленным. Напомню, что в обсуждаемой работе я указал иное: «Монетный чекан от имени шибанидских ханов проводился при

В сентябре 2012 г. на Международной конференции в Государственном Эрмитаже «Два века мусульманской нумизматики в России» автор этих строк прочитал совместный доклад «Монеты хана Ибрахима», в котором мы с соавторами сделали очередную попытку определить, кто был эмитентом монет с легендой «Султан высочайший Ибрахим-хан». Хотя сам текст доклада долго отлеживался в редакции и увидел свет только в 2017 г. [16, с. 198–211], о содержании доклада каким-то образом стало известно широкой общественности, и мне на электронную почту стали поступать сообщения о находках монет Ибрахима в различных частях России и Украины. Я благодарил находчиков за предоставленную информацию, но просил не ограничиваться только монетами хана Ибрахима, а информировать меня о находках и других восточных монет. Самыми интересными оказались два региона – Тюменская и Курганская области. О находках восточных монет в Тюменской области и интересных выводах, которые последовали за этим, была написана специальная работа [22]. В настоящей статье будут представлены монеты, найденные в 2015–2020 годах различными лицами в Курганской области. При сопоставлении материала я обнаружил удивительный факт того, что все находки локализованы на одном небольшом участке недалеко от села Юлдус и деревни Могилева на южном берегу реки Исеть. Западная часть ареала находок совпадает с деревней Нечунаево, а на востоке граничит с деревней Ташково. Один из находчиков сообщил следующее: «Если ехать от Шадринска в сторону села Юлдус, Могилева, не доезжая до с. Юлдус – мост через реку Исеть. На этой и другой стороне реки лес весь в ямах. Переехав мост и повернув направо, через несколько метров в лесу я нашел несколько монет».

захвате территорий с устоявшимся денежным обращением, на собственных землях шибанидов монетный чекан не отмечен» [19, с. 25]. Последняя часть моей фразы в настоящее время звучит спорно, так как известна шибанидская чеканка в Сарайчуке, который тогда принадлежал Шибанидам. Как будет показано ниже, в настоящее время существуют определённые предпосылки утверждать, что Шибаниды всё-таки осуществляли монетную чеканку и в других частях Урало-Сибирского региона.

Другие находчики сообщали что-то подобное, но находки были уже по левую руку от моста или чуть южнее. Напомним, что первые четыре монеты хана Ибрахима были найдены в 1912 г. как раз «на дюнах у д. Могилево Шадринского уезда» [13, с. 41]. В самой деревне Нечунаево «была найдена серебряная монета Узбека, чеканенная в Сарае (по типу 734 г. х.). Монета имела отверстие» [13, с. 40, № 7]. Некоторые другие монеты, найденные ранее в Курганской области, также территориально близки к указанному участку [13, с. 40, № 9]. Таким образом, учитывая нижепоказанные монеты, неожиданно вырисовывается картина того, что на указанном участке, уже начиная с начала VII века, с определенной периодичностью люди теряли нумизматические артефакты. Обилие «ям» свидетельствует о наличии примитивных жилищ в данной местности, что подсказывает нам версию о нахождении здесь значительного культурно-исторического объекта средневековья. Вот что сообщил автору этих строк в личной переписке Д. Н. Маслюженко: «Бор, о котором говорили, находится между двумя деревнями – Нечунаево и Ташково. Первая из них, справа от дороги на Курган, вполне живая, во второй, соответственно – слева, пару лет назад был только один дом. У Нечунаево несколько лет назад нашли святилище XI–XII вв., протоманси, юдинская культура. А вот возле Ташково, где как раз все основные жилищные впадины, было найдено несколько монет. Место уникально, поскольку это последний бор между Миассом и Исетью, после которого реки идут на сближение и Миасс впадает в Исеть».

Ниже будет приведено описание монет*, чьи изображения и метрология, если ее удалось заполучить, были получены от находчиков. Автор заранее приносит извинения за качество некоторых снимков, но за неимением лучших, принято решение публиковать то, что есть в наличии. Относительный размер монет передан на картинках приблизительно.

* Автор выражает признательность В. Н. Настичу, П. Н. Петрову, А. В. Кузнецову, Р. Ю. Савосте, Ф. В. Ермолову, Д. Н. Маслюженко за ценные консультации.

Домусульманские правители

1. Чачский оазис, предположительно вторая половина VI в. – первая половина VII в. Медь. Вес 1,13 г. Zeno 122331. Найдена чуть западнее д. Нечунаево.

Л.с. Изображение правителя в фас. Слева – изображение креста, справа – подражание греческой надписи. Ободок точечный. О.с. Тамга. Легенда отсутствует.

В настоящее время считается, что монеты этого типа чеканены на территории Чачского оазиса, так как большинство находок локализуется на городищах Канка, Ханабадтепа [26, с. 60]. Возможным прототипом аверса являются солиды византийского императора Юстина II (565–578 гг.) [2, с. 41]. В. Д. Шагалов и А. В. Кузнецов, вслед за Э. В. Ртвеладзе и В. А. Лившицем, относят подобные монеты к так называемой «группе Кабарны». На основании того, что тамга на этом типе монет идентична тамге на других монетах с согдийской легендой «Тун джабгу-каган», Гайбулла Бабаяров предположил, что эти артефакты чеканены тюркскими правителями Чача [1, с. 17]. Впоследствии Г. Б. Бабаяров и А. В. Кубатин конкретизировали, кому следует приписать чеканку подобных монет – правителям Западно-Тюркского каганата, чья власть распространялась на «Северный Кавказ, Северное Причерноморье, часть бассейнов рек Волги и Урала, Среднеазиатское Междуречье, Хорасан, Афганистан, Северную Индию и Восточный Туркестан» [2, с. 36]. Византийское влияние на оформление данных монет объясняется заключением при Юстине II союза между Византией и Тюркским каганатом против Сасанидского Ирана, а также выплатой в 570-х годах Византией дани каганату, вследствие чего определенное количество византийской золотой монеты проникло на территорию Западно-Тюркского каганата и стало образцом для оформления некоторых монет этого государства. Основными центрами собственного монетного производства каганата были Чач и Фергана. Легенды на таких монетах исполняли согдий-

ским письмом, реже древнетюркской руникой [2, с. 36, 43]. Находка монеты раннесредневекового Чача в указанном регионе вкупе с замечанием Д. Н. Маслюженко о находках в том же регионе археологического материала с большой вероятностью относимого к Согду наводит на мысль, что население этой местности уже не позднее середины VII века имело какие-то связи с обитателями Средней Азии. Необходимо также напомнить о находке в 1920-х гг. в степях Западного Казахстана бронзового штемпеля для чеканки монет, подражающих аверсам солидов Юстиниана I (527–548 гг.) [10, с. 593–594], что является еще одним штрихом к воссозданию нумизматической картины Западно-Тюркского каганата и подтверждает тезис о собственной чеканке в этом государственном образовании монет по византийскому образцу.

Аббасиды

2. Мадинат ас-Салам (Багдад), 225 г. х. (839–840 гг.). Халиф ал-Му‘тасим-биллах 218–227 гг. х.). Серебро, дирхем. Вес 2,80 г. Отверстие. [25, с. 207, № 1861]. Найдена чуть восточнее д. Нечунаево.

Л.с. В центре: لا اله الا الله وحده لا شريك له «Нет Бога кроме Аллаха единого, нет ему равного». Внутренняя круговая легенда:

«Во имя Аллаха ضرب هذا الدرهم بمدينة السلام سنة خمس وعشرين و مائتين
«Аллаху (принадлежит) власть и прежде и после, и будет время, когда правоверные возрадуются помощи Аллаха».

О.с. В центре: «[Власть принадлежит] Аллаху. Мухаммад – посланник Аллаха. Ал-Му‘тасим-биллах».

Круговая легенда:

«Мухаммад – посол Аллаха, который послал его с руководством и верой истинной, чтобы возвеличить ее над всеми религиями, несмотря на сопротивление многобожников».

Практически идеальное состояние аббасидской монеты, хотя и при наличии отверстия, наводит на мысль, что данный артефакт не был частью украшения, прикрепленного к одежде, что неизбежно привело бы к истиранию одной из сторон. Скорее всего, этот экземпляр был подвешен в каком-то стационарном месте. В. С. Кулешов полагает, что в данном случае можно говорить о югорском населении указанной местности в середине IX века. «Священные металлы, не участвуя во внутреннем обмене, служили маркером религиозного и социального статуса их хранителей – югорских аристократов» [6, с. 367]. «Памятники драгоценной торевтики и нумизматики (а также предметы ритуального назначения из драгоценных металлов) следует рассматривать в рамках того, что я (Вячеслав Кулешов – *P.P.*) называю сакральной экономикой. Дело в том, что, попадая в угорскую этнокультурную среду, перечисленные категории импортов наделялись культовым статусом и тезаврировались в сакральных зонах поселений и в специально устроенных долговременных сокровищницах» [6, с. 366–367].

Великая Монгольская империя

3. Булгар, 1240–1250-е гг. Медь. Вес неизвестен [24, с. 71, 132, № 7]

Л.с. الناصر الدين الله اميرالمومنين «Ан-Насир ад-Дин Аллах повелитель правоверных»

О.с. الدنيا ساعة فجعاها طاعة «Жизнь – мгновение («час»). Потрать ее на богоугодные дела».

4. Алмалыг, 1260-е гг. Посеребренная медь. Вес неизвестен. Zeno 135143.

Л.с. В центре: المالغ «Алмалыг». Вокруг: ... ضرب هذا بسكه المالغ فى
«Чеканено это на монетном дворе Алмалыг в ...»

О.с. В центре: لا اله الا الله محمد رسول الله «Нет Бога кроме Аллаха. Му-

хаммад – посланник Аллаха». Вокруг: الناصر العادل الاعظم «ан-Насир, справедливый, высочайший». Внизу: тарак-тамга? Вплоть до настоящего времени точные даты эмиссии этого типа Алмалыга твердо не установлены, но, по мнению П. Н. Петрова, эти монеты произведены были в 50–60-х годах XIII века. Вполне возможно, что, указывая в легенде «ан-Насир», монетарии подразумевали не имя уже давно покойного аббасидского халифа ан-Насир ли-дин Аллах (1180–1225 гг.), а один из возможных эпитетов монгольского правителя: «Защитник (Веры)».

Джучиды

5. Токтамыш (782–809 гг. х./ 1380–1407 гг.) Орду. Серебро. Вес 1,09 г.

Л.с. السلطان العادل توقتميش خان خلد ملكة «Султан справедливый Токтамыш-хан. Да продлится царствование (его)».

О.с. ضرب اوردوى شهور «Чекан Орду в месяцы...».

Хотя год не указан, по мнению Ф. В. Ермолова данный тип монет чеканился Токтамышем уже после 798 г. х. (после 1395 г.).

6. Дервиш (818–822 гг. х./ 1415–1419 гг.) Хаджи-Тархан. Серебро. Вес 0,87 г. Отверстие. [23, с. 59, А16–Р15].

Л.с. السلطان الاعظم درويش خان «Султан высочайший Дервиш-хан...»

О.с. ضرب حاجى ترخان «Чекан Хаджи-Тархан».

7. Дервиш. Бик-Базар. Серебро. Вес 0,87 г.

Л.с. ... السلطان الاعظم درويش خان «Султан высочайший Дервиш-хан...»

О.с. ... ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара...».

Монета отчеканена от имени хана Дервиша, ставленника Идегея, примерно в 820 г. х. Хотя на данной монете имя всесильно-

го беклербека отсутствует, указанный монетный двор обозначает кочевую ставку Идегея [20, с. 78–83].

8. Мухаммад. Хаджи-Тархан, 822 г. х. (1419 г.) Серебро.
Вес 0,81 г.

Л.с. ... السلطان العادل محمد خان «Ас-султан справедливый Мухаммад-хан ...»

О.с. ضرب حاجی ترخان سنة ۸۲۲ «Чекан Хаджи-Тархан. Год 822».

9. Мухаммад. Сарай. Серебро. Вес 0,87 г.

Л.с. السلطان محمد خان «Ас-султан Мухаммад-хан ...»

О.с. ضرب سراى «Чекан Сарай».

10. Мухаммад. Хаджи-Тархан, Серебро. Вес 0,67 г.

Л.с. السلطان محمد خان الاعظم «Ас-султан Мухаммад-хан высочайший»

О.с. ضرب حاجی ترخان «Чекан Хаджи-Тархан».

11. Мухаммад. Иль Уй Му‘аззам, Серебро. Вес 0,85 г.

Л.с. السلطان محمد خان الاعظم «Ас-султан Мухаммад-хан высочайший»

О.с. ضربء الى وى معظم «Чекан Иль Уй Му‘аззам».

12. Мухаммад. Иль Уй Му‘аззам, Серебро. Вес 0,79 г.

Л.с. السلطان محمد خان الاعظم «Ас-султан Мухаммад-хан высочайший»

О.с. ضربء الى وى معظم «Чекан Иль Уй Му‘аззам».

13. Мухаммад? Иль Уй Му‘аззам ? Серебро. Вес 0,79 г.

Л.с. د... خان «...хан ...»

О.с. معظم ... «... Му‘аззам».

Еще несколько лет назад исследователи однозначно определяли подобные монеты с именем «Мухаммад» как чеканку Улу-Мухаммада сына Хасана (822-850 гг. х. / 1419–1445 гг.).

Однако в 1420-е годы XV столетия, к которым следует отнести выпуск показанных выше монет «Мухаммада», помимо Улу-Мухаммада на территории Улуса Джучи правили и другие ханы с именем «Мухаммад»: Хаджи-Мухаммад сын Али, Мухаммад-Барак сын Куйурчака, Мухаммад сын Тимура [17, с. 88–89]. Вопрос о принадлежности монет тому или иному Мухаммаду не решен окончательно. В связи с этим я не обозначил эмитентом какого-то конкретного правителя с таким именем.

14. Давлет Бирди (1422–1428 гг.). Хаджи-Тархан. Низкопробное серебро. Вес 0,75 г.

Л.с. ... السلطان دولت بردی «Ас-султан Давлет Бирди ...»
О.с. ضرب حاجی ترخان «Чекан Хаджи-Тархан».

15. Давлет Бирди. Монетный двор неясен. Низкопробное серебро. Вес 0,78 г.

Л.с. ... السلطان دولت بردی خدالله «Ас-султан Давлет Бирди. Да продлит Аллах ...»
О.с. ... ضرب «Чекан ...».

16. Давлет Бирди. Монетный двор неясен. Низкопробное серебро. Вес неизвестен.

Л.с. ... السلطان دولت بردی «Ас-султан Давлет Бирди ...»
О.с. ... ضرب «Чекан ...».

17. Гийас ад-Дин II (1424–1427 гг.). Бик-Базар. Низкопробное серебро. Вес неизвестен. Отверстие. Обломан.

Л.с. السلطان الاعظم غياث الدين خان «Ас-султан высочайший Гийас ад-Дин хан»
О.с. ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара».

18. Гийас ад-Дин II. Бик-Базар. Низкопробное серебро. Вес 0,87 г.

Л.с. السلطان الاعظم غياث الدين خان «Ас-султан высочайший Гийас ад-Дин хан»

О.с. ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара».

19. Гийас ад-Дин II. Бик-Базар. Низкопробное серебро.
Вес неизвестен.

Л.с. السلطان الاعظم غياث الدين خان «Ас-султан высочайший Гийас ад-Дин хан»

О.с. ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара».

20. Гийас ад-Дин II. Бик-Базар. Низкопробное серебро.
Отверстие. Вес 0,63 г.

Л.с. السلطان الاعظم غياث الدين خان «Ас-султан высочайший Гийас ад-Дин хан»

О.с. ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара».

21. Гийас ад-Дин II ? Орду-Базар. Низкопробное серебро.
Вес 0,70 г.

Л.с. «... хан»

О.с. ضرب اوردو بازار «Чекан Орду-Базар».

22. Гийас ад-Дин II? Монетный двор неясен. Булгар?
Низкопробное серебро. Вес 0,76 г.

Л.с. ... السلطان العادل «Ас-султан справедливый ... »

О.с. ... ضرب «Чекан ...».

23. Гийас ад-Дин II ?. Бик-Базар. Низкопробное серебро.
Вес 0,66 г. Трещина.

Л.с. السلطان الاعظم خان «Ас-султан высочайший хан ...»

О.с. ضرب بيك بازارى «Чекан Бик-Базара».

24. Мухаммад-Барак (824–830 гг. х. / 1421–1427 гг.). Аллах – Орду-Базар. Серебро. Вес неизвестен. Найдена вблизи деревни Ташково. [17, с. 84]

Л.с. *الاعظم اسلطان محمد برق خان خلدالله ملكه* «Высочайший султан Мухаммад-Барак хан. Да продлится его царствование»

О.с. *ضرب الله اوردوبازار* «Чекан Аллах Орду Базар».

В 1420-е годы шла кровопролитная война за верховенство в Улусе Джучи между несколькими претендентами, контролировавшими различные части некогда единого государства. Наиболее заметными фигурами в этот момент были Давлет-Бирди, Улу-Мухаммад, Гийас ад-Дин II и Мухаммад-Барак. С 1424 по 1427 г. столичным вилайетом владел Гийас ад-Дин II сын Шадибек [18, с. 717–718]. Количественный состав найденного здесь монетного материала периода войн Мухаммадов с Девлет-Бирди и Гийас ад-Дином намного превосходит по численности монеты, выпущенные в другое время. Скорее всего, это свидетельствует о том, что представители данного региона были активно вовлечены в междуусобицы третьего десятилетия XV в. Можно даже попытаться указать, на чьей стороне они выступали. Давлет-Бирди и Улу-Мухаммад были представителями западного крыла государства. Остаются Гийас ад-Дин и Мухаммад-Барак. Среди находок зафиксирована лишь одна монета Мухаммада-Барака, в то время как монеты Гийас ад-Дина, будучи, в общем, на порядок реже монет с именем «Мухаммад», в данном случае численно преобладают над монетами всех других соперников. Напрашивается вывод, что представители этой местности входили в сферу влияния Гийас ад-Дина, которого в качестве верховного правителя признавало Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал и часть русских земель [21, с. 93–98].

25. Эмитент неясен. Монетный двор неясен. Низкопробное серебро времени 1420-х годов. Вес 0,61 г.

26. Эмитент неясен. Монетный двор неясен. Медь. Вес 0,39 г. Обломана.

27. Эмитент неясен. Монетный двор неясен. Медь. Вес 0,41 г. Обломана.

По всей вероятности, обломки 26 и 27 составляли одну монету, предположительно 1420-х годов.

28. Хаджи-Гирей (1442–1466 гг.). Крым, 867 г. х. (1462–1463 гг.) Серебро. Вес неизвестен. Отверстие [27, с. 18–25]

Л.с. السلطان الاعظم حاجی کرای خان «Ас-султан высочайший Хаджи-Гирей хан».

О.с. الضرب بالقریم ۸۶۷ «Чекан в ал-Крым 867».

29. Ахмад (1460-е – 1480 гг.) Орду Базар. 1470-е гг. Серебро. Вес неизвестен [15, с. 195].

Л.с. السلطان الاعظم احمد خان ابن محمد خان بن تیمور «Ас-султан высочайший Ахмад-хан сын Мухаммад-хана сына Тимура».

О.с. ضربن اوردا بازاری «Чекан Орду Базара».

30. Ибрахим (1480–1495 гг.) Орду Базар. 1480-е гг. Серебро. Вес неизвестен [16, с. 200–202]

Л.с. السلطان اعظم ابراهيم خان «Ас-султан высочайший Ибрахим-хан».

О.с. ضربن اوردا بازاری «Чекан Орду Базара».

31. Ибрахим. Орду Базар. 1480-е гг. Серебро. Вес 0,36 г. Отверстие.

Л.с. السلطان اعظم ابراهيم خان «Ас-султан высочайший Ибрахим-хан».

О.с. ضربن اوردا بازاری «Чекан Орду Базара».

32. Ибрахим. Орду Базар. 1480-е гг. Серебро. Вес 0,37 г. Трещина.

Л.с. السلطان اعظم ابراهيم خان «Ас-султан высочайший Ибрахим-хан».

О.с. ضربن اوردا بازاری «Чекан Орду Базара».

33. Ибрахим. Орду Базар. 1480-е гг. Серебро. Вес неизвестен. Отверстие, обломана.

Л.с. السلطان اعظم ابراهيم خان «Ас-султан высочайший Ибрахим-хан».
О.с. ضربن اوردا بازرى «Чекан Орду Базара».

В своей предыдущей работе [22] я рассказывал о найденных в тюменских комплексах крымских монетах Хаджи-Гирея и Нур-Девлета вместе с ордубазарскими Ахмада и Ибрахима. Как мы видим, среди курганских находок также есть монеты Хаджи-Гирея, Ахмада и Ибрахима. А если учесть, что и на Украине и Крыму помимо естественных для тех мест находок монет Гиреев находят монеты Ахмада и Ибрахима, то становятся очевидны связи Зауралья с землями Крыма и Южной Украины во второй половине XV в. Напомню, что обнаружение монет Ибрахима так далеко от мест, где была ставка хана Ибака, сподвигло А. Л. Пономарева отвергнуть гипотезу о тождестве Ибрахима Тюменского и Ибрахима-эмитента ордубазарских монет, высказанную в нашем докладе 2012 г. [16]^{*}, и даже предположить крымскую чеканку этих монет в 1460-е годы ханом Ибрахимом внуком Улу-Мухаммада [15, с. 212]. В работе о тюменских находках я подробно разобрал ошибки А. Л. Пономарева, а также показал, что при изучении эскизов штемпелей и штемпельных связей, представленных в работах А. Л. Пономарева, «отлично видно, что была некая мастерская (возможно, передвижная), на которой сначала чеканились монеты от имени Ахмада сына Кичи-Мухаммада, после – продукция, подражающая монетам Ахмада, а уже после нее – монеты с именем Ибрахима» [22]. Стало понятно, что данная монетная продукция чеканилась продолжительное время, в том числе и после смерти хана Ахмада в 1480 году. Сами ордубазарские монеты Ибрахима также чеканились

* Первым о возможности отнесения таких монет к сибирскому правителю высказался А. Г. Нестеров, однако он неправильно определил имя хана как «Сайид-Ибрахим» [11, с. 29]. В своих работах 2008 и 2009 годов Д. Н. Масложенко блестяще показал, что объединение А. Г. Нестеровым двух Шибанидов Сайида и Ибрахима в одного мифического Сайид-Ибрахим-хана неправомерно [7, с. 89, 8, с. 240].

некоторое время: значительно большее, чем 5 дней, которые Ибак стоял на месте захваченной им ставки Ахмада. После этого он «поиде прочь, а ордобазар с собой поведе в Тюмень, не грабя» [14, с. 95]. Данную фразу летописи можно понять так, что и монетную мастерскую, как естественную часть Орду-Базара, Ибак переместил в сибирские земли. На сегодняшний день большая часть монет Ибрахима обнаружена в Тюменской области, что говорит нам о возможной чеканке этих монет там.

Шейбаниды

(Ветвь потомков Шибана в Мавераннахре)

34. Время правления Кучкунчи-хана (1510–1531 гг.) Самарканд, 930 г. х. (1523–1524 гг.) Медь. Вес неизвестен [5, с. 75–76]

Л.с. В круге: ضرب سمرقند «Чекан Самарканда».

Вокруг: بتاریح ثلاثین وتسعمایة «В дату девятьсот тридцать».

О.с. Орнамент.

Данная монета показывает, что связь со Средней Азией данного региона сохранялась и в XVI веке.

Неопределенные

35. Данную монету определить не смог. Серебро. Вес неизвестен.

Помимо восточных монет сообщалось о находках монет царей Михаила Федоровича и Петра Алексеевича. Если вернуться к восточным монетам, то легко заметить, что часть монет имеют отверстия, но при этом одинаковую степень износа с обеих сторон, что подсказывает нам о продолжении практики подвешивания монет в стационарном месте, отмеченной при описании аббасидской монеты IX в. Т. е. население данной местности сохраняло традиции как минимум до конца XV в.

Список источников и литературы

1. Бабаяров Г. Б. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2007. 120 с.
2. Бабаяров Г. Б., Кубатин А. В. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Часть I. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 196 с.
3. Бустанов А. К. К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе в XIV–XVI вв. // Труды международных нумизматических конференций. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.». Москва, 2008. С. 162–166.
4. Бустанов А. К. Денежное обращение в Сибирском улусе // Тюркологический сборник 2007–2008. Москва: «Восточная литература», 2009. С. 56–66.
5. Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). Москва: Изд-во «Наука», 1983. 360 с.
6. Кулешов В. С. Серебро за меха из страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти Алисы Владимировны Банк 1906–1984. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С. 363–372.
7. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.
8. Маслюженко Д. Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрахим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сборник 2007–2008. Москва: «Восточная литература», 2009. С. 237–257.
9. Маслюженко Д. Н., Чорев М. М. Новые находки серебряных монет золотоордынского времени на территории Курганской области // Поволжская археология. № 4 (22). 2017. Казань. С. 175–189.
10. Моржерин К. Ю. Бронзовый штемпель аверса солида Юстиниана I из Саратовского областного музея краеведения // Материалы

по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 8. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск: НВГУ, 2016. С. 592–597.

11. Нестеров А. Г. Монеты Ибрахим хана. Уральский следопыт. 1990. Вып. 12. С. 29–30.

12. Нестеров А. Г. Монеты Сибирских Шейбанидов // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 274–279.

13. Пачкалов А. В. Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 22–23 апреля 2011 г.). Курган: КГУ, 2011. С. 39–41.

14. Полное собрание русских летописей. Том тридцать седьмой. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Ленинград: «Наука», 1982. 228 с.

15. Пономарев А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. № 2 (4). С. 191–225.

16. Рева Р. Ю., Казаров А. А., Зайончковский Ю. В. Монеты хана Ибрахима (текст 2012 г.) // Труды Государственного Эрмитажа LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам Международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». 24.09.2012–28.09.2012. Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С. 198–211.

17. Рева Р. Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань, 2015. С. 80–104.

18. Рева Р. Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в Мировой Истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 704–729.

19. Рева Р. Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской научной конференции, г. Курган 21–22 апреля 2017 г. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 25–36.

20. Рева Р. Ю., Леонов Б. И. Бикбазарская монета с именем Идегея и вопрос о локализации монетного двора «Бик-базари» // Нумиз-

матические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики Государственного исторического музея. Москва: ООО РПЦ «Возрождение», 2018. С. 78–83.

21. Рева Р. Ю. О русских монетах 1420–1430-х гг. с подражанием арабской легенде // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. К 90-летию А. С. Мельниковой и 100-летию В. В. Узденикова. Москва: Государственный Исторический музей, 2019. С. 93–98.

22. Рева Р. Ю. О находках монет хана Ибрахима в Тюменской области // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской научной конференции, г. Курган. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. (В печати).

23. Савоста Р. Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813–831 г. х. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. Николаев: Шамрай, 2016. 112 с.

24. Сингатулина А. З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Изд-во «Заман», 2003. 192 с.

25. Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного халифата. Санктпетербургъ: Типографія Императорской академіи наукъ, 1873. 434 с.

26. Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Изд-во «Фан», 2006. 328 с.

27. Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau: Buchdruckerei und Schriftgiesserei von Otto Herbeck, 1905. 306 p.

Рис. 1.
Восточные монеты, найденные в 2015–2020 гг.
в Курганской области.

Рис. 2.
 Восточные монеты, найденные в 2015–2020 гг.
 в Курганской области.

МОНЕТЫ «ПЕРВОГО» ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ТИМУР-КУТЛУГА

Р. Ю. Савоста¹, Б. И. Леонов²

¹Луганск, автор книг по нумизматике Золотой Орды

²Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское общество коллекционеров

На основе проделанного штемпельного анализа серебряных монет хана Токтамыша и хана Тимур-Кутлуга отрицается предположение о первом правлении Тимур-Кутлуга в 794 г. х. Составленные схемы штемпельных связей позволили определить группы монет, относящихся к чекану Орды ал-Джадида и к чекану Азака, и предложить более точную датировку этих монет. Сделанные выводы подтверждают начало правления хана Тимур-Кутлуга не ранее 797–798 гг. х.

Ключевые слова: Золотая Орда, Джучиды, Сарай ал-Джадид, нумизматика, данг, хан Токтамыш, Тимур-Кутлуг, штемпельные разновидности.

THE COINS OF THE «FIRST» REIGN OF KHAN TIMUR-KUTLUG

Based on the performed stamp analysis of silver coins of Khan Toktamysh and Khan Timur-Kutlug, the assumption of the first reign of Timur-Kutlug in 794 AH is denied. The compiled stamping schemes made it possible to determine the groups of coins related to the minting of the Horde al-Jadid and the minting of Azaq, and to offer a more accurate dating of these coins. The conclusions made confirm the beginning of the reign of Timur-Kutlug Khan no earlier than 797–798 AH.

Keywords: Golden Horde, Juchids, Saray al-Jadid, numismatics, dang, khan Toktamysh, Timur Kutlug, dies' varieties.

Среди серебряных монет хана Тимур-Кутлуга особое внимание нумизматов привлекают монеты чекана Сарай ал-Джадида с необычным написанием года: цифрой «4», стоящей отдельно в верхней части штемпеля. Несколько таких монет есть в электронной базе Зено (их номера указаны в таблице 2). В атрибуции этих монет на Зено дата выпуска определена как 794 г. х. Один из авторов этой статьи в публикации сарайского чекана Тимур-Кутлуга упоминает монету 794 г. х. и делает допущение, что в этом году было первое правление хана Тимур-Кутлуга [5, с. 132]; в той же публикации дополнительно выяснилось, что описанная в «Инвентарном каталоге» А. К. Маркова монета № 1256: «*Сарай Эль Джедид, 800 г. дата ^*» [3, с. 492] также относится к монетам этого выпуска – с «четверкой» вверху [5, с. 135].

Учитывая, что такая компоновка легенды реверса есть и на серебряных монетах хана Токтамышша, мы изучили и данги Токтамышша. Кроме того, аверсы этих монет Тимур-Кутлуга и Токтамышша использовались и для другого выпуска: дангов с калимой.

Таким образом, объектом нашего исследования стали следующие группы серебряных монет:

1. Монеты хана Токтамышша чекана Сарай ал-Джадида, 794 г. х., и монета с калимой.
2. Монеты хана Бек Пулада чекана Сарай ал-Джадида, 794 г. х.
3. Монеты хана Тимур-Кутлуга чекана Сарай ал-Джадида, 794 г. х.
4. Большая группа монет Тимур-Кутлуга с калимой.
5. Монеты Тимур-Кутлуга чекана Орды ал-Джадида, 800 г. х.
6. Азакские монеты Тимур-Кутлуга.
7. Монеты хана Шадибека без указания места выпуска.

Далее в статье изучаются только монеты, которые объединились в штемпельные сетки. Серебряных дангов с годом 794 у хана Токтамышша значительно больше, но не все они относятся к интересующему нас выпуску (часть таких монет – подражания или продукция еще не установленных монетных дворов). Данги

Токтамышша, объединенные в шт. сетки, показаны на рис. 1 и рис. 2.

Легенда шт. аверсов А1, А2 и А3: «Султан справедливый / Токтамыш хан / да продлится правление его».

Легенда шт. реверса Р1: «Чекан 4 Сарай / ал-Джадида / 79».

Монеты со штемпелем аверса А1 образуют не только отдельную сетку, они отличаются большим весом. Средний вес 13 экз., выбитых шт. аверса А1 (номера 1–2 в Таблице 1), равен 1,405 г.

Вторую шт. сетку составили монеты с аверсами А2 и А3. Каждый штемпель реверса этих монет имеет свои особенности легенды. На шт. Р2 изображен символ веры.

Легенды шт. Р4–Р9 отличаются вариантом указания года, общая часть легенды: «Чекан 4 Сарай / ал-Джадида в / ...». На шт. Р4 и Р9 внизу цифры года «79», на шт. Р5 (и предположительно на Р6) – «78», на шт. Р7 – «87», на шт. Р8 – одна цифра «8».

Как мы видим, однозначного прочтения года на монетах этой группы нет. Еще больше запутывает атрибуцию легенда штемпеля реверса Р3: «Чекан ас-Сар(а)й / ал-Джадида в / год 743 (!)». Не вызывает сомнения тот факт, что образцом для изготовления этого штемпеля послужил данг хана Джанибека 743 г. х. Особенность этих монет Джанибека в том, что штемпель часто полностью отображался на заготовке монеты, что и позволило целиком скопировать легенду с экземпляра такой монеты (которые к тому же были выпущены в массовом количестве и поэтому оставались доступны). Примеры дангов Джанибека на Зено: Z/154594, Z/164515.

Средний вес 12 экз. (номера 7–14 в Таблице 1, без одной монеты с весом 1,01 г) равен 1,144 г.

Значительная разница в весе 0,261 г у дангов Токтамышша, которые к тому же разделились на две шт. сетки, требует сделать выводы.

Приведем цитату из работы Г. А. Федорова-Давыдова: «Правление хана Токтамышша было последним периодом политического единства Золотой Орды. Важным событием этого времени была денежная реформа 782 г. х. (1380). Основная цель реформы заключалась в унификации весовых норм монет, чеканенных

различными городами: Сараем, Сараем ал-Джедид, Азаком, Ордой, Крымом, Хаджи-Тарханом и др. Во всех этих центрах монетного производства была установлена единая весовая норма для серебра монеты: 1,4–1,42 г» [7, с. 111].

Вес монет, показанных на рис. 1, как раз точно совпадает с весовой нормой 1,40 г.

Далее читаем у Г. А. Федорова-Давыдова: «Попытка восстановить единую Золотую Орду, предпринятая Токтамышем, потерпела неудачу. Экономические мероприятия не привели к нивелировке обособившихся районов денежного обращения. В первых годах XV в. была сделана темником Едигеем новая попытка достичь единения. < ... > Им была предпринята новая денежная реформа, цель которой, так же как и двух предшествовавших (реформы 710 и 782 г. х.), заключалась в том, чтобы унифицировать нормы чеканки в различных монетных центрах. Начало реформы можно относить к 802 г. х. (1400), когда начался чекан по весу 1,13 г» [7, с. 118].

А эта весовая норма практически равна (разница 0,01 г) весу монет на рис. 2. (Заметим, однако, что денежная реформа к 802 г. х. уже свершилась, а началась она несколькими годами ранее.)

Обнаруженное расхождение в весе монет, которые, на первый взгляд, относятся к одному выпуску, приводит к заключению, что это два разных выпуска дангов, и они отделены друг от друга несколькими годами.

Подкрепить полученный вывод можно изучением кладов. Изданное П. С. Савельевым описание Екатеринославского клада [4] говорит о следующем. Клад содержал 14350 серебряных монет от хана Узбека до Токтамышша. Из них – 13694 монет Токтамышша, и за вычетом ок. 8000 монет, битых в Закавказье, остается ок. 5700 монет. Младшие монеты с точно определяемым годом 795 и датируют этот клад. Среди всех монет был только один экземпляр интересующего нас выпуска, с «четверкой» вверху. Это номер 158, и по изображенной П. С. Савельевым компоновке легенды монета определяется как штемпельная пара А1–Р1. Вес монеты номер 158 равен 1,46 г. Таким образом, подтверждается, что клад, датируемый 795 г. х., содержит монету, идентичную монетам на рис. 1, и не содержит ни одной мо-

неты со штемпельной сетки, представленной на рис. 2. Это служит дополнительным свидетельством в пользу того, что монеты Токтамышша второй шт. сетки выпущены позже 794 г. х.

Во время первого военного похода амира Тимура на Золотую Орду в 1391 г. (793 г. х.) и разгрома армии Токтамышша, в Орде появился новый претендент на верховную власть. Бек Пулад был объявлен ханом. Он контролировал значительную часть Золотой Орды как раз в интересующий нас период – 793–794 гг. х. На рис. 1 показаны монеты хана Бек Пулада. Штемпель реверса монеты, выбитой в Сарае ал-Джадида в 794 г. х., оказался общим для монет Бек Пулада и Токтамышша [1, с. 85]. Однако монетные выпуски хана Бек Пулада не дают решение вопроса, поставленного в этой статье, и приводятся здесь только для большей полноты картины о событиях 794 г. х.

Один из штемпелей дангов Токтамышша использовался для изготовления дангов хана Тимур-Кутлуга, это шт. реверса P9. Есть экземпляры монет Тимур-Кутлуга, на которых этот штемпель использовался после шлифовки и дорезки тонкими линиями, поэтому можно определить, что данги Токтамышша выбиты раньше дангов Тимур-Кутлуга, показанных на рис. 3.

Легенда шт. аверсов A4, A5, A7: «Султан справедливый / Тимур-Кутлуг / хан да продлится правление его». На шт. A6 – та же легенда и внизу цифра «8», – именно монеты, выбитые этим шт. аверса, имеют общий реверс с монетами Токтамышша (рис. 3).

Переходим к основному вопросу, касающемуся практики датировки монет хана Тимур-Кутлуга годом 794. На штемпеле реверса, изготовленном для чеканки монет Тимур-Кутлуга, нет года 794. Шт. реверса P10 имеет легенду с «четверкой», скопированной с монет Токтамышша, но без указания года. А шт. P9 (на котором указан год 794) перешел к Тимур-Кутлугу от Токтамышша и не является датирующим монеты Тимур-Кутлуга.

Легенда шт. реверса P10: «Чекан 4 Сарай / ал-Джадида в». На шт. P11 легенда без предлога «в», нижняя часть шт. не восстановлена.

На шт. реверса P12 изображен символ веры.

Легенда шт. реверсов P1–P2(Орда): «Чекан в / Орде / ал-Джадида год / 800». На шт. P3(Орда) та же легенда выполнена зеркально.

В Екатеринославском кладе монеты хана Тимур-Кутлуга отсутствуют, в то же время клад содержит 77 экз. дангов хана Бек Пулада 793–794 г. х. [4]. Известны два комплекса монет XV века, в которых есть по одному экземпляру дангов Тимур-Кутлуга с «четверкой». В статье, посвященной азақскому чекану Тимур-Кутлуга, эти комплексы названы Предушельский и Бахчисарайский [2, с. 76–77]. В Предушельском комплексе содержатся монеты шт. пар А4–Р10, А6–Р12, А7–Р12 (рис. 3) и А16–Р16 (рис. 5). В Бахчисарайском комплексе – шт. пары А6–Р9 и А7–Р12 (рис. 3), А15–Р17 (рис. 5), а также двухаверсная монета хана Шадибека А1Ш–А2Ш (рис. 5). В обширной работе Г. А. Федорова-Давыдова «Клады джучидских монет» отсутствуют данги хана Тимур-Кутлуга 794 г. х. [7, с. 94–192]. Как мы видим, монеты Тимур-Кутлуга обнаруживаются только в комплексах XV века. Однако требуется информация о находках большего числа комплексов для уточнения этого наблюдения.

Датировку дангов Тимур-Кутлуга затруднила еще и разорванность штемпельной сетки – монеты аверсов А4 и А5 не обнаружили штемпельных связей с другими монетами. Воспользуемся тем, что есть очень похожие аверсы Тимур-Кутлуга на монетах с калимой (рис. 4 и рис. 5). Эти штемпели изготовлены тем же мастером, компоновка легенды на шт. А14 полностью совпадает с аверсами А4–А5. Кроме того, две группы дангов Тимур-Кутлуга имеют приблизительно равный вес.

Средний вес 11 экз. дангов Тимур-Кутлуга с «четверкой» в дате (номера 15–18, Таблица 2) (без экз. весом 0,93 г) равен 1,097 г.

Средний вес 45 экз. дангов Тимур-Кутлуга (номера 19–35, Таблица 2) равен 1,120 г.

Разница в весе – 0,02 г, что позволяет объединить эти монеты в группу одной весовой нормы: 1,10–1,12 г.

На рис. 5 показана двухаверсная монета, имеющая одновременно имена эмитентов Тимур-Кутлуга и Шадибека, это шт. пара А16–А2Ш, – выпущена она не ранее 802 г. х., – год начала правления хана Шадибека. Еще четыре шт. пары, выбитых шт. аверса А1Ш, можно датировать ок. 802 г. х. Легенды аверсов дангов Шадибека:

«Султан справедливый / Шадибик хан / да продлится правление его» – на шт. А1Ш, и «Султан / Ша-ди-бик хан» – на шт. А2Ш.

Средний вес 10 экз. дангов Шадибека (номера 36–40, Таблица 2) равен 1,089 г.

Монета с реверсом Р1.8 несет на себе легенду «Чекан Азака в год 3» и датируется 803 г. х. Это позволяет предположить, что выпуски дангов Тимур-Кутлуга продолжались до 802 г. х., а начало чеканки монет из шт. сетки рис. 5 – ок. 800–801 гг. х. Нумерация штемпелей рис. 5 взята из публикации о монетах Азака [6], эта шт. сетка имеет несколько связей с дангами Азака через шт. А3 и Р1.8.

Мы получили следующие выводы:

1. Данги хана Токтамышша, выбитые шт. аверса А1 (рис. 1), выпущены в 794 г. х. по весовой норме ок. 1,40 г. Реверсы этих монет послужили образцом для изготовления штемпелей реверсов еще одного выпуска дангов Токтамышша.

2. Данги Токтамышша с аверсами А2 и А3 (рис. 2) выпущены ок. 797–798 гг. х. Штемпели реверсов этих монет не несут обозначение фактического года выпуска (один из штемпелей скопирован с данга хана Джанибека 743 г. х.). Мы не знаем место изготовления этих монет (!), – вместе с годом была скопирована и легенда «чекан Сарай ал-Джадида».

3. Данги хана Тимур-Кутлуга с аверсами А4–А7 (рис. 3) выпущены в 798(?)–800 гг. х. Одна шт. пара (А6–Р9) выбита шт. реверса, перешедшим от монет Токтамышша. Аверс А6 имеет шт. связь с монетами чекана Орды ал-Джадида 800 г. х., что позволяет приблизить датировку монет со шт. А6 к 800 г. х.

4. Группа монет, выбитых шт. аверсов А14–А16 (рис. 5), которые изготовлены тем же мастером, что резал шт. А4 и А5, входит в общую штемпельную сетку с монетами чекана Азака [6]; часть этих монет датируется 802–803 гг. х., а начало выпуска монет этой шт. сетки – ок. 800 г. х. Обращает на себя внимание и тот факт, что все рассмотренные выпуски дангов хана Тимур-Кутлуга изготовлены по одной весовой норме – 1,10–1,12 г.

Таблица 1

Метрология монет хана Токтамышца

№	Штемпельная пара	Учетное кол-во, экз.	Вес, г	Ссылки
1	A1-P1	3	1,37	
2	A1-P1п	13	1,30; 1,32; 1,35; 1,36; 1,41; 1,42; 1,42; 1,44; 1,44; 1,45; 1,49; 1,49	Z/105856; Z/121500; Z/247944
3	A(1) (Бек Пулад)-P(1)	1	1,38	Z/171111
4	A(1) (Бек Пулад)-P(2)	1	1,38	Z/236771
5	A(1) (Токтамышц)-P(2)	1		
6	A2-P2	5	1,1; 1,31	
7	A2-P3	4	1,18; 1,20	Z/209710
8	A2-P4	5	1,13; 1,15; 1,17; 1,17	Z/91506
9	A2-P5	1		
10	A2-P6	1	1,13	Z/193498
11	A2п-P7	1	1,10	
12	A2п-P8	3	1,01; 1,10; 1,20	Z/105872
13	A3-P8	1	1,09	
14	A3-P9	1	1,11	

Метрология монет хана Тимур-Кутлуга и хана Шадибека

№	Штемпельная пара	Учетное кол-во, экз.	Вес, г	Ссылки
15	A4-P10	6	1,02; 1,10; 1,11; 1,12	Z/105874
16	A5-P10	3	1,08; 1,12	Z/129961
17	A6-P9	8	0,93; 1,09; 1,09; 1,12; 1,15	Z/66818; Z/105873; Z/112008
18	A6-P11	1	1,07	
19	A6-P12	3	1,11; 1,14	Z/83553
20	A7-P12	20	1,05; 1,06; 1,09; 1,10; 1,10; 1,12; 1,12; 1,14; 1,15; 1,17; 1,17; 1,18	Z/113081; Z/133689; Z/167016
21	A7-P1(Орда)	6	1,12; 1,18	Z/192968
22	A7-P2(Орда)	3	1,09	
23	A7п-P12п	8	1,03; 1,05; 1,05; 1,11; 1,18; 1,19	
24	A7п-P3 (Орда)	12	1,10; 1,15	Z/29993; Z/82408
25	A8-P13	5	1,10	
26	A9-P13	5	1,12	
27	A3 (Тимур-Кут- луг)-P3	2	1,09	
28	A14-P3	5	1,03; 1,13; 1,13; 1,14; 1,17	Z/126813
29	A14-P16	2	1,14	Z/127507

30	A14–P17	3	1,14; 1,14	
31	A15–P17	2	1,10; 1,14	
32	A16–P16	1	1,12	
33	A16–P17	3	1,13	
34	A16–P18	10	1,12; 1,12; 1,15; 1,15	Z/98773
35	A16–P19	1	1,09	
36	A16–A2 (Шадибек)	2	1,04; 1,18	
37	A1(Шадибек)– P17	3	1,00; 1,13	Z/108206
38	A1(Шадибек)– P19	1	1,15	
39	A1(Шадибек)– P20	1	1,12	
40	A1(Шадибек)– A2(Шадибек)	5	1,01; 1,05; 1,10; 1,11	Z/112224; Z/233496
41	P1.8–P19	1		

Список источников и литературы

1. Добромыслов Л. Б. Владели ли Бек Пулад Сараем, и где чеканились его сарайские монеты? // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 года. М.: изд-во ГИМ, 2019. С. 81–87.

2. Зайончковский Ю. В., Петров П. Н., Добромыслов Л. Б., Брагин А. О. Серебряные данги Тимур-Кутлуга, битые на монетном дворе Азак ал-Махруса // Нумизматика Золотой Орды. № 3. Казань: изд-во Института истории АН РТ, 2013. С. 76–91.

3. Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 879 с.

4. Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Вып. I. СПб., 1857. 180 с.

5. Савоста Р. Ю. Монеты Хаджи-Тархана и Сарая конца XIV века // Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. № 6. Казань, 2017. С. 128–146.

6. Савоста Р. Ю. Монеты хана Тимура Кутлуга и хана Шадибека чекана Азака // V Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». СПб. (в печати).

7. Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.

8. Интернет-ресурс www.zeno.ru

Авторы выражают благодарность за помощь в работе Андрею Евгеньевичу Купцову (Москва), Александру Анатольевичу Свиридову (Воронеж).

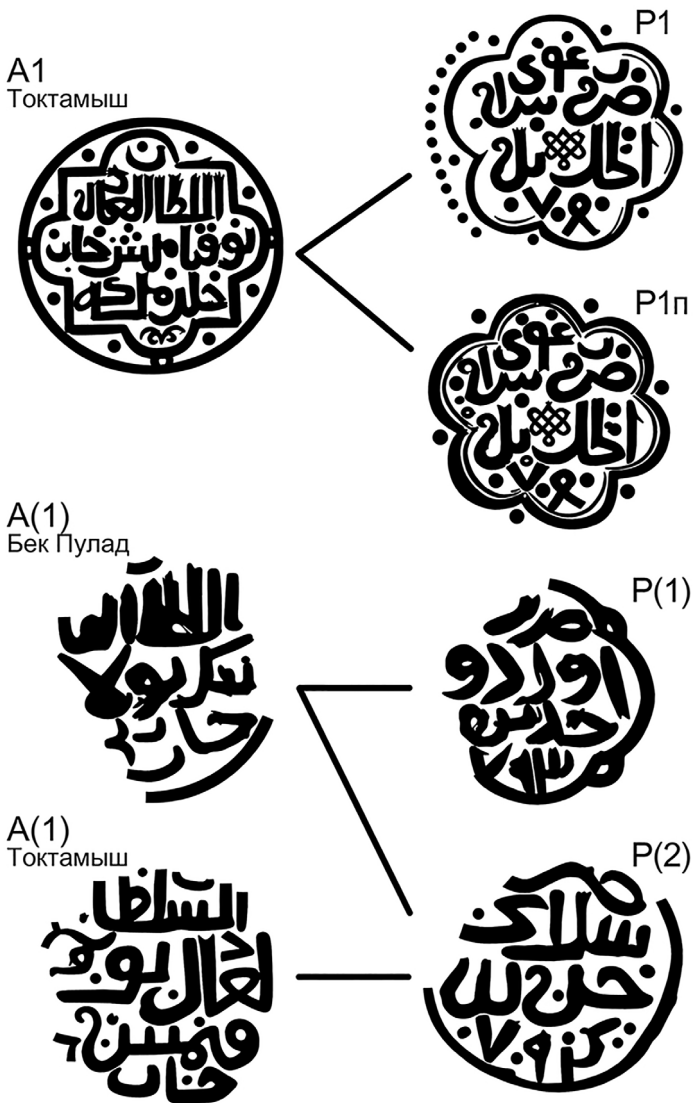

Рис. 1.

Реконструкция штемпелей монет хана Токтамышша чекана Сарая ал-Джадида, 794 г.х., и монет хана Бек Пулада, Орда ал-Джадида, 793 г.х., Сарай ал-Джадида, 794 г.х.

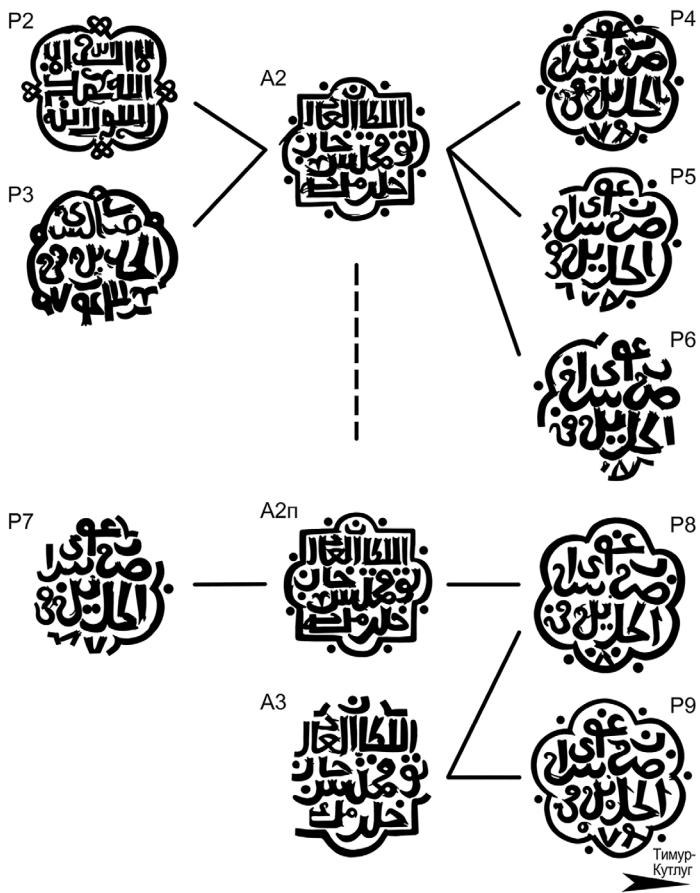

Рис. 2.
 Реконструкция иттемпелей монет хана Токтамыша,
 797–798 (?) гг.х.

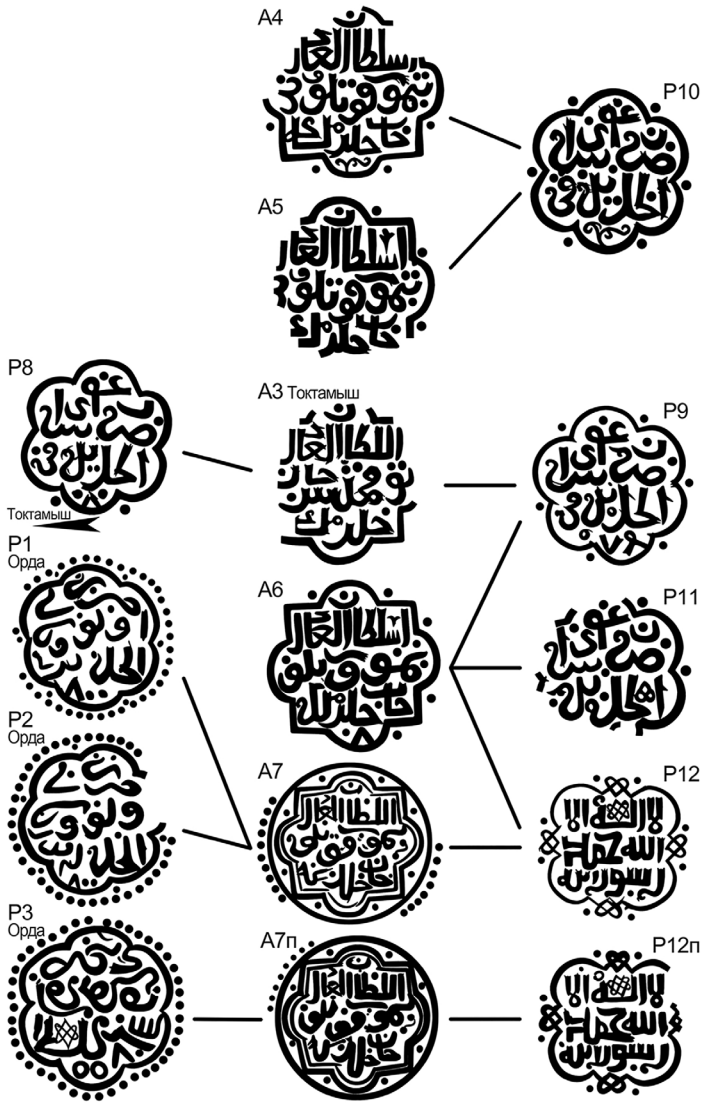

Рис. 3.
Реконструкция иштемпелей монет хана Тимур-Кутлуга,
798(?)–800 гг.х.

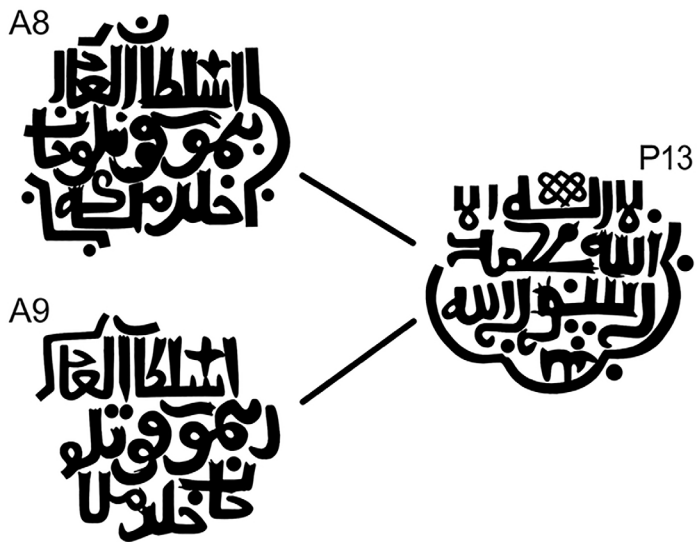

Рис. 4.
Реконструкция штемпелей монет хана Тимур-Кутлуга,
ок. 800 г.х.

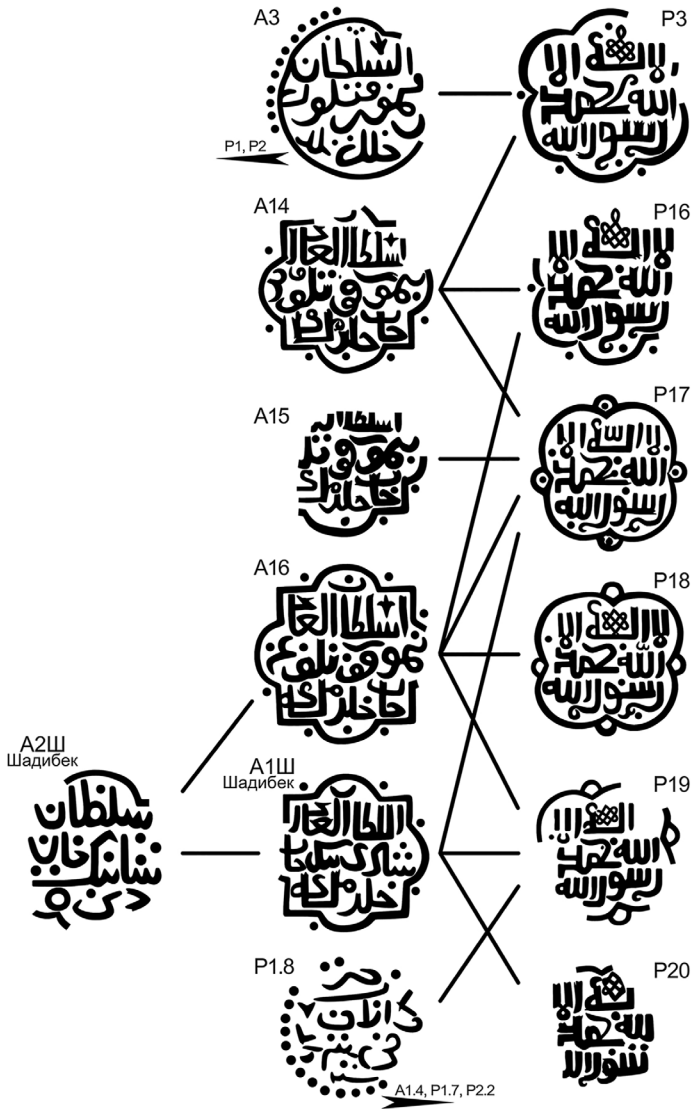

Рис. 5.
 Реконструкция штемпелей монет хана Тимур-Кутлуга и хана Шадибека,
 ок. 800–803 гг.х.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОДИССЕЯ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ

А. С. Тимощук

*Россия, Владимир, Владимирский государственный
университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Тюркская семья – это мощная этническая общность, насчитывающая более 170 миллионов представителей. Туранцы оказали мощное влияние на облик Евразии, обосновавшись практически на всей её протяжённости с Запада на Восток, предпринимая попытки военного продвижения на юг (сельджуки, тимуриды, бабуриды). Истоки тюркских народов уходят в палеолитическую древность. Они могут иметь одного предка с индоевропейцами, угрофиннами и монголами, составляя, таким образом, крупнейший суперэтнос.

Ключевые слова: туран, тюрки, огузы, сельджуки, чингизиды, чагатаи, тимуриды, бабуриды.

ETHNO-CULTURAL ODYSSEY OF THE GREAT MOGULS

The Turkic family – is a powerful ethnic community with more than 170 million representatives. The Turans had a powerful influence on the appearance of Eurasia, settling on almost its entire length from West to East, making attempts to military advance to the south (Seljuks, Timurids, Baburids). The origins of the Turkic peoples go back to Paleolithic antiquity; they can have one ancestor with Indo-Europeans, Ugro-Finns and Mongols, thus making up the largest superethnos.

Keywords: Turan, Türks, Oguzes, Seljuks, Chingizids, chagatai, Timurids, Baburids.

Тюркские народы – это большая общность, происхождение которой ведут с урало-алтайской праэпохи, как и финно-угорские

этносы. Денисовский человек, найденный на Алтае, открывает новую страницу в истории Сибири, которая может рассматриваться как одна из колыбелей этногенеза. Именно из Сибири происходят тюркские и угрофинские народы, общим предком которых, возможно, был «алтайский человек» [3].

Наряду с индоевропейцами тюркская семья образует одну из значительных общностей. Тюркские народы – это пассионарии, которые создали такие государства как Турция, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, воплощая смысл этнонима *турук* (*тур*) «стоящий», «сильный», «процветающий», «достигающий расцвета». Тамерлан, Осман I, Мехмед II, Захириддин Мухаммад Бабур, Мустафа Кемаль Ататюрк, Гейдар Алиев, Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов, Реджеп Тайип Эрдоган – это примеры национальных стратегов, достигших успеха в организации сильных государственных институтов, утверждении тюркских интересов в глобальной политике.

Основатель державы Великих Моголов (Бабуридов) стал основоположником новой индийской государственности, которая длилась около 300 лет до прихода англичан. Его победы в Индии позволили расширить государство от Восточного Афганистана до Бенгалии.

Здесь он выступил в качестве закалённого военачальника, умеющего убеждать воинов, вести тяжёлые и долгие походы, использующего все достижения военной науки узбеков (построение фланговой атаки тулугма) и персов (огнестрельное оружие).

Этот блестящий успех разительно отличался от его бывших набегов на Самарканд. Сила, сосредоточенная в Кабуле, была небольшой, природные условия неблагоприятны, противники, афганские вожди и индийские правители, имели огромный потенциал сопротивления. На юге находились королевства Малва и Гуджарат, обладающие обширными ресурсами, в то время как в Раджастхане Рана Санга из Мевара (Удайпур) возглавлял могущественную конфедерацию, угрожающую всему мусульманскому положению в северной Индии. Первая проблема Бабура состояла в том, что его собственные последователи, страдающие

от жары и разочарованные враждебным окружением, хотели вернуться домой, как это сделал когда-то Тимур. Для Тамерлана важнее было устранить конкурента – Золотую Орду, Индия не входила в сферу его интересов. И вот его потомок, тимурид Бабур, которому тесно в Средней Азии, обращается на юг, где правили разрозненные князья. Используя угрозы, обещания и призывы, красочно описанные в его мемуарах, Бабур смог удержать своих последователей после вступления из Кабула в Пенджаб в 1525 г.

21 апреля 1526 года при Панипате Бабур сумел использовать преимущества быстрого перестроения и использования огнестрельного оружия. Панипат, город-страж на севере Индии, в очередной раз стал свидетелем решающего сражения, в котором определялась судьба Бхарата-варши.

Равнина между Сатледжем и Джамной представляла удачную возможность Бабуру для манёвра конницей и использования «огненных палок и брёвен». Войска Ибрахима Лоди были разбиты наголову, а сам султан погиб на передовой.

Свидетелем событий при Панипате стал Кохинур (гора света), крупнейший алмаз (191 карат), добытый когда-то в рудниках на берегах реки Кришна и поднесённый Бабуру в честь его победы. Впоследствии бриллиант был завещан одним из владельцев храму Джаганнатхи в Пури, а сейчас находится в лондонском Тауэре на музейном обозрении.

Затем Бабур столкнулся с Рана Сангой, выдвинул против него примерно 100 000 всадников и 500 боевых слонов. Поскольку большинство соседних цитаделей все еще удерживались его противниками, Бабур был практически окружен. Он искал божественной милости, отказываясь от спиртных напитков и разбивая винные сосуды. Его призывы и воля к победе увлекли войско, которое выступило 16 марта 1527 года в Кхануа, в 60 км к западу от Агры. Бабур использовал свою обычную тактику – барьер из повозок по центру с артиллерийскими отделениями и летучей кавалерией. Залпы пушек поразили слонов, а фланговые атаки сбили с толку раджпутов, которые после 10 часов сопротивления были сломлены.

Владения Бабура были теперь в безопасности от Кандагара до пустыни Раджпут с фортами Рантхамбор, Гвалиор и Чандери; от Синдха до границ Бенгалии. Однако в этом большом районе не было единого управления, только скопище враждующих царьков. Империя была завоевана, но она должна быть организована. Таким было каверзное наследство, которое Бабур передал своему сыну Хумаюну. По легенде, когда в 1530 году Хумаюн смертельно заболел, Бабур предложил свою жизнь Богу в обмен на жизнь сына. После исполнения обета Хумаюн выздоровел, а здоровье Бабура ухудшилось, и тот умер в том же году. Основную же работу по консолидации империи выполнил его внук Акбар. Бабур обеспечил стратегическое тюркское лидерство могольской династии в Индии, которое определило её доминирование следующие три столетия [6].

Бабур остался в памяти как гениальный стратег и строитель империи, обладающий личной харизмой, эстетическим вкусом и литературным дарованием. Его прозаические мемуары «Бабур-наме» получили известность за редкий автобиографический стиль. Они были переведены с тюркского языка на персидский в царствование Акбара (1589 г.), а затем на английский язык и впервые опубликованы в 1921–22 гг. В произведении правитель предстаёт необычайно великодушным, широкомыслящим, культурным и остроумным для своей эпохи.

Бабур является ярким представителем «ученых во власти» в империях и государствах, основанных представителями тюрко-монгольских народов (Улугбек, Шибани-хан, Дулати) [1]. Сын Бабура Хумаюн унаследовал от отца любовь к поэзии, астрологии и астрономии, а внук Акбар не только укрепил могущество династии, но и способствовал расцвету наук и искусств Индии. Век Акбара с его идеями рациональной религии, веротерпимостью и секуляризацией можно считать апогеем Просвещения династии Тимуридов в Азии. Могольские правители шли своим путём к свободе, справедливости и процветанию и к эпохе Акбара создали цивилизацию, конкурентную европейской, уступая только в технологиях. Моголов отличала чуткость к новациям в области

государственного управления и военной науки. Сочетание кочевой жизни с её быстрыми набегами и восприимчивости к учёности, литературе и знаниям отличает всех выдающихся представителей тюрко-монгольских народов и дало им стратегическое преимущество в цивилизационном развитии.

Благодаря их покровительству наукам до нас дошли бесценные сведения об истории того периода, взаимоотношениях Азии и Европы. Культурные контакты монголов, тюрков, индоевропейцев – это евразийский проект глобализации, который имеет свой голос в полифонии смыслов мирового порядка.

Особо следует отметить роль Бабуридов в эстетическом дискурсе. Они интегрировали темы, сюжеты, концепты пути бхакти, который оказался близким суфизму своим деятельственным и гуманистическими аспектами.

Бабуриды подарили нам впечатляющий образец духовного синтеза идей буддизма, сикхизма, джайнизма, вайшнавизма, христианства и ислама [4]. Будучи восприимчивыми учёными, поэтическими натурами, они распознали в добродетелях бхакти (воспитание, милосердие, верность, равенство, толерантность) те смыслы, которые транслировали их великие предки – Аль-Фараби, Навои и Бабур.

Главной целью литературы бхакти было совершенствование человека, воспитание гармоничной личности независимо от социального происхождения. Литература бхакти своим гуманистичным посылом в своё время завоевала уважение низших каст индийского общества. Ислам как религия равенства и внекастовая бхакти способствовали воспитанию нового человека в Юго-Восточной Азии. Народный синтез новой религии (Нанак) подкреплялся тем, что сами бабуриды читали и интерпретировали тексты поэтов бхакти, живших в период правления Акбара, Джахангира, Шах Джахана и Аврангзеба, писавших на языках брадж и авадхи (современный хинди) [2].

При содействии бабуридов происходит развитие литературы бхакти, созвучное суфизму. Она становится посредником процессов взаимодействия между индийскими и мусульмански-

ми культурами. Бхакти, как *tertium comparationis*, позволяет обрести то общее качество, которое, казалось бы, отсутствует при ближайшем рассмотрении между Мавераннахром и Гаудой. Мистическое чувство единства, вселенского братства, космической любви.

Санскритский эпос давал суфийским поэтам широкий спектр смыслов и образов Рамаяны и Махабхараты [5]. Концепции гуру бхакти (преданность учителю), джйоти (свет), ананда (блаженство) стали неотъемлемой составляющей суфийской мистической практики. Арабо-исламские концепты также вполне коррелировали с **санскритскими** категориями бхакти: дунья (материальный мир, бренность, мнимость, **майя**), ахират (вечная жизнь, **вайкунтха**), тарикат (путь, практика, **садхана**), Коран (откровение, **шрути**), Сунна (предание, **смрити**), муршид (наставник, учитель, **гуру**), мюрид (ученик, **шишья**), зухд (отрешённость, воздержание, **тьяга, санньяса**), нафс (душа, эго, страсти, **аханкара**), рух (дух, **брахман**), иджма (единогласие, **сиддхан-та**), салам (мир, шанти), рахма (милость, **каруна**), фикх (право, **дхарма**), мавлид (явление, **авирбхава**), наби (пророк, **аватара**), авалия (святой, **махатма**), кутб (иерарх, **чакравартин**), зикр (памятование, молитва, **джапа**), хадра (совместное пение, **киртан**), барака (небесный дар, благодать, **прасад**), адаб (предписания, нормы, обеты, **врата**), истинджа (личная гигиена, **шаучам**), ямин (культовое разделение левой и правой руки, **вамачара и дакшиначара**), тахарат (омовение, **снана**), наджаса (нечистоты, **мала**), кибла (ориентация действий, **дик**), фарз (обязанности, **виддхи**), харам (запрет, **нишеддха**), кафир (неверный, **пашанди**) и Т. Д. И суфизм, и бхакти учили тому, что Бог – это повседневная мистическая реальность, достичь которой ученик может под руководством мастера.

Таким образом, Бабуриды сыграли стратегическую роль не только в политическом самоопределении многих политических субъектов в Азии, но и выступили агентом особой азиатской глобализации, содействуя взаимодействию монгольской, узбекской, персидской, индийской культур в едином историко-литературном контексте эпохи.

Список источников и литературы

1. Кадырбаев А. Ш. Ученые на троне (повествование о тимуридах и чингизидах – государственных мужах и ученых в одном лице) // Иран-наме. 2008. № 2. С. 73–82.
2. Мухибова У. У. Литература бхакти эпохи Бабуридов: автореф... д. филол. н. Ташкент: ТашГИВ, 2015. 87 с.
3. Назарова А. Ф., Новгородов Н. С. Северная Азия (Сибирь) – место дифференциации скифов и других европеоидных популяций // Наука. Образование. Общество. 2014. № 2. С. 174–198.
4. Тимошук А. С. Христианство, ислам и ведическая культура, как единое поле экзистенциальных смыслов // Альманах ведической культуры. 2004. № 1. Москва: Открытый ведический университет, 2004. С. 54–59.
5. Тимошук А. С. Эпос «Махабхарата» как ретранслятор эстетических смыслов // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского. Материалы Международной конференции. Якутск: СВФУ, 2018. С. 143–144.
6. Garza A. Babur, Akbar and the Indian Military Revolution. 1500-1605. London: Routledge, 2016. 220 p.

ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР

Н. П. Турова

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

Статья посвящена анализу коллекции художественных бронз с птицевидными изображениями, обнаруженной в ходе археологических исследований на грунтовом могильнике Вак-Кур. Дано описание предметного комплекса, осуществлен поиск аналогий; определены ассортимент изделий с орнитоморфными изображениями, видовая принадлежность образов и их иконографические особенности.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха Средневековья, юдинская культура, могильник Вак-Кур, птицевидные изображения, бронзовая пластика.

ORNITHOMORPHIC IMAGES IN METAL PLASTIC OF THE MEDIEVAL BURIAL VAK-KUR

The article is devoted to the analysis of a collection of artistic bronzes with bird-like images discovered during archaeological research at the Vak-Kur burial ground. The description of the subject complex is given, analogies are searched for; the range of products with ornithomorphic images, the species of images and their iconographic features are determined.

Keywords: Western Siberia, Middle ages, Yudinskaya culture, Vak-Kur burial, bird-like images, bronze plastic.

В анималистическом жанре сибирского средневекового искусства достаточно часто воплощались в бронзе образы представителей орнитофауны. Именно эти высокохудожественные и

семантически насыщенные изделия составляют значительную часть «золотого фонда» эпохи Средневековья.

В ходе археологических исследований на могильнике Вак-Кур также были обнаружены бронзовые изделия с изображениями птиц: рукояти ножей, защитные пластины (наручи), накладки на ремни; плоские подвески, объемные пронизки с реалистичными и схематичными образами представителей орнитофауны. Цель данной работы – характеристика коллекции бронзовых изделий, содержащих орнитоморфные изображения, с крупнейшего некрополя юдинской культуры – могильника Вак-Кур.

Памятник датируется X–XI вв., находится в Яркловском районе Тюменской области, на правом берегу р. Тобол. К настоящему времени изучено 220 погребений данного некрополя [1; 9]. Характерной особенностью погребальной обрядности является использование погребальных лицевых покрытий, а также поломка части сопроводительного инвентаря; подавляющее количество захоронений некрополя нарушено постингумационными проникновениями, в результате чего кости погребенного и инвентарь смещены с первоначальных мест и находятся в могилах, в их заполнении и межмогильном пространстве [16; 19; 20].

Рукояти ножей. Из восьми бронзовых рукоятей, происходящих с могильника Вак-Кур, на трех имеется изображение птицы (рис. 1, 6). Изделия различных размеров (высотой от 7,5 см до 15, 25 см), композиционно состоят из трех зон: практически свободная от декора нижняя зона, у втулки; средняя зона, состоящая из трех «лепестков» (крайние обычно украшены косыми насечками, а средний заполнен жемчужинами); и верхняя зона – профилированное изображение хищной птицы (в одном случае, вероятно, изображена не реальная птица, а мифическая [18]) (рис. 1, 6).

Подобные рукояти, относимые исследователями к кругу вещей так называемого «обского» типа, были распространены в таежной части Западной Сибири в развитом Средневековье. Аналогии вак-куровским рукоятям встречены среди материалов Ликинского могильника лесного Зауралья [6, с. 270], в Юганском Приобье – в погребении X–XI вв. могильника Усть-Балык

[13, с. 98, рис. 22, 4].

Защитная пластина для защиты руки от удара тетивы. Изделие из белой бронзы высотой 5,2 см и шириной 9,6 см, представляет собой ажурную пластину трапецевидной формы, выгнутую вдоль длинной оси. Изделие декорировано жемчужным кантом, окаймляющим пластину по трем сторонам, а также изображениями пяти филинов с распахнутыми крыльями. Птицы изображены достаточно схематично: нижняя часть туловища и ноги не обозначены (рис. 1, 7). Подобные наручи, преимущественно костяные, характерны для Западной Сибири. Бронзовые изделия немногочисленны. Щитки для защиты руки с изображениями филинов имеются среди материалов могильника X–XI вв. Сайгатинский I [10, с. 88, рис. 98]; Эбаргульского курганного могильника усть-ишимской культуры [12, с. 330, табл. LXXXII]; в могильнике Барсов Городок в Сургутском Приобье [4, с. 84, рис. 27].

Наремненные накладки, 9 экз. (рис. 1, 4–5). Маленькие накладки в виде голов птиц (ушастых сов, филинов) или зверей характерны для памятников Пермского Предуралья и р. Чепцы, где они появляются с IX в. н.э. [5, с. 419].

Пронизки-уточки, 6 экз. (рис. 1, 11–12). Изделия представляют собой полые, двухсторонние, открытые снизу отливки различных размеров в виде стилизованного изображения уточки. Небольшая головка, закрученная в виде петельки, изображена довольно схематично. На спине – отверстие для подвешивания. Тулово гладкое или с валиками по бокам, в основании находятся две петли для лапчатых привесок. В погребениях такие пронизки располагались преимущественно в районе черепа [16, с. 199, рис. 1].

Наиболее ранние пронизки-уточки с привесками-лапками появляются в полемско-ломоватовских древностях IX в. [5, с. 443]. Большинство таких пронизок встречено на северо-западе Восточной Европы X–XI вв. [Там же]. В небольшом количестве их находят на западносибирских памятниках рубежа I–II тыс. н. э. [13, с. 72–73].

Крупные полые пронизки из белой бронзы, 2 экз. (рис. 1, 8).

1. Зооморфная пронизка с изображением схватки крупной

водоплавающей птицы со зверем. Пронизка отлита в двухсторонней форме, полирована. Изделие шириной 9,2 см и высотой 9 см. На спинах персонажей, сверху и снизу пронизки, имеются круглые отверстия-втулки для продергивания ремешка. Втулка на спине животного более высокая, что позволяет рассматривать ее в качестве верхней (птица находится под зверем). Персонажи расположены «лицом к лицу», мощными трехпальными лапами упираются друг в друга, своими телами образуя замкнутый овал. Наиболее близка вышеописанному изделию пронизка из Сайгатинского I могильника, изображающая сцену терзания хищной птицей животного [10, с. 97, № 142].

2. Пронизка в виде водоплавающей птицы представляет собой полуо, открытую снизу отливку шириной 4,8 см, высотой 4 см, толщиной 1,4 см с изображением крупной водоплавающей птицы (гусь, лебедь), стоящей на дугообразном основании (рис. 1, 8). На спине – отверстие для подвешивания. Подобные зооморфные объемные пронизки бытовали в Таежном Прииртышье, Нижнем и Среднем Приобье в X–XI вв. [10, с. 93–96].

Привески-лапки, 12 шт. (рис. 1, 9-10). Представляют собой схематичное изображение перепончатых лапок водоплавающих птиц; по размеру делятся на маленькие (9 экз.) и большие (3 экз.). Петельки располагались в одной плоскости с изделием или перпендикулярно ему. Найдены как отдельно, так и в составе сложносоставных украшений (в качестве привесок на пронизках-уточках, медных цепочках, умбоновидных подвесках использовались маленькие привески-лапки). Данные привески являются наиболее типичными для материалов IX–X вв. Пермского Предуралья [5, с. 400].

Плоские подвески-птички (рис. 1, 1–3, 9). Найдено 6 изделий. Пять находок представлены фрагментами и лишь одно изделие целое (птицевидная подвеска с якоревидной подвеской и лапчатой привеской). Последняя (рис. 1, 9) представляет собой плоскую отливку, выполненную в виде фигурки птицы, размером (без привесок) 7,0 x 5,0 x 0,2 см. На спине, по центру изделия, и в нижней части туловища имеются два округлых отверстия для

привешивания, оформленные в специальных выступах. Птица изображена в профиль, голова крупная, шея короткая и мощная, туловище массивное, хвост раздвоенный. Рельеф отливки читается с трудом. Детали (миндалевидный глаз, намеченная на клюве ноздря, абрис фигуры) показаны неглубоким желобком. Изображение стилизовано, но контур подвески, пропорции птицы позволяют видеть в ней представителя подсемейства тетеревиных.

Четыре фрагмента от подобных подвесок, выполненные из белой бронзы, представляют собой небольшую верхнюю часть изделия – голову (рис. 1, 1–3). Подвески были отлиты в двухсторонней форме; профилированные головки птиц имеют подтреугольную конфигурацию; глаза и разрез клюва показаны желобками или валиками; шея также декорирована поперечными валиками.

Еще одно изделие представлено двумя обломками (головка и хвост). Профилированная голова птицы имеет подтреугольную конфигурацию; хвост раздвоенный. Фрагменты сильно окислились, поэтому детали оформления изображения практически не просматриваются.

В Западной Сибири подобные орнитоморфные подвески были найдены в Сургутском Приобье в погребениях X–XI вв. могильника Барсов Городок [4, с. 89, рис. 53; с. 102, рис. 111; с. 107, рис. 137], среди материалов с жертвенного комплекса Сайгатинского VI могильника X–XI вв. [8, № 22; 14, с. 80, рис. 173, 174], святилища Сайгатинское I, X–XII вв. [10, с. 98, 143, кат. № 153–154]; в таежном Прииртышье на памятниках усть-ишимской культуры X–XII вв. [3, с. 99, рис. 22, 29; 11, с. 446, рис. 250–255]; в лесном Зауралье на Ликинском могильнике юдинской культуры X–XIII вв. [6, с. 141, рис. 131, 1–2]. Все вышеназванные находки, включая и вак-куровские, представляют собой профилированные изображения крупной боровой птицы (глухарь/тетерев).

Анализ локализации данных плоских птицевидных подвесок в погребениях могильника Вак-Кур, а также характер их поломки и особенности залегания относительно костяков, позволили говорить о значительной роли данных отливок в погребальной обрядности юдинского населения [17].

Ажурные подвески, 3 экз. (рис. 1, 13–14). На двух подвесках (подквадратной формы, с петелькой, растительным орнаментом) так называемого сrostкинскогo типа имеется изображение композиции из двух профилированных птиц, расположенных в зеркальной симметрии относительно центральной оси изделия (рис. 1, 14). Ажурные подвески с орнитоморфными изображениями или без них характерны для сrostкинских памятников X–XI вв. Верхней Оби [2, с. 195, рис. 48, 9–12; 7, табл. LV, 8–11].

Одна подвеска декорирована круглыми розетками и выступающими по бокам птичьими головками (рис. 1, 13). Практически идентичное изделие происходит из кочевнического погребения IX–X вв. Соль-Илецкого района Оренбургской области [21, с. 265, рис. 3, 2].

Итак, значительная часть вышеописанных артефактов входит в круг западно-сибирских древностей; часть изделий характерна для культуры кочевников Верхней Оби, а часть – для древностей Приуралья и северо-запада Восточной Европы.

Определить видовую принадлежность изображенных птиц в большинстве случаев сложно из-за некоторой схематичности в передаче образов. Все изображения можно разделить на три группы: изображения хищных птиц (представители отряда соколообразных, совиных); водоплавающих – утки, гуси, лебеди; крупная боровая птица – глухари, тетерева. Образы последних воспроизводились исключительно на плоских подвесках.

Птицы изображались в профиль, со сложенными крыльями (кроме филинов, для которых характерно изображение в фас, с распахнутыми крыльями); изображались как сами пернатые, так и части их тел (головы, лапки); фигурки в основном статичные.

Таким образом, несмотря на ограбленность могильника Вак-Кур, ассортимент изделий с орнитоморфными изображениями достаточно широк. Подавляющее число птицевидных образов присутствует на бронзовых украшениях, что характерно для всей лесной полосы Западной Сибири рубежа I–II тыс. н. э. [10, с. 39].

Список литературы

1. Адамов А. А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX, часть I. 2003. С. 248–250.
2. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
3. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск – археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
4. Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург – Сургут: «Уральский рабочий», 2005. 184 с., ил.
5. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск: Монография / Перм. гос. пед. ун-т.-Пермь, 2008. 603 с.
6. Викторова В. Д. Древние Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Издательство Квадрат, 2008. 208 с.
7. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА, № 48. М.-Л. 1956. 163 с., ил.
8. Древние бронзы Оби. Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея: Каталог. Сургут, 2000. 47 с.
9. Зах В. А., Чикунова И. Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.
10. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Фёдорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
11. Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Издат. Дом «Наука», 2007. 466 с., ил.
12. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
13. Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука. 2001. 296 с.
14. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург–Сургут: издательство Магеллан, 2011. 152 с.

15. Турова Н. П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I-II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76.

16. Турова Н. П. Лицевые покрытия в погребальной практике юдинского населения Нижнего Притоболья // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 198–208. DOI: 10.17223/15617793/443/24

17. Турова Н. П. Плоские птицевидные подвески в погребальном обряде юдинского населения (по материалам могильника Вак-Кур) // Тобольск научный – 2016: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). Тобольск: Типография «Принт-Экспресс», 2016. С. 156–159.

18. Турова Н. П. Попытка интерпретации одного элемента декора на средневековых западносибирских рукоятях с орнитоморфным навершием. С. 322–325 // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов/ гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомиров, Н. Н. Серегин. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015а. С. 322–325.

19. Турова Н. П. Преднамеренная порча погребального инвентаря в среде юдинского населения // Тобольск научный – 2010: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, Россия, 12–13 ноября 2010 г.). Тобольск: «Полиграфист», 2010. С. 123–125.

20. Турова Н. П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015б. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 191–193.

21. Федорова-Давыдова Э. А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы / МИА. Вып.169. М., 1969. С. 262–266.

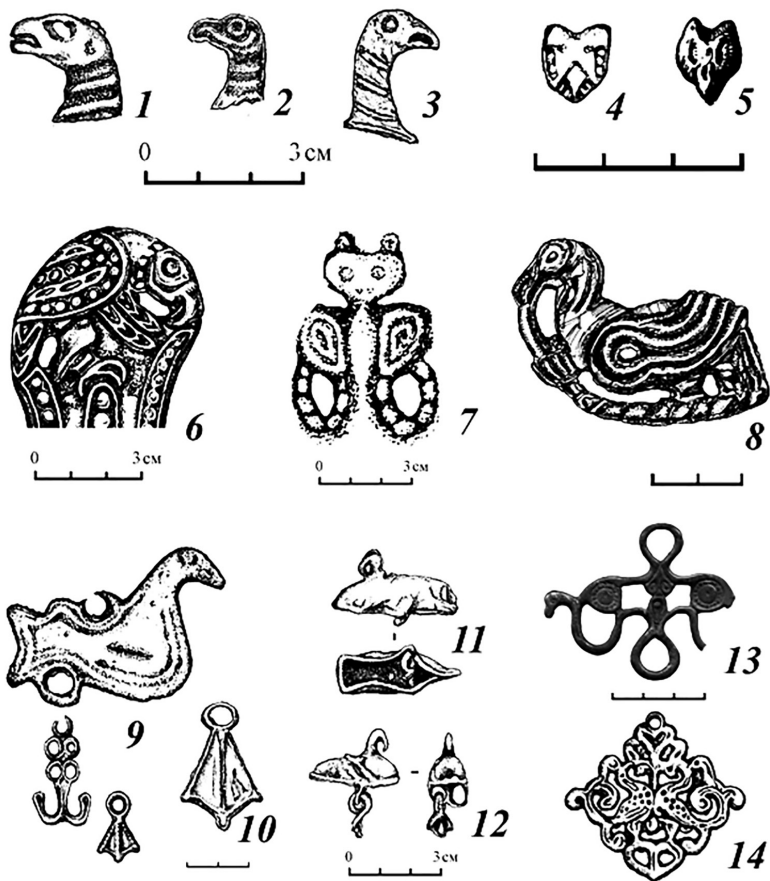

Рис. 1.
Могильник Вак-Кур. Изделия с птицевидными изображениями.

О ЧИСЛЕННОСТИ СИБИРСКИХ ТАТАР В XVI–XVII ВВ. ПО ДАННЫМ ИСТОРИКОВ-СИБИРЕВЕДОВ*

З. А. Тычинских

*Россия, Тобольск, Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН*

В статье поднимается вопрос о численности татарского населения Западной Сибири в «дорусский» период и в первое столетие в составе Московского государства. На основе приводимых в исторической литературе сведений показана динамика происходивших изменений в численности и составе татарского населения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сибирские татары, служилые и ясачные татары, численность населения.

ABOUT THE NUMBER OF SIBERIAN TATARS IN THE XVI–XVII CENTURIES ACCORDING TO HISTORIANS-RESEARCHERS OF SIBERIA

The article raises the question of the number of the Tatar population of Western Siberia in the «pre-Russian» period and in the first century as part of the Moscow state. Based on the information provided in the historical literature, the dynamics of changes in the number and composition of the Tatar population is shown.

Keywords: Western Siberia, Siberian Tatars, the Serving and Yasak Tatars, the number of population.

Вопрос о численности татарского населения Западной Сибири в период ее освоения Московским государством остается

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Грант № 18-013-00942)

одним из дискуссионных. Как считает большинство исследователей, территория края в конце XVI–XVII вв. была довольно малонаселенной. И, даже на рубеже XVII–XVIII вв. общая численность всех сибирских народов составляла около 240 тыс. человек [4; 5; 9]. Нет точных данных и о численности аборигенного населения более раннего времени – периода Сибирского ханства. Известно лишь, что послы сибирского правителя Едигера, прибывшие в Москву в 1555 г., определяли число «черных людей» ханства, облагавшихся ясаком, в 30700 человек. В грамоте Ивана IV об обложении их данью приводится округленная цифра 40 тысяч человек. Видимо, в это число улусных людей входили и небольшие группы угров, подвергшиеся в этот период ассимиляции со стороны тоболо-иртышских татар [10, с. 42].

По данным П. Н. Буцинского, в начале XVII в. общая численность служилых и ясачных инородцев (мужчин) «в семи уездах не превышала и 4000 человек» [2, с. 26]. Далее он обращает внимание на «громаднейшую разницу» между этими данными, высчитанными им по ясачным книгам и другим архивным документам, и сведениями всего полувековой давности послов Едигера о «30700 человек черных людей» Сибирского ханства. В итоге П. Н. Буцинский приходит к выводу, что «во время завоевания Сибирского царства погибла масса инородцев» [2, с. 26].

Этот вывод подтверждается сведениями и других документов. Так, например, в Наказе русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину сообщается, что в решающем сражении с ханом Кучумом в 1598 г. «...государевы наши люди зашед Кучума царя на поле, побили на голову самого Кучума царя да брата его Илитеня царевича и детей его и племянников и с ним трех царевичей ми многих князей, и мурз и всяких людей побили болши шти тысяч человек...» [7, с. 50–51]. Даже если сведения о побитии «болши шти тысяч человек» являются преувеличенными (по другим источникам приводятся меньшие цифры: к примеру, Б. О. Долгих называет число погибших в данной битве 370 человек [3, с. 62], а общее число ушедших с ханом Кучумом людей примерно в 1000 человек [10, с. 81]), нет сомнения

в том, что значительная часть сибирско-татарского населения в период завоевания Сибири погибла. Прежде всего, это касается военно-служилой страты, которую составляли феодальная знать и служилые татары. Исходя из этого, можно предположить, что количественное соотношение между и обычно «немногочисленной» служилой стратой и ясачным населением в результате военного этапа колонизации Сибири могло значительно измениться в сторону уменьшения численности служилых татар.

Также имеются многочисленные сведения о миграции значительной части татарского населения, как отдельных семей и родов, так и целых племен, на другие территории. Обложение ясачными поборами со стороны царских властей стало причиной того, что в первые десятилетия после присоединения Сибири к Русскому государству часть татар бежала. Так, в 1595 г. «ушли» 30 башкир и татар Бачкырской и Кинырской волостей Тюменского уезда, а также 50 семей служилых татар. Известно, что в 1615 г. «изменили и ушли» тюменские татары Терсяцкой волости, а в 1595 г., не желая принять русское подданство, из Черного городка на Иртыше, взятого тарским головой Борисом Доможировым, бежало 90 аялынцеv с семьями. Вместе с этими аялынцеvми из Черного городка убежало и 50 «малогородцев» [10, с. 50]. В конце XVI в., после первого поражения хана Кучума в 1582 г., часть тоболо-иртышских татар (в том числе и отдельные семьи тюменских татар) уходит на территорию Притомья и на Чулым. Н. А. Томилов приводит сведения о том, что качинская группа будущих хакасов включила в свой состав кроме потомков енисейских киргизов, кето- и самодийскоязычного населения, также и «...сибирских татар, пришедших, по преданию качинцев, с Тобола». А в составе кызыльцев Н. А. Томилов, вслед за Л. П. Потаповым, указывает на существование группы аргын, которая продвинулась на Чулым «в последней четверти XVI в. с Тобола вместе с частью сибирских татар» [10, с. 4].

Таким образом, можно отметить, что в результате колонизации Сибири происходит значительное сокращение как общей численности татар на территории бывшего Сибирского ханства,

так и (в особенности) численности татарской военно-служилой страты. В связи с этим, следует заметить, что приводимые на начало XVII в. данные по численности служилых татар и их соотношению с ясачными, скорее всего, не соответствовали сложившимся пропорциям между служилым и ясачным населением в период Сибирского ханства. Если исходить из приведенной выше цифры ясачных людей в 30700 человек, то, соотнося их с предлагаемыми Д. М. Исаковым пропорциями служилого и ясачного сословия 1:5, можно предположить, что численность служилого сословия периода Сибирского ханства могла составлять около 6 тысяч человек. К сравнению, численность служилого сословия в Казанском ханстве, а именно ядра войска из «казаков», была около 12 тыс. воинов. Численность же воинов Крымского ханства составляла 15–20 тыс. человек [6, с. 68–69].

В конце XVI – XVII вв. служилые татары проживали в Тобольском, Тюменском, Тарском и Томском уездах. Н. А. Томилов приводит сведения о численности служилых и захребетных татар в XVII в. по уездам.

По Тобольскому уезду в конце XVI – начале XVII в. он называет следующие цифры: служилых татар здесь было 261 человек, захребетных – 200. На середину XVII в. (1650–1652 гг.) численность служилых составляла 250 человек, захребетных – 200 человек, к концу века (1697–1700 гг.) служилых татар было 263 человека, захребетных – 200 [10, с. 82–83]. По данным, приводимым Н. И. Никитиным, в 1630 г. тобольских юртовских служилых татар насчитывалось 252 чел., в 1663 г. – 249 чел., а в 1699 г. – 256 человек [8, с. 33]. Практически не отличаются от данных предыдущих исследователей сведения о численности тобольских служилых татар, приводимые С. В. Бахрушиным. Он определяет число служилых тобольских татар 250–255 человек. «А с братьями, детьми и другими неслужащими родственниками их было всего в 1635 г. 461 человек» [1, с. 163].

По подсчетам Б. О. Долгих, в начале XVII в. среди коренного населения Тобольского уезда было 872 плательщика ясака. Общее же число ясачного татарского населения им определяется

в 3500 человек. В конце XVII в. число ясачных татар составляло 1243 человека, а всего ясачного населения было 4970 человек [3, с. 59]. По данным Н. А. Томилова, в начале XVII в. число служилых татар Тобольского уезда составляло 261, а вместе с семьями – 1330 человек. Захребетных тобольских татар было около 200 человек, а вместе с семьями их было 1020 человек. Б. О. Долгих, вслед за С. В. Бахрушиным, считал, что тобольские служилые татары – это «прямые потомки господствовавшего татарского ядра Сибирского ханства», которые вместе со своими захребетниками представляли определенное этнографическое единство [3, с. 61–62]. Н. А. Томилов считает, что искеро-тобольские татары, которых он определяет, как центральную подгруппу тобольских татар, сложились в основном из коренных тюрков – потомков древнего тюркоязычного населения этой территории, пришлых ногайцев и среднеазиатских тюрков [10, с. 67]. Большинство населения здесь составляли юртовские служилые татары, их родственники и захребетники, которые не платили ясак. Определенная часть их была занята военной службой, а часть – ямской гоньбой по дорогам, ведущим из Тобольска [10, с. 68].

Таким образом, общая численность служилых и захребетных татар в начале XVII в. составляла 460 человек, а вместе с семьями – 2350 человек. Значит, соотношение служилых (вместе с захребетными) к ясачным татарам в начале XVII в. по Тобольскому уезду было примерно 1:2, а служилого населения (вместе с захребетными) к ясачному – 2:3. Без захребетных татар соотношение служилых и ясачных определяется как 1:4. Численность служилых татар и захребетных татар к концу XVII в. почти не изменилась, оставаясь в основном фиксированной, но соотношение служилых (с захребетными) и ясачных татар несколько изменяется. Теперь оно соотносится примерно как 1:3, а без захребетников – 1:5.

Тобольские юртовские служилые татары были расселены на всем незанятом перечисленными волостями пространстве в районе впадения Тобола в Иртыш и вверх по Иртышу до границ Тарского уезда. На этой территории был построен г. Тобольск, здесь же находились татарские городки Сузгун, Бицик, Чувашев,

Аттиков, Ебалаков, Карачев, часть которых сохранилась до настоящего времени в виде юрт Соусканских, сел Бизина, Абалак, Карачина [3, с. 61]. Селения служилых татар в Тобольском уезде располагались неподалеку от города Тобольска по берегам рек Иртыша и Тобола.

В начале XVII в. (1627 г.) численность тюменских служилых татар составляла 117 человек, захребетных – 106. Кроме того, некоторое время у тюменских татар существовала категория гонимых татар – 61 человек. В середине столетия (1644 г.) служилых было 108 человек, захребетных – 105, в конце века (1699 г.) – служилых 119, захребетных – 105 человек [10, с. 44].

По данным исследователей, в 8 волостях Тюменского уезда (Кынырский городок, Бачкырская, Терсяцкая, Иленский городок, Шикчинская, Каскаринская, Пышминская и Исетская) в начале XVII в. проживало 293 ясачных татарина, всего же ясачного населения в этот период было 1170 человек. Относительно численности населения Тюменского уезда в середине и конце XVII в. имеются следующие данные: число плательщиков ясака по 9 волостям, включая, кроме вышеназванных, еще и Искинскую, составляло 389 человек, всего же ясачного населения вместе с семьями было 1550 человек. Служилых юртовских татар было 108, а вместе с родственниками – 430 человек [3, с. 43]. Таким образом, соотношение служилых и ясачных татар Тюменского уезда в начале XVII в. было примерно 1:3, а в середине и конце XVII в. – 1:4. Если включить в численность служилого населения захребетных и гонимых татар, то соотношение служилого и ясачного населения в указанный период составляло 3:4.

По мнению Н. А. Томилова, среди тоболо-иртышских татар тюменские татары были одними из наиболее ранних тюркских насельников этих мест. С их именем связано наиболее раннее государственное образование сибирских татар – Тюменское ханство, сложившееся в XIV в. Относительно обособленными они оставались и в составе Сибирского ханства [10, с. 17].

Он соглашается с мнением Б. О. Долгих о том, что «...служилые татары Тюменского уезда и татары Каскаринской волости

в прошлом составляли нечто целое... были известны под названием андреевских...» от наименования оз. Андреевского [3, с. 46–47]. Территория расселения тюменских служилых татар определяется им по р. Тоболу от устья Исети до устья Иски. По всей видимости, они возглавлялись князьями Каш(с)карой, Майтмасом и Варварой. Имя князя Кашкары сохранилось в известной нам Каскаринской волости в названиях деревень Большая и Малая Каскара. Имена Варвары и Майтмаса – в названиях татарских деревень на Тоболе: Варваринские юрты, Большие Матмасы, Малые Матмасы – в названии волости – Варваринской (впоследствии – Нердинской).

Н. А. Томилов обращает внимание на то, что тарские служилые татары и их захребетники имели свои собственные селения, которые располагались по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. «При нанесении на карту юрт аялыньских татар сразу же бросалось в глаза, что между ними и саргатско-урузскими татарами в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, т. е. как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники» [10, с. 139]. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникает отдельная Подгородная волость. Б. О. Долгих полагал, что тарские служилые татары происходили из волости Аялы [3, с. 49], однако с этим мнением не согласен Н. А. Томилов. Он указывает на то, что «тарские служилые татары со своими захребетниками жили в отдельных от аялыньцев селениях ясачных», опираясь при этом на данные переписной книги г. Тары и Тарского уезда 1698 г. К населенным пунктам служилых татар он относит юрты Кыргакские, Туралинские, Аиткуловы, Атацкие, Шиховы, д. Иткучакова, Атацкая, Бабина, Сеитова, Батуганова [10, с. 140].

По тарским служилым татарам Б. О. Долгих приводит следующие цифры. В 1626 г. их было 57, в 1691–65, в 1701 г. – 84 [3, с. 51]. Эти данные немного отличаются от цифр, называемых по тарским служилым татарам Н. А. Томиловым. По его подсчетам, в конце XVI в. тарских служилых татар насчитывается 57, захребетных – 60, на середину XVII в. (1645–1646 гг.) – служилых 45, захребетников – 45, и,

на конец XVII в. (1698 г.) – 57 служилых и 61 захребетный татарин [10, с. 147]. Как видим, эти цифры несколько меньше приведенных Б. О. Долгих. Возможно, что Б. О. Долгих в число служилых татар были включены некоторые из захребетников, занятых на службе, тем более, что сведений по захребетным татарам Б. О. Долгих не приводит.

Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов, как считает Б. О. Долгих, наибольшим количеством ясачного татарского населения [3, с. 49]. Как подчеркивают исследователи, отличительной чертой тарских татар является большее сохранение в их хозяйственной деятельности животноводства, поэтому есть основания полагать, что в период Сибирского ханства и позже эта группа еще вела полукочевой образ жизни. Кроме того, родоплеменная номенклатура тарской группы (коурдак, тав, карагай, аялы и др.) показывает ее связь с кочевниками Дешти-Кыпчака (особенно этническая близость наблюдается с северо-восточными группами башкир – племенем ай и др.) [11, с. 24]. Если среди ясачного татарского населения были группы иного (угорского, самодийского) происхождения, то к концу XVI – началу XVII вв. они были, по всей видимости, полностью тюркизированы. Б. О. Долгих называет следующие цифры плательщиков ясака Тарского уезда. На начало XVII в. их было 1262 человека, всего же ясачного населения было 5050 человек. К середине XVII в. численность плательщиков ясака составляла 762 человека, а вместе с семьями их было 3050 человек. К концу столетия насчитывается 985 плательщиков ясака. Общая численность ясачного населения волостей Саргач, Коурдак, Аялы, Бараба и «Калмыки» составляла 3940 человек [3, с. 52]. Следует заметить, что существенное сокращение численности ясачного населения Тарского уезда в середине XVII в., по сравнению с началом столетия, объясняется имевшим место постоянным оттоком тарских татар к кучумовичам, результатами восстания тарских татар в 1628–1629 гг., погромом Саргатской и Коурдакской волостей в 1631 г. калмыками вместе с царевичем Девлеткиреем, постоянными военными стычками с калмыками, уходом части населения от обложения ясаком [10, с. 148–149].

В 1631 г. происходит резкое уменьшение числа служилых татар, что было связано с их изменой и участием в восстании. Затем, по всей видимости, какая-то часть их вернулась и, возможно, была прощена местными властями. Увеличение служилых татар в 1634 г., по мнению Н. А. Томилова, было связано частично с принятием на службу на освободившиеся места детей служилых татар, а может быть и части захребетных [10, с. 148].

В конце XVII – начале XVIII вв. тарских служилых татар было 64 чел., захребетных – 58. Общая численность их всех с детьми и с женщинами составляла 440 чел. [10, с. 149].

Рост населения к концу XVII в., по мнению Б. О. Долгих, «...объясняется не только естественным приростом населения, но и «выходом из степей», и, вероятно, уточнением учета» [3, с. 50–51]. Значит, имела место и реэмиграция тарских и курдакско-саргатских татар.

Тем не менее, мы можем определить соотношение служилых и ясачных татар Тарского уезда в начале XVII в. как 1:22, в середине столетия как 1:15, и в конце XVII в. – как 1:11. Таким образом, даже несмотря на существенные колебания численности ясачного населения Тарского уезда в течение XVII в., доля служилых татар в составе населения Тарского уезда в XVII в. остается незначительной. Эти пропорции в соотношении служилого и ясачного населения заметно отличаются от данных по Тобольскому и Тюменскому уездам, где, особенно в Тюменском уезде, служилые татары составляли значительную часть татарского населения. На наш взгляд, это можно объяснить и тем, что многие из тарских татар изначально оказались в стане хана Кучума и его сыновей, а затем постоянно пополняли ряды кучумовичей. Ведь именно на территории Тарского уезда находились кочевья хана Кучума. Возможно, значительная часть тарской служилой знати вошла в состав войск хана Кучума, который после первого поражения кочевал со своими людьми относительно недалеко от курдакско-саргатских татар – в урочищах, от которых выходили пути на р. Вагай, а также к городкам Кулары и Тархан [10, с. 124].

Таким образом, нами приведены некоторые сведения о чис-

ленности татарского населения Западной Сибири в «дорусский» период и в первое столетие в составе Московского государства. Вместе тем, данный вопрос остается открытым и ждет дальнейших исследований.

Список источников и литературы

1. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. Т. III. Ч. II. М., 1955. С. 153–175.
2. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Сочинения в 2 томах. Т. 1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ, н. с. Т. 55. М., 1960. 622 с.
4. Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. Л., 1968. 538 с.
6. Исахов Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. 276 с.
7. Наказ русскому послу Александру Федоровичу Жировому-Засекину 1598 г. // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 21. СПб., 1892. С. 50–51
8. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 256 с.
9. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml
10. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981. 276 с.
11. Татары / Ред. Уразманова Р. К., Чешко С. В. М.: Наука, 2001. 583 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

ГИИНС – Государственное издательство иностранных и национальных словарей

ГИМ – Государственный исторический музей

г. х. – год хиджры

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского Губернского музея

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИИМК СО РАН – Институт истории материальной культуры Сибирского отделения Российской академии наук

КГУ – Курганский государственный университет

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МУП – Муниципальное унитарное предприятие

НАН Украины – Национальная академия наук Украины

НВГУ – Нижневартовский государственный университет

НГУ – Новосибирский государственный университет

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОИИФФ СО РАН – Объединенный институт истории, филологии и философии
СО РАН

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РВИА – Российский военно-исторический архив

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГНФ – Российский государственный научный фонд
РЭМ – Российский этнографический музей
СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГТИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТГИАМЗ (ТИАМЗ) – Тобольский (государственный) историко-архитектурный музей-заповедник
ТИЭ – Труды Института этнографии
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХГУ – Хакасский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ СОБОЛЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИЮ, АРХЕОЛОГИЮ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЮ СИБИРИ <i>С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов</i>	3
ПЕРСТНИ С ЧЕРНЮЮ С ГОРОДИЩА ТОБОЛ-ТУРА I <i>А. А. Адамов</i>	20
ТРИКСТЕРЫ И ГЕРОИ В ЭПОСЕ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ <i>Г. С. Вртанесян</i>	49
ПЕРВЫЕ ШАГИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ <i>Е. П. Загваздин</i>	74
ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ТАТАРЫ «БЕЛОЙ КОСТИ» В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ» (Часть II) <i>Д. М. Исхаков</i>	87
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ТЮРКСКОМ ИСКУССТВЕ <i>В. Г. Керимли</i>	116
«КАРА ТАВАРИХ» УТЕМИША-ХАДЖИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 1420-Х ГОДОВ <i>А. В. Парунин</i>	128
ЕНИСЕЙСКИЕ КЫРГЫЗЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ <i>Я. В. Пилипчук</i>	143
О НЕДАВНИХ НАХОДКАХ ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ <i>Р. Ю. Рева</i>	166
МОНЕТЫ «ПЕРВОГО» ПРАВЛЕНИЯ ХАНА ТИМУР-КУТЛУГА <i>Р. Ю. Савоста, Б. И. Леонов</i>	187
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОДИССЕЯ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ <i>А. С. Тимощук</i>	203
ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР <i>Н. П. Турова</i>	210
О ЧИСЛЕННОСТИ СИБИРСКИХ ТАТАР В XVI–XVII ВВ. ПО ДАННЫМ ИСТОРИКОВ-СИБИРЕВЕДОВ <i>З. А. Тычинских</i>	219
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	229

Научное издание

Сибирский сборник

Выпуск 5

Под редакцией
З. А. Тычинских

Корректор *Е. С. Полуянова*
Верстка *Л. П. Шлоссер*
Дизайн обложки *Е. П. Загваздин*

ISBN 978-5-6043047-8-5

Подписано в печать 18.12.2020 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$ Усл. печ. л. 31,49
Заказ № 534. Тираж 500 экз.
Отпечатано ИП Жмуров С. В.
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Телефон (3456) 27-59-29. tobtt@yandex.ru

В.И. Соболев и В.И. Молодин в экспедиции. 1973 г.

В.И. Соболев в экспедиции. Конец 1980-х.

В.И. Соболев с коллегами. 1990-е гг.

В.И. Соболев за работой.

